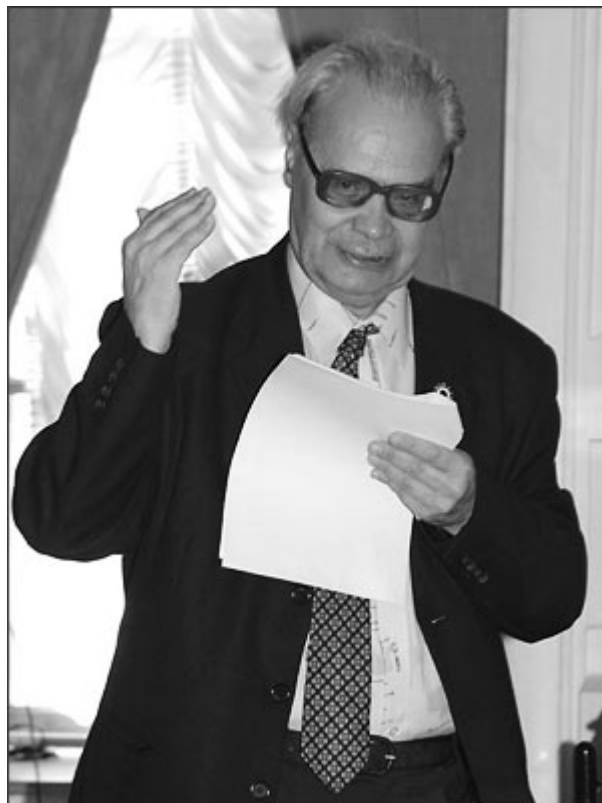

Анатолий Иванов

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МАДОННЫ

ГОЛОС В ПУСТЫНЕ

Иванову Анатолию Михайловичу к 70-летию

Приложение к журналу «АТЕНЕЙ» 2005

Иванов А.М.,
Голос в пустыне,
Москва, 2005, 136 стр.

Книга выпущена к 70-летию Анатолия Михайловича Иванова, профессионального историка, русского мыслителя-патриота и общественного деятеля, главы московской организации «Европейские Синергии». Она включает краткую биографическую справку об авторе с упоминанием его главных трудов, философский очерк «Цивилизация Мадонны» по расовым и психологическим проблемам религиозных культов с библиографией и словарем древних Богов, а также два интервью: «Наш реванш» (с П.В. Тулаевым) и

«Религия и политика» (с Г.С. Лозко). Несмотря на редкую глубину анализа, широкий кругозор и привлечение источников на нескольких иностранных языках, работы А.М. Иванова опубликованы не полностью, малыми тиражами, получив отклик лишь в узком кругу интеллектуалов. Поэтому сам автор оценивает своё творчество как «глас вопиющего в пустыне».

Составитель и ответственный редактор Тулаев Павел Владимирович

Приложение к журналу «АТЕНЕЙ»,
Регистрационный номер ПИ №77-5491
от 29 сентября 2000 года
Министерства РФ по делам печати.
e-mail: ateney@yandex.ru

Тираж первого издания: 100 экз.

На обложке: фото А.М. Иванова на встрече с Г. Фаем в Москве в 2005 году.

© Иванов А.М – тексты, 2004

© Тулаев П.В. – составление и общая редакция, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ

Спор о матриархате

Земледельцы и скотоводы

Крит против Гипербореи

Дионис и Аполлон

Арийцы или семиты?

Борьба за пантеоны

Богоизбранность Рима

Высшие силы

Связь времен

Реформация против Возрождения

Вечная женственность

Расовые корни кальвинизма

Подозрительная София

Евроазиатская империя?

Библиография

Краткий словарь древних Богов

НАШ РЕВАНШ

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

ОБ АВТОРЕ

Иванов Анатолий Михайлович родился 2 апреля 1935 года в Москве. Родители – учителя средней школы, преподаватели русского языка и литературы. Окончил исторический факультет МГУ.

Трижды – в 1959, 1961 и 1981 годах попадал в тюрьму за так называемую «антисоветскую деятельность». В общей сложности провел в тюрьмах и ссылке около семи лет.

Первую большую историко-философскую работу – «Славянофилы на распутье» написал в 1968 году на базе своей университетской дипломной работы о Н.Я. Данилевском. За ней последовали: «Генерал М. Д. Скобелев как полководец и политический деятель» (1968) и «Народники без народа. Идеология партии «Народная воля» (1969).

Принимал активное участие в русском патриотическом самиздате. Составитель манифеста «Слово нации» (1970), автор многих статей в журнале «Вече» (1971-74 гг.). Поместил в нем, в частности, свою работу о Скобелеве. Впервые опубликованная в этом журнале статья «Против притязаний Японии на Курильские острова» вышла в 1992 году отдельной брошюрой в серии «Отечественная библиотека».

В 1971 году написал первую работу по истории религии «Тайна двух начал. Происхождения христианства», в 1973 году важное историческое исследование «Триумф самоубийц. Первая мировая война и Февральская революция». Главы из него были опубликованы в журнале «Молодая гвардия», 1989, № 8 и в альманахе «Сбор» № 1 (Воениздат, 1991).

Эпохе Николая II были посвящены также две другие работы: «Гнилые устои. Аграрная реформа П.А. Столыпина» (1977) и «Роковой день России» (1978) – последняя была опубликована в 1991 году в июльском и августовском номерах журнала «Кубань».

В 1978 году была также написана работа «Логика кошмара» о сталинском терроре. В 1992 году ее расширенный вариант печатала отдельными главами газета «Русский Вестник», которая выпустила ее в виде книги в 1994 году. Через два года по инициативе Вольфганга Штрауса она вышла на немецком языке в берлинском издательстве «Ферлаг дер Фройнде».

В том же 1978 году «Тайна двух начал» была переделана в полемический памфлет «Христианская чума». Этот памфлет издательство «Витязь» выпустило в

1994 году отдельной брошюрой под несколько смягченным названием «Христианство как оно есть».

К 1980 году относится работа «История как орудие геноцида. Несколько слов в защиту венетов» (опубликована в журнале «Национальная демократия», 1995, №1).

В 1981 году было написано второе большое исследование по истории религии «Заратустра говорил не так. Основы арийского мировоззрения» об индуизме, буддизме и зороастризме (глава о последнем напечатана в сокращенном виде в журнале «Национальная демократия», 1996, №1).

Находясь в ссылке в г. Киров, А. Иванов написал две работы: «Краденые латы. Тамплиерская традиция в масонстве» (1982) и «Холокост каменного века. Загадка мегалитов» (1983). Последнюю напечатал тот же журнал «Национальная демократия», 1995, №1.

Темой исследования «Князь мира сего» (1986) стал сатанизм в мировой литературе. Анализу подвергнуты произведения Мильтона, Гете, Байрона, Лермонтова, Достоевского, А. Франса, Т. Манна и М. Булгакова.

Очерк «Это был тоже стабильный мир» (1987 г.) был якобы посвящен упадку Римской империи, а на самом деле предвещал грядущий крах Советского Союза.

1988 годом датируется работа «Легенда об испанской инквизиции». Она была напечатана в самиздатском журнале «Непрядва».

А. Иванов был членом редколлегии еженедельной газеты «Русский Вестник» с января 1991 года. За прошедшие годы в этой газете было напечатано много его статей на самые разные темы.

В 1996 году написана работа «Тепло жизни и холод смерти. Ницше и Эвола». Она была опубликована в сокращении в первом номере журнала «Атеней».

С 7 июля 1997 года А. Иванов возглавляет московский центр международной ассоциации «Европейские синергии».

Работа «Второе падение Монсегюра» (1998) посвящена средневековым дуалистическим ересям и написана в порядке полемики с центром катарских исследований в Каркасоне (Франция).

Публикуемое нами исследование «Цивилизация Мадонны», где рассматриваются проблемы взаимоотношения расовой психологии и религии, было завершено автором в 2001 г.

В начале 2002 года написана работа по расовой лингвистике «Иерархия разума», а в августе подготовлен очерк «Немцы как богоизбранный народ», напечатанный в сокращенном виде в спецвыпуске «Атеней» на немецком языке «Deutschland und Rußland» (2005).

С начала основания «Атеней» (2001 г.) А. М. Иванов – член его редколлегии и постоянный автор журнала.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МАДОННЫ

Индийский жрец: Бог многолик... У Бога много имен.

Английская леди-туристка: Ну, видите ли, у нас это не так.

*Жрец: Нет, даже и у вас. Отец, Сын, Дух святой,
Непорочная Мать.*

Леди-туристка: Простите, пожалуйста, мы не католики.

Жрица (резко): Разве на ваших храмах надпись:

«Только для мужчин?»

*Диалог из пьесы Б. Шоу
«Простачок с Нежданных островов».*

Спор о матриархате

В начале был Бахофен.

Сегодня имя этого швейцарского немца, современника Маркса, Энгельса и Гобино, помнят только специалисты по первобытному обществу. Раньше имя Бахофена было более широко известно, потому что всем нам приходилось зубрить классиков марксизма-ленинизма, в частности, работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой Бахофен упоминается не один раз.

Теперь настали иные времена. Выполняя распоряжение Ельцина, библиотеки выбросили книги вышеупомянутых классиков на помойку. А жаль. Творцы этих

книг были догматиками, но, по крайней мере, обладали высоким культурным уровнем. Их бы критикам дорасти хотя бы до половины этого уровня. Но у нас в России выплескивание ребенка вместе с водой это традиционное национальное развлечение. Вместе с догмами выкинули и культуру, которую заменяют теперь заунывные церковные песнопения, перемежаемые взвизгиваниями звезд эстрады.

Ф. Энгельс говорил о четырех великих открытиях Бахофена. Напомним, что это были за открытия и подумаем, заслуживают ли они, с современной точки зрения, звания «великих». Кроме Бахофена, Энгельс опирался на исследования американского ученого Л.Г. Моргана, который пришел «к выводу, что существовало первобытное состояние, когда внутри племени господствовали неограниченные половые связи... Лишь Бахофен, – и в этом одна из его крупных заслуг, – отнесся серьезно к этому вопросу и стал искать следы этого состояния в исторических и религиозных преданиях... Заслуга Бахофена в том и заключается, что он выдвинул на первый план исследование этого вопроса».

Это первобытное состояние Бахофен называл «гетеризмом». Энгельс высмеивал этот термин, полагая, что «Бахофен показал этим, как мало он понимал, что именно он открыл или, вернее, угадал... Важные открытия Бахофена повсюду до невероятия мистифицированы его фантастическим представлением, будто источником исторически возникавших отношений между мужчиной и женщиной были всегда соответствующие религиозные представления людей, а не условия их действительной жизни».

Из каких именно религиозных установок исходил Бахофен, поясняет философ III Рейха А. Боймлер: «Бахофен был убежден, что христианство победило в мире раз и навсегда». «Вся космическая и человеческая история для Бахофена – борьба женской, материальной силы с нематериальным, чисто духовным отцовским началом», выраженным в христианской религии.

Эту схему впоследствии развивал во всех своих сочинениях Ю. Эвола, хотя и давал ей иное толкование. По его словам, «взгляды Бахофена, которые во многих пунктах можно считать традиционными, следует ...по меньшей мере, дополнить там, где они указывают на нечто вроде стихийной эволюции от низшего к высшему, в частности, когда они принимают элемент, связанный с Землей и Матерью, за более древний, за исходную точку. В действительности речь идет о формах скрещивания низшего (южного) элемента с высшим (гиперборейским)».

Бахофен видел пережиток первобытного состояния, например, в знаменитых римских сатурналиях. Эвола его поправлял: «Сатурналии праздновали с мыслью о возрождении Золотого века, когда правил Сатурн. Промискуитет и все-

общее равенство рассматривались как особенности этого Золотого века. В действительности речь шла о заблуждении, и Сатурн, которому поклонялись в данном случае, это не царь Золотого века, а скорее хтонический демон, что доказывает тот факт, что его изображали вместе с Опс, одной из форм проявления богини Земли».

Эвола приписывал промискуитет не первобытному обществу как таковому, а только его «низшим, южным» элементам. Советские ученые в этом вопросе тоже дистанцировались от Энгельса, которого, по идее, должны были бы почитать, но, очевидно, «облико морале» советской молодежи беспокоил их больше, поэтому они осмеливались ревизовать классика. Одни из них оставались ему верны и считали, что праобщина как начальная форма общественной организации могла возникнуть лишь в результате растворения в ней зоологических семей и взаимной терпимости взрослых самцов, т.е. установления нерегламентированных, неупорядоченных половых отношений или промискуитета. Сторонники этой гипотезы исходили не только из логических соображений, но также из этнографических данных, а именно – из известных многим племенам промискуитетных оргиастических праздников, вроде упомянутых сатурналий, в которых они видели пережиток первоначальной свободы общения полов.

Однако к началу 80-х годов все больше сторонников стала приобретать другая точка зрения, согласно которой праобщина унаследовала от предшествовавших ей животных объединений гаремную семью со свойственной ей регламентацией половой жизни.

Не знаю, были ли советские ученые – сторонники второй гипотезы – мусульманского происхождения или их гаремные предпочтения имели иную психологическую основу, – в любом случае они ошибались. Будь по-ихнему, люди так и остались бы на уровне обезьян.

Энгельс специально оговаривал: «Семья животных и первобытное человеческое общество – вещи несовместимые... Первобытные люди... или совсем не знали семьи, или, самое большее, знали такую, какая не встречается у животных».

«Следы беспорядочных половых отношений, т.н. «греховное зачатие» (Sumpfzeugung), которое открыл, как он полагает, Бахофен, приводят... к групповому браку», – продолжает Энгельс. «При всех формах групповой семьи неизвестно, кто отец ребенка, но известно, кто его мать... Раз существует групповой брак, то происхождение может быть установлено лишь с материнской стороны, а потому признается только женская линия. Так действительно бывает у всех диких народов и у всех народов, стоящих на низшей ступени варварства; и вторая крупная заслуга Бахофена состоит в том, что он первый это открыл».

Нет, не у всех! – опять встречается Эвола, – «Прав будет тот, кто вопреки Бахофену утверждает, что необходимо разделять и нельзя говорить о последовательности, так как «материнская культура», которая для Бахофена является древнейшим состоянием и из которой потом как высшие и более молодые формы «развиваются» уранические и патриархальные культуры, в действительности представляет собой мир в себе, инородный мир других народов, с которыми ...вступают в конфликт те, кто остается верен нордической традиции. Правильно будет также отвергнуть как абсурдную установленную Виртом связь между солнечным культом и культом матерей в нордическо-атлантическом цикле, так как культ матерей никогда не бывает солнечным, а всегда имеет хтонические или самое большее, лунные черты».

Эвола помянул тут недобрым словом Германа Вирта, о котором Жан Мабир пишет в своей книге «Туле»: «Его теории вызвали восхищение руководителей III Рейха, которое быстро превратилось в недоверие, когда он смешал воспринятую ими с энтузиазмом идею нордической Атлантиды с защитой идеи первобытного матриархата, которая сильно мешала гитлеровскому режиму воспитывать молодежь в сугубо мужественном духе».

По мнению Эволы, и Бахофен, и Вирт ошибались. Однако Мигель Серрано пишет, что мировоззрение СС сформировали три человека – Бахофен, Вирт и Дакке. Надо думать, они не оказали отрицательного влияния на мужественность эсэсовцев.

Эвола ошибается сам, когда утверждает, будто культ матерей никогда не бывает солнечным. Кому-кому, а ему-то с его эрудицией следовало бы знать, что в синтоизме главным божеством является Аматерасу – богиня Солнца, считающаяся творцом Японских островов и самих японцев. От нее же по прямой линии происходит император Японии, наследующий ее божественную премудрость. Эвола знал также, что слово «солнце» в немецком языке – женского рода, и это не случайно, так что есть весомые аргументы в пользу гипотезы Вирта. И не только в немецком: то же самое наблюдается и в кельтских языках. А.С. Фаминцын отмечал, что «в песнях и заговорах русского народа солнцу чаще приписывается женская природа в противоположность месяцу, которому предпочтительно приписывается мужская», а у латышей и литовцев солнце именуется «матушкой». Наконец, в самом сердце древнего хеттского царства находился великий религиозный центр Аринна, главным божеством которого была богиня солнца Вурусему, почитавшаяся как «царица страны Хатти, царица Неба и Земли».

Страстное желание Эволы непременно отделить белоснежных гиперборейских овец от южных козлиц разделяли и многие зарубежные исследователи, которые

допускали параллельное зарождение материнского и отцовского счета родства. Однако этой точке зрения противостоят данные современной этнографии, которая не только не поколебала развитый Энгельсом тезис Моргана об историческом приоритете материнско-родовой организации, но и подкрепила его рядом новых аргументов. Этнографии известно множество фактов перехода от материнского счета родства к отцовскому и ни одного факта обратного перехода. В подавляющем большинстве отцовски-родовых обществ засвидетельствованы пережитки материнского рода, обратная же картина никогда не наблюдалась.

Однако наличие в раннеродовой общине естественного половозрастного деления не создавало отношений господства и подчинения. У нас теперь с оговорками употребляют термин «матриархат», когда речь идет о присущем ранней родовой общине известном преобладании женщины. В классической первобытности с ее уравнительными порядками еще не могло быть подлинного господства и всевластия одной части общества над другой. Поэтому еще в советской литературе термин «матриархат» или «поздний матриархат» стал прилагаться к особой, сравнительно редкой форме разложения первобытнообщинного строя, при которой общественное неравенство развивается при сохранении матерински-родовых институтов и сопровождается выдвиганием на первый план женщины.

Энгельс утверждал, будто «коммунистическое домашнее хозяйство...служит реальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена». Как видим, советская наука, при всем ее уважении к Энгельсу, опровергла этот тезис, так что и у Бахофена стало одной заслугой меньше. И пресловутое эволианское разделение действительно имело место, только не изначально, а на более позднем этапе. Различные расовые задатки, которые лежали в основе этого разделения, существовали изначально, но в латентном виде, и проявились лишь со временем.

Четвертым великим открытием Бахофена было, по мнению Энгельса, открытие широко распространенной переходной формы от группового брака к парному. «Бахофен изображал это как искупление за нарушение древних заповедей богов, в действительности это – мистическое выражение выкупа: женщина откупается от древней общности мужей». Энгельс ссылается при этом не только на сатурналии и аналогичные празднества других народов, но и на обычай финикийских девушек отдаваться посторонним в храме на празднике в честь Астарты; то же самое делали вавилонские женщины раз в год в храме Милитты. Другие народы Передней Азии посылали своих девушек на целые годы в храм Анаитис, где они должны были предаваться свободной любви. Подобные религиозно освященные обычаи были свойственны в древности почти всем азиат-

ским народам, жившим между Средиземным морем и Гангом. Другая форма выкупа – право гостей на невесту, причем жених оказывался последним в очереди, как у древних балеаров. Пережитком группового брака Энгельс считал и право первой ночи. По его предположению, оно сохранилось благодаря кельтским кланам в странах, первоначально населенных кельтами, таких как Арагон.

Переворот в отношениях между полами Энгельс связывал с развитием животноводства. «Приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства». «Такие богатства... нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде». «Материнское право было отменено». «Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола».

«Дикий», воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе».

Земледельцы и скотоводы

Выделение пастушеских племен из общей массы варваров Энгельс называл «первым крупным общественным разделением труда», но четко показывал, что это было разделение и по этническому принципу. «На востоке средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, по-видимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной. Приручение и разведение скота и образование крупных стад, по-видимому, послужило причиной выделения арийцев и семитов из прочей массы варваров. У европейских и азиатских арийцев домашние животные имеют еще общие названия, культурные же растения – почти никогда».

На этом основании Энгельс предполагал, что «возделывание злаков было вызвано ...прежде всего потребностью в корме для скота и только впоследствии стало важным источником питания людей». И по-своему объяснял расовое неравенство: «Обильному мясному и молочному питанию арийцев и семитов и особенно благоприятному влиянию его на развитие детей следует, быть может, приписать более успешное развитие обеих этих рас». Энгельс полагал, что у тех, кто питается одной растительной пищей, мозг меньше.

С мнением Энгельса относительно того, что возникло раньше, скотоводство или земледелие, не соглашались даже советские ученые, считавшие, что «возникновение земледелия несколько опережало возникновение скотоводства».

«Изобретательницей земледелия несомненно была женщина: возникнув из собирательства, этой специфической сферы женского труда, земледелие долгое время оставалось преимущественно женской отраслью хозяйства». С распространением мотыжного земледелия, составлявшего преимущественно женскую область производства, хозяйственная и общественная роль женщины еще более возросла. Сферой преимущественно мужского труда земледелие стало лишь тогда, когда оно из мотыжного превратилось в пахотное.

Познания Энгельса в лингвистике были, очевидно, не весьма обширны, иначе он не упустил бы из вида, что слово «рожь» звучит и в Европе, и в Индии примерно одинаково, что нашему овсу соответствует индийское название ячменя и т.д. Но больше всего пролетел Энгельс со своим гимном скотоводам.

Известный немецкий востоковед Адольф Вармунд(1827-1913) выпустил в 1887 году книгу под названием «Закон кочевого образа жизни и современное господство евреев». Идеи Вармунда теперь снова ввел в оборот в Германии Р. Оберлерхер (см. русский перевод его статьи в журнале «Атака» №72).

Переход от охоты и собирательства к оседлому земледелию Г. Чайлд назвал «неолитической революцией». Отношения кочевого образа жизни можно назвать антинеолитической контрреволюцией.

Скотоводство органически дополняло оседлое земледелие. Пастух мог быть только рабом крестьянина (в русских деревнях на пастуха смотрели как на последнего человека). Антинеолитическая контрреволюция освободила раба, который бежал с украденным у крестьянина скотом в дикую жизнь. Для пастухов в разряд скота попадают и люди, за счет которых они живут. Кочевники существуют в симбиозе со скотом.

Эмансипированный до уровня кочевника раб крестьянина стоит в нравственном отношении не только ниже земледельца, но и гораздо ниже доисторического человека, охотника и собирателя (что отметил и Энгельс). Кочевые народы опускаются с уровня пастуха на уровень скота. Подчинение кочевниками крестьянских народов превращает победоносных кочевников в скот.

Ветхий Завет, этот вклад кочевников в духовную историю человечества, следует квалифицировать как абсолютное зло.

Такова вкратце суть идей А. Вармунда в изложении Р. Оберлерхера. В свете этих идей дифирамбы Энгельса в адрес арийцев, семитов и туранцев, якобы стоящих выше всех народов, выглядят более чем сомнительными. И возникает законный вопрос: а прилично ли арийцам оставаться в такой компании?

Из народов индоевропейской семьи кочевниками были только арийцы в узком смысле слова, т. е. народы индоиранской ветви, но величайшие достижения европейской и мировой цивилизации созданы не ими. Что же касается, германцев, то в них категорически отказывался видеть «воинственных кочевников» Вальтер Дарре, министр сельского хозяйства III Рейха, впавший в опалу в 1942 году, автор книги «Крестьянство как источник жизни нордической расы». Ему принадлежит лозунг «Кровь и почва» (Blut und Boden). Для Дарре, восхвалявшего оседлый образ жизни, наследниками Гипербореи были мирные крестьяне.

В журнале «Атака» №104 был напечатан перевод основных тезисов работы В. Дарре «Значение свиньи в нордических культурах», выпущенной издательством Ю. Ф. Леман Ферлаг в 1933 году. Дарре не случайно обратил особое внимание именно на свинью, потому что она может быть домашним животным только у оседлых народов. Кочевой образ жизни и свиноводство – две взаимоисключающие друг друга вещи.

Все нордические народы, которые волнами проникали в бассейн Средиземного мира, имели среди своих домашних животных свинью. Это служит бесспорным доказательством того, что нордические народы были оседлыми, иначе говоря, это были крестьянские народы.

Два вида диких свиней, от которых произошли домашние свиньи, – продолжает Дарре, – типично лесные животные. Если нордические народы действительно пришли с севера Европы, то их свиньи указывают на то, что они были лесными народами, так как свиньи живут только в лиственных лесах. Самой северной границей ареала нордических народов должна быть граница лиственных лесов на Севере.

Вывод Дарре: прародина нордической расы – лесная зона Северной Европы с умеренным климатом. Дарре считал, что лиственные леса умеренной зоны с их животным миром сохранялись в Европе на протяжении всего ледникового периода, во всяком случае, долгое время после появления человека.

Любопытно, что там же, где помещал прародину нордической расы Дарре, находилась и колыбель всего человечества, если верить гипотезе Энгельса, который подметил слабую сторону других гипотез: «Позднейшим поколениям кажется, ...что пастушеские народы произошли из местностей, которые в действительности не только не могли быть колыбелью человечества, но, напротив, были почти непригодны к жизни для их диких предков и даже для людей, стоявших на низшей ступени варварства. Наоборот, после того, как эти варвары, находясь на средней ступени, привыкли к пастушеской жизни, им никак не мог-

ло придти в голову добровольно вернуться из травянистых речных долин в лесные области, в которых обитали их предки».

Энгельс связывал переход к патриархату с развитием скотоводства. У германцев скотоводство осталось недоразвитым, – как отмечал Тацит, скот у них плохой породы: быки и коровы – низкорослые, невзрачные, без рогов; лошади – маленькие пони и плохие скакуны. Соответственно и к патриархату они «недоперешли». Строгий Эвола осуждающе смотрел через свой монокль на любые пережитки матриархата, видя в них признаки ущербности, вредного южного влияния и т.п. С этой точки зрения «ущербными» оказываются как раз германцы. Тот же Тацит отмечал, что у германцев брат матери смотрит на своего племянника как на сына, а некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном. Согласно комментарию Энгельса, «здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного в соответствии с материнским правом, ...который составляет отличительную черту германцев». «Еще один пережиток только что отмершего материнского права можно видеть в том уважении германцев к женскому полу, которое для римлян было почти непостижимым». В женщине германцы видели нечто священное и пророческое, они прислушивались к ее совету даже в важнейших делах. Так Веледа, жрица племени брукте-ров на Липпе, была душой всего восстания батавов в 68-69 годах.

Если Вам не нравится Энгельс, и его толкования для Вас неубедительны, послушайте Мигеля Серрано: «Женщины Гипербореи, обладавшие божественной красотой, были жрицами и колдуньями, которые могли общаться с самыми отдаленными мирами». От рождения предназначалась на эту роль девочка, которая была пятым ребенком в семье, потому что цифра 5 символизировала полюс, Гиперборею. В «Песни о Нибелунгах» Брунгильда это богиня, гиперборейская жрица и колдунья, валькирия. Зигфрид изменил своей валькирии с Кримгильдой, и за это его покарал Хаген, выступивший в роли мстителя. Точно такой же гиперборейской жрицей и колдуньей была, по Серрано, Медея и точно так же за измену ей был наказан Ясон.

В гиперборейском, кельто-арийском, полярном культе Вечно женственного Шакти – это Вечная Энергия, без которой бессильна Триада классического индуизма: без нее Брахма не может творить, Вишну – сохранять, а Шива – разрушать.

«Человек разумный» стал поклоняться женским божествам как только стал разумным. Знаменитые женские изображения ориньякской и солютрейской эпохи, т.н. верхнепалеолитические Венеры, свыше сотни которых найдено в разных местах, от Франции до Сибири, считаются большинством исследователей также

и памятниками ранней стадии религии. Как полагает С.А. Токарев, есть все основания думать, что так оно и есть. Но ученые расходятся во мнениях о том, о какой именно форме религиозных представлений идет речь. П.П. Ефименко, лучший знаток палеолита, видел в ориньякских статуэтках изображения женщин-прародительниц, иначе говоря, родовых женских предков. Однако С.А. Токарев сомневался, что такая форма верований вообще существовала (хотя упомянутый ранее пример синтоизма свидетельствует об обратном): с его точки зрения, палеолитические статуэтки это женские олицетворения очага.

А. С. Токарев иллюстрирует свой тезис подробным описанием верований народов Сибири, главной семейной и родовой святыней которых, особенно чукчей и коряков, был огонь очага. У чукчей каждая семья имела собственный огонь, и смешивать его с огнем другой семьи, занимать огонь от соседей считалось величайшим грехом; нельзя было даже варить пищу в посуде, стоявшей ранее на чужом огне.

Здесь, мне кажется, можно примирить Ефименко и Токарева. Очаг, огонь которого нельзя смешивать с чужими, это не просто очаг, а символ чистоты крови, которую тоже нельзя смешивать с чужой. В подтверждение этой версии можно привести тот факт, что у айнов существовали особые объединения женщин «сине хуци икиру», т.е. «поколения одного очага». Их члены держались друг за друга, как за родственников и ассоциировали свою общую прародительницу с богиней очага «камуи хуци», т.е. «божественной бабушкой». В свете этого становится понятным, почему от весталок, которые охраняли священный огонь в Риме, требовалось соблюдение девственности: их неприкосновенность связывалась с сохранением «чистоты огня», т.е. крови. У Лескова в романе «На ножах» описан обряд добывания русскими крестьянами «чистого огня» для защиты от эпидемии: сохранение чистоты крови предохраняло от скверны.

Мать огня, хозяйка огня, богиня огня – таковы названия покровительницы очага не только у айнов, но и у нанайцев, нивхов, эвенков, долганов. У алтайцев огонь это «от-энэ» (мать-огонь). Любопытно, что индийское слово «агни» – женского рода в отличие от нашего «огня». Напомним, что больше всего гимнов в «Ведах» посвящено именно Агни. А имя греческой богини Гестии, покровительницы домашнего очага и семьи, первоначально означало просто «очаг».

Гестию, которая была также покровительницей городов и государства, греки классической эпохи отодвинули на задний план, в отличие от скифов, которые, по свидетельству Геродота (кн.IV,гл.59) чтили Гестию под именем Табити выше всех прочих божеств. И не с одной Гестией случилась в Греции такая беда. «Мужики, что злы и грубы» в лице Аполлона отобрали оракул в Дельфах, игравших в Греции периода политической раздробленности примерно такую же

роль, как Рим в Западной Европе в Средние века, у богинь: в древнейшую эпоху этот оракул прорицал от лица Геи, а затем – Фемиды. Вообще, как отмечает Энгельс, положение богинь в греческой мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины занимали еще более свободное и почетное положение. Соотношение сил в Пантеоне отражало былые времена, и Дельфы были лишь частным успехом его мужской части. Даже великого Зевса не очень-то чтили. А. Ф. Лосев находит поразительным тот факт, что в позднейшее время Зевсу было посвящено сравнительно мало праздников и никогда не было посвящено никаких мистерий. Среди богов Греции по числу посвященных ей храмов (около 80) первое место занимала Артемида. Почему именно она?

Крит против Гипербореи

Ответ на этот вопрос дает А. В. Сазанов в статье «К изучению теонимии Боспорского царства». Он прослеживает линию развития культа Артемиды от критской Потнии Терон. Общеизвестно, что основные греческие культы не были генетически связаны с микенскими. Однако культ Артемиды принадлежал к числу немногих, связанных с ними. Главным божеством минойского Крита была Потния Терон. Она изображалась как повелительница зверей. В ней как бы соединялись функции Афины и Артемиды.

Дж. Пендлбери еще не знал имени этой богини, но отмечал те же ее характерные черты, разобранные потом разными греческими богинями: «На протяжении всей своей истории критяне поклонялись природе, олицетворением которой, начиная со среднеминойских времен (по датировке Пендлбери, это примерно 2000 лет до н.э.) была Великая мать богов, повелительница диких зверей и владычица деревьев и гор. Для символизации плодородия природы ее часто изображали с сыном – богом-мальчиком. В греческие времена ее атрибуты были распределены между различными богинями: Афина получила ее змей, Афродита – ее голубей и ее сына, Артемида – ее оленей, а различные нимфы – ее горы, потоки и леса». При этом Пендлбери четко отделял критян от греков: по его мнению, «в расовом отношении между обоими народами лежит целая пропасть». «Критский язык, всего вероятнее, имеет анатолийское происхождение; возможно, он родственен ликийскому, киликийскому или карийскому, поскольку из этих мест, по-видимому, происходит и само племя».

Столь же резко отделяет критян от греков теоретик французского Национального фронта Иван Бло: «Критская цивилизация, которая процветала в Греции примерно за 2000 лет до нашей эры, не была ни греческой, ни индоевропейской. Это была мирная, торговая, художественно очень развитая цивилизация

народа, сосредоточенного вокруг своего царского дворца, как в Азии. Ее высшие божества были хтоническими, а не небесными, как у индоевропейцев».

Однако не все специалисты по древней Греции столь безжалостно отбрасывают Крит в Азию. Например, по мнению В.С. Сергеева, «существенное отличие критского строя от восточного составляет отсутствие на Крите могущественного жречества и монументальных построек для отправления культа (храмов)». Одновременно В.С. Сергеев отмечает «слабое развитие в Греции жреческой касты, стремившейся унифицировать идеологические образы и понятия, как это имело место на древнем Востоке». Эта черта как раз сближала Крит с Грецией.

Вокруг Крита завязано очень многое. Из него делают своего рода антипод Гипербореи. Поэтому необходимо выяснить:

1. имеет ли на самом деле место конфликт Гиперборея – Крит и
2. если да, чью сторону стоило бы принять в этом конфликте.

Безапелляционный и бездоказательный тезис «Гиперборея превыше всего» обсуждению не подлежит. Он основан на глубоком, но ложном убеждении в превосходстве мужского начала над женским и в не менее ложном отождествлении первого начала – с «нордическим», а второго – с южным, отождествлении, которое восходит к Бахофену и Эволе.

В действительности мы наблюдаем одну и ту же картину и на севере, и на юге: и у германцев женщина была в почете, и на Крите поклонялись женскому боже-ству и культовые обряды выполняли женщины-жрицы. Так что если в теории «в начале был Бахофен», то откуда на самом деле пришло «зло» к грекам, если не с севера и не с юга? «Зло» в данном случае употребляется не в эволианском смысле как тлетворное, южное матриархальное влияние, а в совершенно противоположном: какие силы разрушили в Греции цивилизацию Великой Богини? Если это и были мифические гипербореи, то отнюдь не нордические, потому что самими что ни на есть нордическими все расисты считают дорийцев, а именно у дорийцев женщины занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков. Брачные отношения у них во многом были еще более архаичны, чем даже те, которые описаны Гомером.

Эгеида была для Эволы средоточием всяческой скверны. Его шокировало, что в критской культуре слово «страна отцов...отечество» (патрис) заменялось словом «страна матерей» (метрис). В этой культуре, основой которой являются еще более древние южные культы, Боги смертны. У Зевса нет отца, а есть только «мать сыра земля». Таким образом, в начале была Женщина (а не Бахофен к

великому сожалению Эвола), а бог Зевс – нечто сотворенное, смертное – на Крите даже показывают его могилу. Бессмертна зато неизменная женская почва, питающая все живое. После того, как у Гесиода тьма Хаоса осветилась, появилась черная Гея, женское начало. Без мужа она рождает горы и моря, а потом своего собственного супруга. Все божественное потомство, происходящее от Геи, которое Эвола призывает не путать с «чистой олимпийской линией», проявляет себя в мире, подверженном движению, изменениям и становлению.

Олимпийское представление о божественном у эллинов это представление о символическом мире бессмертных, светлых существ, отдаленных от низшей сферы земных вещей. Это представление о священном ассоциируется с сияющим небом и покрытыми снегом вершинами. Наоборот, представления о Хаосе как о первоначале, основе всего сотворенного, включая свет; о Земле, как о всеобщей Матери, которая существовала до своего божественного супруга и, наконец, о случайности хаотического становления, не щадящего и богов, в действительности не эллинские, это темы, которые в синкретизме Гесиода выдают свою пеласгическую основу.

У Гесиода мы встречаем идею непорочного зачатия в еще более грандиозной форме, чем в христианстве, потому что у него речь идет о «непорочном зачатии» не только Бога, но и всего мироздания, однако Эвола, если ему кто-нибудь не нравится, не знает худшего ругательства, как обозвать человека «пеласгом». Он ссылается на то, что греческие историки часто враждебно говорят о пеласгах, и видит победу эллинского начала над пеласгическим в падении царства Миноса, которое «стояло на пеласгической земле, где Зевс считался хтоническим и даже смертным демоном; где черная Мать-Земля была высшим и самым могущественным божеством; где господствовали, главным образом, связанные с женским началом, а может быть, и с упадком Египта культы Геры, Гестии, Фемиды, харит и nereид и где...на ритуалы и обычаи наложила свой отпечаток гинекократия».

Геродот, действительно, сообщает, что «имена почти всех божеств заимствованы из Египта, кроме Посейдона, Диоскуров, Геры, Гестии, Фемиды, харит и nereид. Те же божества, имен которых египтяне не знают, названы, как мне кажется, пеласгами, кроме Посейдона». (II. 50)

Правда, Геродот тут же противоречит сам себе. По его словам, «пеласги не называли богов по именам и не знали имен. Пеласги узнали имена богов из Египта» (II.52). Но как, спрашивается, пеласги могли узнать эти имена из Египта, если Геродот только что утверждал, что имена вышеперечисленных божеств египтяне как раз не знали, и эти имена – пеласгического происхождения?

И это не единственное противоречие у Геродота. Эвола цитирует кн. I, 57, где Геродот называет язык пеласгов «варварским» и отмечает, что язык пеласгов, которые живут в г. Крестона на Халкидике, «не похож ни на один из языков соседних народов», однако Геродот тут же как ни в чем не бывало добавляет: «Эллины отделились от пеласгического племени» (I, 58). В частности, «афиняне, пока нынешнюю Элладу населяли пеласги, были пеласгами и именовались кранеями» (VIII, 44). «Население Аттики, бывшее пеласгическим, с приходом эллинов изменило и язык свой» (I, 57). В итоге остается непонятным, что же на самом деле произошло: то ли эллины отделились от пеласгов, то ли слились с ними и ассимилировали их?

Если бы пеласгическое влияние было таким негативным, как учит Эвола, то пережитки матриархата были бы сильнее всего именно в Афинах. Однако в действительности все обстояло «с точностью до наоборот»: в Афинах-то женщины как раз и находились в самом приниженном положении.

Так что Эвола зря грешил на пеласгов. И зря поверил ему и Бахофену М. Серрано, назвавший «архаической» идею Великой Богини и связавший ее с доарийским эгейско-средиземноморским и даже дравидским населением. Этнический состав доэллинского населения Греции теперь стал более или менее ясным. «Догреческий субстрат представлял собой в диахроническом плане многослойный конгломерат гетерогенных явлений, древнейшие из которых следует отнести к доиндоевропейскому слою» (первоначальное население Крита). Но и «первыми индоевропейцами...на юго-востоке материковой Греции, Крите и других эгейских островах были не «пеласги», а «хетто-лувийские племена, пришедшие из Анатолии, а второй догреческий слой это и были «пеласги», племена вышедшие из восточных областей Балканского полуострова, расположенных в непосредственной близости к фракийским.

Таким образом, прослеживается связь между пеласгами и Трипольской культурой, приписываемой фракийцам. Характерной чертой Трипольской культуры являются статуэтки женских божеств, расставленные на глиняных жертвенниках в домах. В своей огромной монографии «Прародина ариев» Ю. Шилов, в соответствии со своими установками на провозглашение Украины «родиной слонов» не только утверждает, будто «именно украинский народ сохранил наибольшее традиции древнейших ариев», но и делает из области распространения Трипольской культуры, которую отождествляет с мифической Араттой, главный центр мировой цивилизации. Шумер, оказывается, всего лишь жалкая периферия «Трипилля».

Однако в этой навозной куче националистической брехни можно найти и рациональные зерна. В книге Ю. Шилова упоминается, в частности, о том, что Три-

польскую культуру связывают как раз с племенами пеласгов и что для нее характерна традиция Великой Богини-Матери. Эта традиция идейно связывает Триполье и Крит. А кто жил на Крите, мы знаем из гомеровской «Одиссеи»:

...Разные слышатся там языки: там находишь ахейн,
С первоплеменной породой воинственных критян,
Кидоны там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов
В городе Кноссе живущих.

А Кносс был как раз центром критской культуры. Культуры Великой Матери.

Если же потянуть ниточку в сторону Малой Азии, обнаружится та же самая закономерность. Особое удивление у Геродота вызывали ликийцы своим совершенно особым обычаем, отличающим их от всех народов: они называют себя по матери, а не по отцу. Причем ликийцы «издревле происходят с Крита» (I, 173).

Ученые долго бились над дешифровкой ликийского языка, не зная, к какой семье его отнести, индоевропейской или кавказской. Но впоследствии чаша весов сильно склонилась в сторону индоевропейского характера ликийского языка. Жаль, не дали заняться этим нашим доблестным дилетантам от языкознания, вроде Гриневича: они как узнали бы, что по-ликийски «жена» будет «лада», сразу же провозгласили бы ликийцев славянами и заявили территориальные претензии на Крит и Ликию. Серьезные же ученые, такие как Х. Педерсен, сближают ликийский язык с хеттским.

Дионис и Аполлон

Агентом южной цивилизации, коварно проникшим в среду нордических гипербореев, считался Дионис, сын Семелы, т.е. Земли, – еще один повод для ликования наших славянобесов, которые могут по этому случаю объявить Диониса «русским богом». Известно, что последователем Диониса называл себя Ницше. «Патриархальщикам» это очень не нравилось. А. Боймлер строго следовал линии Бахофена: «У Бахофена Дионис и Аполлон это не безмерность и мера, а земля и небо, привязанность к материи и свобода от нее. Противоположность дионисического и аполлоновского начал совпадает у Бахофена с противоположностью между хтоническим и ураническим началами». Поэтому Боймлер всеми силами старался достичь невозможного: «отчистить» Ницше от Диониса, доказать, что Ницше своего Диониса просто выдумал, чтобы поиздеваться над публикой, а на самом деле был последователем Гераклита.

Ю. Эвола шел дальше и, не пытаясь как-то реабилитировать Ницше, сурово осуждал его за его дионисизм. Он писал, что «эллианская культура имела более древний слой, а именно эгейский и пеласгический, в котором снова возникает общий мотив атлантической культуры Серебряного века, главным образом, в форме культа Деметры, но часто еще с примесью мотивов низшей, связанной с хтонически-демоническими культами. Этому слою противостояли как собственно эллинские культурные формы, созданные племенами завоевателей, ахейцами и дорийцами, и отличающиеся олимпийским идеалом гомеровского цикла и культом гиперборейского Аполлона». Рецидивами влияния древнего слоя Эвола считал разные формы культов Диониса и Афродиты, а также учение Пифагора. Ранее мы уже видели, что Эвола учуял пеласгический дух и у Гесиода.

«В послегомеровской Греции наблюдаются различные признаки возрождения поработанных коренных слоев, которые восстают против собственно эллинского элемента. Снова появляются хтонические мотивы, которые были свойственны древнейшей культуре... Кризис приходится на VII-VI века до н.э. Тогда в Греции разразилось дионисическое безумие, которое лишь потому обрело такое значение, что ему проложили дорогу женщины». Суть дела не менял, по мнению Эвола, даже переход от диких фракийских форм к эллинизированному, орфическому Дионису, так как он остается, несмотря на это, подземным богом, связанным с хтонической Геей и хтоническим Зевсом.

«Дионисическую эпидемию» Эвола связывает с кризисом власти аристократии в греческих полисах. Он тоже подчеркивает тот, отмеченный Бахофеном факт, что народные тираны, как правило, возводили свое право на власть к женщине и наследовали ее по женской линии. Эвола усматривал в этом взаимосвязь между демократией и гинекократией. По его мнению, неправильно считать, буд-

то греческая демократия была победой греческого народа: на самом деле это была победа Малой Азии или, скорее, Юга над греческими племенами.

Пифагорейство Эвола считал «возвратом пеласгического духа», поскольку основными его чертами были культ Деметры и пантеизм. «В принципе это лунный дух жрецов-халдеев..., которые представляли себе мир как число и гармонию. Темный, пессимистически-фаталистический мотив теллуризма содержится в пифагорейском учении о рождении на Земле как о наказании и в учении о реинкарнациях... Но душа, которая все время снова возрождается, это не более чем душа, подчиненная хтоническому закону. Пифагорейство и орфизм с их учением о реинкарнациях показывают тем самым, какое большое значение они придают теллурическому началу и истине, характерной для матриархата. С учетом всего этого становятся понятными приверженность Пифагора к богиням вроде Деметры (после его смерти его жилище стало храмом Деметры), а также высокое положение женщины в пифагорейских сектах, где они выполняли даже роль жриц».

Итог, который подводит Эвола: в Греции боролись между собой два мира, но ни один из них не одержал убедительной победы. «Дельфийскому Аполлону и олимпийскому Зевсу так и не удалось образовать универсальное целое и действительно победить демона». «Рядом с мужественным идеалом культуры как духовной формы, героическим кругом тем и осмысливанием уранического начала в олимпийской религии цепко удерживались культ Афродиты и чувственности, Диониса и сверхэстетизации и утверждалось мистически-мечтательное направление орфических реинкарнаций, мотив греха, чисто созерцательный взгляд на природу деметрианско-пифагорейского типа и вирус демократии и антитрадиционализма».

Схематизм никого еще до добра не доводил. И стройная схема противостояния Аполлон-Дионис тоже разлетается вдребезги, если поближе присмотреться к самому Аполлону. Как отмечает С. А. Токарев, большинство исследователей признает его божеством пришлым, малоазиатским по происхождению. А. Ф. Лосев ссылается, в частности, на Вилламовица, который еще в 1903 году высказал мысль о малоазиатском происхождении Аполлона. Вилламовиц базировался при этом на антагонизме между Аполлоном и греками у Гомера, что, действительно, бросается в глаза. Аполлон у Гомера изображается всегдашним противником ахейцев.

То, что Лосев пишет дальше об Аполлоне, наверное, повергло бы Эволу в шок: «Архаический и хтонический Аполлон, несомненно, реализовал ту же идею вечного возвращения жизни и смерти, которая еще более хтонически была выражена в ...Гиацинте», а от Гиацинта «тянется некоторая нить к Дионису». И это

Аполлон, «основное божество патриархата». Эвола окружил образы олимпийских богов небесным сиянием, а Аполлон, мало того, что он такой же педик со своим Гиацинтом, как Зевс со своим Ганимедом, они оба, гады, к тому же еще и «хтонические» по происхождению!

Женоненавистник Эвола, разумеется, не любил амазонок, а ведь это были не какие-нибудь там презренные южанки, а арийские женщины. Крупнейший советский специалист по сарматам К. Ф. Смирнов писал: «По ряду могил Илека особенно заметно почетное положение богатых женщин-наездниц и жриц. После наших исследований на Илеке бессмысленно отрицать гинекократические черты савроматов». В другой своей работе он проводил такое разделение: «В жизни скифов матриархальные отношения не оставили следов», зато «у савроматов, исседонов и массагетов они были ярко выражены».

Другой наш специалист по этим народам Б.Н. Граков указывал на пережитки матриархата у некоторых киммерийских племен, предшественников скифов в Причерноморье, а именно тех, которые потом смешались с сарматами, и упоминал в этой связи предание о нашествии киммерийских амазонок из Северного Причерноморья на Аттику в 1251 году до н.э.

Эвола поносит амазонок за то, что они «незаконно присвоили двойную секиру гипербореев, и поддерживали Трою, город Венеры (сиречь Афродиты) против ахейцев». Понятно, почему на стороне Трои выступала Афродита, ведь троянский царевич Парис присудил ей первое место на конкурсе красоты. Непонятно только, каким образом Аполлон и Афродита оказались по одну сторону баррикад, в то время как Эвола строго-настрого приказал им быть по разные стороны.

Эвола также несправедливо обвиняет амазонок в незаконном присвоении чужого имущества. Двойная секира была на Крите атрибутом Богини-Матери и никогда не изображалась в руках мужского божества. Богиню часто сопровождали голуби, которые изображались сидящими на двойных секирах.

С греческим названием двойной секиры «лабрис» связывают слово «лабиринт», а знаменитый критский лабиринт – место действия мифа о Тесее и Ариадне. Как известно, Тесею удалось победить ужасного Минотавра благодаря помощи Ариадны, влюбившейся в него, потому что Тесей перед отъездом на Крит принес жертву Афродите. Вошедшая в пословицу «нить Ариадны» помогла Тесею найти выход из Лабиринта, а юноши и девушки, обреченные в жертву чудовищу и спасенные Тесеем, устроили на радостях веселый хоровод.

Как выглядели эти хороводы, можно узнать из описания изображений на щите, выкованном Гефестом для Ахилла («Илиада», песнь 18):

«Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками...
...Пляшут они, и ногами искусными то закружатся...
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими...
два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине».

Умерший в январе 2000 года шведский исследователь Фритьоф Халльман обратил внимание на сходство описанного Гомером хоровода с танцами, которые до сих пор исполняет на праздниках весны молодежь в Швеции и Финляндии и которые называются «девичьими танцами». Атрибутом этих танцев является связывающая танцоров лента, которая постоянно должна быть натянутой, для чего она то наматывается вокруг тела или вокруг руки, то разматывается.

Совершенно ясно, что речь идет о весеннем празднике в честь богини любви – как отмечает тот же Халльман, Ариадна часто отождествлялась с самой Афродитой – а страшный Лабиринт был всего-навсего танцплощадкой для исполнения ритуальных хороводов. Такие же лабиринты для танцев диаметром от 15 до 25 метров строили и в Северной Европе, где они назывались «троянскими замками». Троя же, как мы помним, была городом Афродиты, и само имя этого города Ф. Халльман возводит к немецкому корню «dreih-» и валлийскому «troi», обозначающему «верчение», т.е. Троя, как и Лабиринт, это тоже танцплощадка.

Уцепившись за Трою Ф. Халльман вспоминает и «троянские игры», описанные Вергилием в книге пятой «Энеиды»:

«По трое в каждом ряду разделился строй, и немедля
Два полухория врозь разъехались, после, по знаку,
Вспять повернули они, друг на друга копья наставив,
Встретились, вновь разошлись и опять сошлись на широком
Поле; всадников круг с другим сплетается кругом,
Строй против строя идет, являя битвы подобье.
Вот одна сторона убегает, а вот, повернувшись,
С копьями мчится вперед; вот обе смыкаются мирно,
Рядом летят... – На критских холмах, повествуют, когда-то
Был Лабиринт, где сотни путей меж глухими стенами

В хитрый сплетались узор и где все путеводные знаки
Людам помочь не могли, безысходно блуждавшим вслепую.
Так же теперь следы перепутались юных троянцев,
То убегавших стремглав, то сходявшихся в битве потешной...

Троянские игры понадобились Ф. Халльману для толкования изображений на этрусском кувшине из Тральятеллы, на котором их не меньше, чем на знаменитом щите Ахилла: тут и всадник с копьем, и совокупающаяся пара, – может быть, это Тесей и Ариадна. Эротические мотивы вообще играли видную роль в этрусском искусстве. Но сам же Халльман отмечает, что в лабиринтах северной Европы отсутствует военный элемент троянских игр: они строились для праздников весны и любви и, возможно, никакого отношения к Трое и не имели, и название их нужно переводить буквально: не «троянские замки», а «замки для хороводов».

Надо сказать, что Ф. Халльман много путает в своих исследованиях так, словно он сам заблудился в лабиринте. Он писал свою книгу, заранее поставив перед собой цель (что всегда плохо): доказать, будто исходной точкой распространения лабиринтов был не юг, а север Европы. Как и все, пользуясь шутливым французским выражением «нордизаны», он был буквально помешан на идеях Юргена Шпанута. Этот немецкий пастор прославился тем, что локализовал Атлантиду в Северном море. Гибель ее в XIII веке до н. э. вызвала великое переселение народов в Центральной Европе и нашествие на Восточное Средиземноморье т.н. «народов моря», о победе над которыми сообщает в своих надписях египетский фараон Мернепта (1251 – 1231 г. до н.э.), а при Рамзесе III (1204 – 1173 г. до н. э.) египтяне перешли в наступление и разбили народы моря на их островах.

Однако греческие племена ахейцев завладели нынешней Элладой задолго до того катаклизма, который живописал Шпанут; с этой катастрофой, если она на самом деле была, можно связывать лишь вторую волну переселения греческих племен, а именно дорийцев, которых Гомер уже упоминает, наряду с ахейцами, в числе жителей Крита. А сходные черты уклада жизни дорийцев и германцев были отмечены еще Энгельсом.

Ф. Халльману не приходила в голову мысль, что прародиной лабиринтов мог быть не юг, и не север, – это могла быть общая прародина пеласгов, греков и германцев на востоке Европы.

Но еще хуже, что Халльман не только нордизан, но и «мужизан». Он берет за основу не изначальный миф о Тесее и Ариадне, а его более позднюю патриархальную переделку, согласно которой не Ариадна спасла Тесея, а наоборот, Те-

сей спас Ариадну. Вокруг этого накручивается целая теория «солнечного мифа»: Ариадна это воплощение Солнца, нить Ариадны – символ спирального движения Солнца, Минотавр – олицетворение Зимы, а Лабиринт – зимний плен Солнца, из которого его, точнее ее, освобождает герой в противоположность вавилонскому мифу, в котором богиня любви Иштар освобождает из пещеры солнечного бога Таммуза. Такое же символическое толкование дается и Троянской войне: многолетняя война просто из-за женщины выглядит абсурдом, зато освобождение «солнечной девы» из Трои, она же Лабиринт, – дело вполне «богоугодное».

Эвола, конечно, не похвалил бы Халльмана за «солнечную деву», потому что он, как мы знаем, считал Солнце исключительно мужским символом. Но особенно недоволен был бы М. Серрано: он-то учил, что герои не должны изменять своим валькириям, за это их ждет суровая кара, а Халльман, наоборот, призывает разбрасываться «валькириями» направо и налево: победитель дракона Тьмы не оставляет себе освобожденную им солнечную деву, а всегда должен передать ее наследнику: Ясон – Эгею, Зигфрид – королю Гунтеру, Тесей – Дионису.

Ну, все на свете переврал ученый швед! Он заставил поменяться ролями не только Ариадну с Тесеем, но и Медею с Ясоном. В мифе об аргонавтах, как и в мифе о Тесее, после жертвы, принесенной Афродите, Медея влюбляется в Ясона и помогает ему одолеть огнедышащих быков (колхидский вариант Минотав-

ра). И никому Ясон Медею не уступал: убив его детей в отместку за измену, она бежала из Коринфа в Афины, где стала женой Эгея, отца Тесея.

Тесей, действительно, во время остановки на Наксосе, уступил Ариадну Дионису. Но и Тесея тоже постигла кара: покончил с собой его отец, а самого Тесея, коварно, как Хаген Зигфрида, убил царь Скироса Ликомед.

Что же на самом деле кроется за мифическим образом Минотавра? Как говорится в примечаниях к «Мифологической библиотеке» Аполлодора, мифологическая традиция о Минотавре хранит в себе следы древних критских верований, на которые оказали влияние и религии Древнего Востока, прежде всего Египта и Финикии. Крит был главным культовым местом Зевса. Эпитет Зевса на Крите был Астерий (звездный). По-видимому, позднее Зевс Астерий раздвоился, и Астерий стал земным отцом Миноса, который женился на Европе (финикийской, отметим про себя, царевне), похищенной до этого Зевсом, принявшим образ быка. Немецкий исследователь Бете пришел к выводу, что бык и Минос были идентичны в критских верованиях: «Минос является богом в облике быка. Имя является не чем иным, как варварским именем божества некоего негреческого народа».

Фрески Кносского дворца изображают игры с быками, явно имевшие культовый характер. В критских культовых местах изображались бычьи рога. Черепа быков с огромными рогами найдены перед жертвенниками Кносского дворца.

Любовь жены Миноса Пасифаи к Критскому быку, плодом которой был Минотавр, является фантастическим отражением древнего критского религиозного обряда, совершавшегося женой царя-жреца. И в Афинах, сохранивших древние связи с критскими жрецами, жена архонта-царя вступала в ритуальный брак с Дионисом в храме последнего Буколионе. Сам Дионис иногда представлялся греками в образе быка. Ритуал этот мог быть заимствован с Крита.

Но ближе всего культ быка к финикийским верованиям. Дж. Фрэзер пишет: «Сходство критских преданий с карфагенскими ритуалами наводит на мысль, что культ Миноса или Минотавра испытывал сильное влияние со стороны семитского культа Ваала. Предание об агригентском тиране Фаларисе и его медном быке является, возможно, отзвуком аналогичных обрядов на острове Сицилии, где влияние карфагенян пустило глубокие корни».

Правление царей на Крите ограничивалось 8 годами, после чего царь «беседует с Зевсом». «Возможно, что, для того, чтобы обновить силу царя и персонифицированного им солнца, жертву заживо поджаривали в бронзовой статуе быка или человека с бычьей головой».

Арийцы или семиты?

Одного чудовищного быка (на Крите) убили, двух других (в Колхиде) заставили пахать. Это были две победы, одержанные индоевропейской цивилизацией Богини-Матери под водительством, говоря словами М. Серрано «гиперборейских жриц-колдуний», Ариадны и Медеи, над патриархальной семитской цивилизацией. Финикийцы были именно семитами, хотя Шпанут и Халльман отождествляли их с филистимлянами, т.е. с народами моря, которым они приписывали «нордическое» происхождение, а кровожадного Ваала – с Бальдуром! Приписывать нордическим народам человеческие жертвоприношения в особенно извращенной и жестокой форме, значит, по-моему, клеветать на нордические народы.

Я уже писал эту работу, когда в моем распоряжении оказался очень интересный материал с одного финского сайта сети Интернет. В этом материале под заголовком «Европейская Богиня» говорилось о том, что по всей Европе, от Испании до России и Анатолии на протяжении 25 000 лет прослеживается цивилизация, характерной чертой которой были женские изображения людей или божеств.

Первые признаки андроцентризма в ареале этой цивилизации Богини появились за 4 000 лет до н.э. Мария Гимбутас, известная своими работами о прародине арийцев, утверждала, что первые тенденции развития к андроцентризму проявились в Анатолии или Южной России.

Эти изменения совпали с началом применения металлов, приручения лошади и верблюда, но решающим было то, что человечество впервые столкнулось тогда с проблемами перенаселения. Под влиянием всех этих факторов матриархальная цивилизация Богини пала и, похоже, началось ее падение с Месопотамии.

Мария Гимбутас писала об этом в своей книге «Цивилизация Богини»: «Индоевропейское общество было воинственным, экзогамным, патриархальным, патрилинейным и патрилокальным, с сильными клановыми организациями и строгой общественной иерархией; ведущую роль в нем играл класс воинов. Их главные божества были мужскими, и деятельность богов была связана с войной. Невозможно, чтобы такой общественный порядок мог развиваться внутри матрилинейного, матрицентричного и эндогамного общества Древней Европы. Поэтому мы должны рассматривать появление индоевропейцев в Европе как столкновение двух идеологий, а не как эволюцию».

Далее сравниваются характерные черты этих двух идеологий, где первый тезис схемы относится к древней Европе, а другой – к Востоку индоевропейцев и семитов.

Финский автор статьи в Интернете отмечает, что оба эти образа мыслей существуют и переплетаются в современном мире. Черты, перечисленные в правой колонке, он называет психической болезнью (и в этом я с ним согласен). Но, по его мнению, сохраняются надежды на возврат к старому и общественная потребность, которая некогда породила религию Богини. Автор не соглашается с Марией Гимбутас (и с Эволой): переход к патриархату мог быть в Европе и постепенным, без завоевания (т.е. по Энгельсу).

Мифологическими свидетельствами этого переходного периода автор считает богинь войны, таких как Афина-Паллада и кельтская Эпона-Рианнон.

Временное возрождение «матриархата» имело место в Дании в мегалитическую эпоху. «А чем иным может быть католический культ Девы Марии, как не ответом на решимость европейцев сохранить свои древние религиозные обряды и в христианскую эру?» – справедливо спрашивает автор.

Наплыв индоевропейских кочевников в Юго-Восточную Европу привел там к общему снижению культурного уровня. Раскопки свидетельствуют о разной ра-

совой принадлежности женщин и мужчин этого региона в ту эпоху. Автор сравнивает эту ситуацию с нынешней в Боснии и Косово.

По мнению автора, нельзя больше отрицать, что доиндоевропейская цивилизация была более развита, чем цивилизация кочевников. Вторгшиеся племена имели лишь одно преимущество над земледельческими цивилизациями Европы и Ближнего Востока: они страдали серьезной психической болезнью. Они заключили договор с Яхве. Вирус этой болезни живет в нас до сих пор, ее синдром – культ демонов-убийц пустыни. Но следы многих тысяч лет, прожитых людьми без Яхве и прочих мулл, остались в коллективном подсознании, в генетической памяти, и до сих пор служат противовесом вышеупомянутой психической болезни.

Как видим, в Финляндии тоже поняли семитскую суть эволианского культа «патриархальных арийцев».

Наряду с Финикией выше был упомянут и Египет, откуда, по Геродоту, греки заимствовали имена своих богов, но если углубиться в древнеегипетскую религию, с грохотом рухнет надуманная бахофенско-эволианская схема противостояния «уранического» и «хтонического» начал. Узнав, что египтяне считали небо женским началом, а землю – мужским, Эвола наверняка выразился бы так же, как выражались евреи в романе Т. Манна «Иосиф и его братья»: «Дурацкая земля египетская!»

В представлениях древних египтян солнце – Ра было золотым теленком, рожденном богиней неба Нут. Но тут сразу вспоминается стих Есенина:

Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Образ вполне египетский. В Древнем Египте представляли себе небо в виде огромной коровы. Русское язычество, отзвуки которого слышатся у Есенина, странным образом совпадает с древнеегипетским. Ну а когда наши лингвисты вроде Гриневича, узнают, что имя египетской богини любви, веселья, пляски и музыки Хатор (Хат-хор) расшифровывается как «жилище Гора» (т.е. «хата Горнего») они окончательно убедятся, что в древнем Египте жили славяне.

Култ Исида был также связан в древнем Египте с почитанием коров. По сообщению Геродота, «коров им (египтянам) не дозволяется приносить в жертву, так как они посвящены Исиде. Изображение Исида представляет женщину с рогами коровы подобно тому, как эллины изображают Ио; вообще все египтяне

чтут коров гораздо больше, нежели остальных животных» (II 41). Почитание коров в Египте живо напоминает нам Индию.

Далее Геродот пишет о том, что «не все египтяне одинаково чтут одних и тех же богов, за исключением Исиды и Осириса, который, по их словам, есть тот же Дионис; только эти божества одинаково почитаются всеми египтянами» (II 42). М.А. Коростовцев также отмечает: «Государственной религии, в нашем понимании, в Египте никогда не было, как не было и единой церковной организации. В связи с этим не существовало обязательных для всей страны религиозных догматов, не наблюдалась унификация религиозных воззрений». «Надо решительно расстаться с довольно широко распространенным мнением о египетском жречестве как о касте или какой-то похожей на касту замкнутой корпорации. Жречество в Египте – царская служба». Эта черта роднит Египет с Критом и Грецией, но все они никак не втискиваются в «лунную цивилизацию» Эвола, характерной особенностью которой он считал выделение священнослужителей в особое сословие.

Геродот отождествлял Исиду с греческой Деметрой, и то, что он говорит о распространении культа Исиды в Египте, может быть тоже переносом на египетскую почву отношений, имевших место в Греции, где самыми популярными божествами были Деметра – Мать Божия и Дионис – Сын Божий. Правда, у Геродота Дионис это Осирис, а сын Осириса и Исиды Гор-Аполлон (II 156). Но, как бы то ни было, Исида с младенцем Гором на руках послужила прообразом христианской Богородицы.

Совпадение символов вовсе не означает, что совпадает и содержание. Уже в древности цивилизация Великой Матери не была чем-то однородным, ее культ принимал самые разнообразные формы в зависимости от расовой и этнической почвы, на которой он развивался. Эвола же сваливал все эти разновидности в одну кучу «материнской культуры», которую определял следующим образом: «Перенос понятия женщины как начала и субстанции творения в метафизическую плоскость – определяющая тема сама по себе. Богиня выражает высшую действительность, и все существа, которые должны рассматриваться как ее дети, являются по сравнению с ней обусловленными и подчиненными, без собственной жизни, т.е. слабыми и преходящими. Таков тип Великой Богини жизни в азиатско-средиземноморском регионе, каким его представляют Исида, Ашера, Кибела и особенно Деметра, центральный образ пеласго-минойского цикла». Об Иштар в одном из древнейших гимнов говорится прямо как об Аллахе в первой суре Корана: «Нет истинного Бога кроме Тебя», и она величается «Умму илани», т.е. Мать богов.

Борьба за пантеоны

Эвола считал «женско-теллурическим символом» триаду: Мать (божественная Жена), Земля и Вода (или Змея), три характеристические, в значительной степени равноценные и часто взаимосвязанные формы выражения культа (Мать-Земля, вода как творческое начало, водяная змея и т.д.). Но эта схема опять разбивается о конкретные религиозные представления разных народов. Так древние шумеры видели в воде первородную божественную стихию, в которой коренилось начало жизни, но водой ведал бог Эа, а не богиня, а землей тоже бог – Энлиль. Предпочтение, отдаваемое луне, Эвола связывал с матриархатом: у шумеров Солнце рождалось от Луны, но речь шла об отношениях отца и сына, а не матери и сына – и Луну, и Солнце олицетворяли мужские божества, Син и Уту (у семитов Шамаш).

У шумеров на матриархальную, если верить Эволе, основу уже накладывался патриархальный налет. Усиление патриархальной тенденции заметно по той эволюции, которую претерпела верховная троица. Сначала это была нормальная семья: верховный бог неба Ану назывался отцом богов, Иннина – богиней-матерью (у семитов это богиня природы, жизни и рождения Иштар, олицетворением которой была планета Венера), а имя бога воскресающей природы Таммуза означало «истинный сын». Впоследствии небо, землю и воду захватили три мужика, Ану, Энлиль и Эа, Иштар оттеснили во «вторую лигу», а Таммуз из ее сына превратился в ее мужа. В Вавилонском царстве, в котором семиты возобладали над шумерами, бог солнца Мардук был объявлен верховным Богом и творцом Вселенной, началом порядка, света и добра. По Эволе получается, что семиты были носителями нордической, гиперборейской идеи.

Эвола с отвращением описывает мистерии малоазиатской богини Кибелы, Великой Матери богов, которую греки отождествляли с матерью Зевса Реей. Участники этих мистерий в экстазе оскотничали себя. На Крите, как мы помним, жрицами Великой Богини были женщины. Победившим мужчинам, чтобы служить Ей, нужно было перестать быть мужчинами.

А служить приходилось. Во время Второй пунической войны в Риме было решено ввести почитание Кибелы. Без помощи Великой Матери богов нельзя было одержать победу над карфагенянами с их кровожадным Ваалом. Рим вынужден был вернуться в лоно Великой Матери, чтобы Ее цивилизация восторжествовала над патриархальной семитской цивилизацией.

В Малой Азии центром культа Кибелы была Лидия. А именно из Лидии Геродот выводил тирренов, т.е. этрусков (I, 94). Его рассказ долго считали басней, но

выясняется, что возвращение Рима к Великой Богине было возвращением к истокам.

Этрусков барон Эвола тоже не жаловал. По его мнению, этот народ проявлял «характерные черты теллурического или... лунно-жреческого общества, которое вряд ли совместимо с центральным направлением и духом Рима». Он признавал, что этрускам был известен и уранический мир мужских божеств, но они были весьма отличны от олимпийских. «Они не обладали подлинным суверенитетом и были как тени, над которыми властвует безымянная, таинственная сила, довлеющая надо всем и подчиняющая всё одним и тем же законам... Этот фаталистический и тем самым натуралистический мотив этрусского Неба, как и пеласгическое представление о сотворенном и подчиненном Стиксу Зевсе, выдает дух Юга, для которого, как мы знаем, характерно подчинение всех существ, даже божественных, одному началу, которое как лоно Земли, избегает света и законы которого являются суверенным правом для всех существ, возникающих благодаря им ради случайной жизни». Эвола видит на всем этом тени Иисиды и греческих богинь, которые, как творения Ночи, были олицетворением Судьбы и всевластия законов Природы. В культуре этрусков, заключает Эвола, присутствовал доиндоевропейский элемент.

В своей оценке этрусков Эвола шел опять-таки по стопам Бахофена, согласно которому этруски были типичным народом Востока, принесшим на Запад свои мифы о Великих Богинях-Матерях. Советский этрусколог А.И. Немировский отрицает наличие гинекократии у этрусков, но признает, что этрусские женщины пользовались большей свободой, чем греческие, и что в данном случае сказывалось влияние религиозной традиции. Этрусская царица занимала положение заместительницы Богини-Матери. Эта ее роль не имела каких-либо параллелей в Италии. Этрусская царица была носительницей сложившейся в эгейско-анатолийском регионе концепции «священного брака». Примером может служить легенда о Танаквиль – часть предания о вступлении на престол Тарквиния Древнего, который был грек по отцу и этруск по матери, женился на знатной этрусской женщине Танаквиль и по ее предсказанию стал царем. А. И. Немировский сближает это предание с легендой об основании династии фригийских царей Мидасом. Элементы одни и те же: «незнатный человек становится царем благодаря воле верховного божества, пославшего орла в качестве вестника своей воли. Истолкование ее дает женщина, становящаяся супругой носителя царской власти. Без Танаквиль и безымянной девушки из жреческого рода ни Тарквиний, ни Мидас не стали бы царями».

А. И. Немировский объясняет этрусскую и фригийскую легенды с помощью хеттских текстов, обрисовывающих положение царицы как участницы «священного брака», без которого нельзя было получить царскую власть. Царица приносила

жертвы богам, покровительствующим царю и государству. Она рассматривалась в качестве заместительницы Великой Богини-Матери.

Пережитки этрусских обычаев А. И. Немировский находит и в римском культе. Так жрец Юпитера сохранял свою власть лишь до тех пор, пока была жива его супруга. Если жрец был заместителем верховного бога, то его супруга – заместительницей Богини-Матери, дарующей царю власть. Расторжение брака вследствие кончины одного из супругов лишало власти и покровительства богов.

В книге А.И. Немировского дан обстоятельный анализ этрусской мифологии и религии. Главной причиной отличий этрусского видения мира от греческого автор считает тот факт, что этруски меньше, чем греки, растеряли наследие эгейско-анатолийского мира в области религии и мифологии.

Как мы помним, главная богиня Крита именовалась Потния Терон. В Этрурии мы снова встречаем ее под именем Туран. Это, собственно, не имена, а титулы: Потния расшифровывается из этрусского языка как «владычица», а слова Терон и Туран содержат общеиндоевропейский корень «дар».

Другая этрусская богиня Аритими это греческая Артемида. Греческая по месту почитания, но не по происхождению. А. В. Сазанов в цитируемой ранее статье «К изучению теонимии Боспорского царства» отмечает негреческое происхождение культа Артемиды Эфесской: культ этот возник в западной Анатолии и с древнейших времен был местным.

Высокое положение в этруском пантеоне занимала богиня Уни. Сохранилось изображение, на котором она, единственная из богов и богинь, восседает на троне, а не на курульном кресле. У этрусов тоже была своя триада – Уни, Тин и Менрва, но она состояла не из одних мужчин, как у шумеров, индусов и христиан: женщины имели в ней два голоса против одного.

Уни отождествлялась с финикийской Астартой. А. И. Немировский предполагает, что ее первоначальное пеласгийское имя было Эйлифия. Под этим именем ее почитали на Крите, оно же дало название Элевсинским мистериям.

Менрва (Минерва) изображалась с ребенком; в роли ее мужа выступал Херкле (Геркулес). Ее образ тоже восходит к Богине-Матери эгейско-анатолийского мира. Что же касается Тина, этрусского эквивалента Юпитера, то его роль в этрусской религии первоначально была весьма скромной.

Учитывая то огромное влияние, которое этруски оказали на Рим, как в области государственного строительства, так и в религиозной области, причем, как считает Н. А. Машкин, «влияние этрусков среди патрициев было, несомненно, сильнее, чем среди плебеев», хотелось бы, чтобы в конце концов появилась какая-то ясность по вопросу о том, кто же они были, эти самые этруски.

Для наших славянобесов с мозговым аппаратом облегченного типа никакого вопроса давно нет: «этруски – это русские». Эта идиотская этимология не вчера придумана, ей уже полтора столетия. Еще в середине XIX века А. Д. Чертков толковал топонимику и этнонимику Италии, а также лексику этрусских надписей с помощью русского языка. В умбрах он видел обричей, в долопах – дулебов, а в пелигнах – полян, в Кремоне ему мерещился Кремль и т.д. Толкование Чертковым этрусских собственных имен А. И. Немировский считает совершенно анекдотичным, но видит заслугу Черткова в указании на родство пеласгов с фракийцами.

Сам А. И. Немировский видит в этрусках смесь пеласгов и тирренов. Переселение пеласгов в Италию он относит к отдаленной исторической эпохе. К тому времени, когда там появились тиррены, пеласги уже в значительной мере смешались с местным населением Италии. Тиррены же были народом малоазиатского происхождения.

Эвола говорил о неиндоевропейском элементе у этрусков. Если считать пеласгов индоевропейцами, а для этого есть основания, значит, «неиндоевропейским элементом» были тиррены.

По мнению большинства этрускологов, этрусский язык не принадлежит к индоевропейской группе языков, но это вовсе не значит, что в нем нет элементов индоевропейской лексики. Однако отнесение того или иного смешанного языка к определенной языковой группе определяется вовсе не лексикой. В английском языке преобладают слова французского происхождения, однако, он считается германским. Словарный состав корейского языка чуть не на 3/4 китайский, однако, эти языки относятся к разным группам. Взять тех же хеттов: их язык признан индоевропейским, хотя в его лексике преобладают неиндоевропейские слова. Сами хетты, как и этруски, были народом смешанного происхождения: господствующий индоевропейский слой неситов отличают от собственно хеттов (хаттов), близких по языку к народам Кавказа. При смешанном этническом составе возникал и смешанный пантеон, но если мы знаем, по какому принципу классифицировать языки, то таких же принципов для классификации пантеонов по наличию в них тех или иных богов или богинь нет. Во всяком случае, уранически-хтоническая дихотомия Эволы здесь не годится, поскольку она основана исключительно на субъективных оценках, хотя классики расовой теории учили,

что никому не дано определять сравнительную ценность рас. Это правило действительно и для расового мировоззрения.

Поль Брока, хотя он был антропологом и признавал свою некомпетентность в области лингвистики, тем не менее позволял себе экскурсии в эту область. Он утверждал, в частности, что языки победителей и побежденных «не сливались: один из них, в конечном счете, почти всегда вытеснял другой, подвергаясь при этом кое-каким искажениям, обычно лишь поверхностным». Победа того или иного языка зависит от пропорции его носителей и от сравнительного уровня цивилизации. Покоренная раса может полностью поглотить победителей, но их язык сохранится.

Как мы видели, смешанные языки, вопреки тому, что говорил Брока, все же есть. И факторы, определяющие доминанту этого смешения, вовсе не те, что он называл. Главное в таких случаях – устойчивость расового ядра к внешним влияниям. Брока полемизировал с лингвистом Шаве, который видел в языке «фатальный продукт организации, свойственной расе». Это было слишком даже для Брока: он сам относил себя к полигенистам, но идеи Шаве рассматривал уже как какой-то супер-полигенизм.

Брока ссылался на случаи полной смены народом своего языка. Но возьмем хотя бы пример Венгрии: завоеватели здесь полностью растворились, но их язык остался. Но неужели дикие пришлые кочевники-мадьяры имели более высокий уровень цивилизации, чем местное население? Да ничего подобного. Просто местное население, принадлежащее к динарской расе, отличается иммунодефицитом к внешним воздействиям. И это сказывается не только на языке, но и на религии. Не случайно динарские Албания и Босния – единственные страны Европы, в которых закрепился Ислам.

Противоположный пример – Корея. Численный перевес китайцев огромен, их культурное превосходство несомненно, и, тем не менее, корейцы в основе своей остались корейцами. Устойчивое расовое ядро пересилило оба фактора Брока, вместе взятые.

Еще сложнее обстоит дело в сфере религии. Если в языке отражается способ мышления, то в религии – психический склад народа, более устойчивый расовый признак. Да, язык свой народ может утратить, но его психический склад неизбежно наложит свой отпечаток на заимствованную или навязанную религию. Сработает та самая природа, которая, по пословице, влезает в окно, когда ее гонят в дверь.

Только что говорилось о хеттском языке, вопреки Брока, смешанном. Завоеватели-неситы привнесли в него свою структуру, но лексика в большинстве своем осталась местной, хаттской, включая такой всероссийски известный эпитет, как «генцивела» – генацвале, понимаешь, да? Такие же отношения установились и внутри Пантеона: преобладающим в хеттской религии был культ Великой Богини-Матери, а наряду с ней почитался и бог-громовик Тешуб – наряду с ней, а не над ней, как Зевс и Юпитер у греков и римлян. Отношения между богами и богинями, типичные для расово-смешанной Малой Азии, принесли с собой в Италию такие же смешанные этруски.

А во что превратили религию римляне, народ практический и расчетливый по своему национальному характеру, с чрезвычайно бедной мифологической фантазией?

Н.А. Машкин характеризует римскую религию как религию в основе своей анимистическую. Особенностью римского анимизма были его абстрактность и безличность. Главным в римской религии было строгое выполнение обрядов и соблюдение всяких запретов. Словом, это была не религия, а, как выразился бы Л. Бородин, «обрядовере».

Во II веке до н.э. в римский мир въехал во всем своем блеске греческий олимпийский Пантеон, причем следует отметить, что боги и богини имели в нем равное представительство – 6:6. Но каких-то витаминов духовной жизни по-прежнему не хватало, и люди пытались их найти в восточных культах.

Как уже говорилось, во время Второй Пунической войны в Риме было введено почитание Великой Матери богов Кибелы, но тогда римским гражданам запрещалось быть жрецами этого культа. В эпоху же Империи этот культ стал особенно популярным при династии Флавиев.

Еще раньше, при диктатуре Суллы, в Рим был занесен культ малоазиатской богини Ма, которую римляне стали чтить под именем своей старой богини войны Беллоны. Распространялись различные сирийские культы, из которых особенно известен был культ великой богини Атаргатис.

Еще во II веке до н.э. из Египта был занесен культ богини Исиды и Осириса. Август, как реставратор религии предков, относился к восточным культам отрицательно, и при нем было запрещено воздвигать в пределах городской черты храмы, посвященные египетским богам, но Калигула построил храм Исиды на Марсовом поле, а во II веке н.э. египетские культы получили широкое распространение на всем римском Западе. Поклонники Исиды и Осириса встречались в различных итальянских городах, особенно приморских, среди моряков, ибо Иси-

да считалась покровительницей мореплавания. Ей особенно поклонялись женщины. И не только женщины, но и мужчины, притом весьма знаменитые.

Например, Плутарх занимался не только написанием биографий великих людей. Он специально изучал египетские мифы и мистерии, в которых находил много общего с греческими, и в числе его произведений – книга «Об Осирисе и Исиде». Тот ученый интерес, который проявлял Плутарх, сменился у Апулея, уроженца Нумидии, уже прямым поклонением. Герой его знаменитого романа, превращенный в осла, избавляется от чар благодаря заступничеству Исиды. Роман заканчивается прославлением Исиды, отражающим мистические переживания глубоко верующего, религиозного человека.

Культ Исиды поощрял император Домициан. Этот культ проник даже в дохристианскую Германию. Как пишет М. А. Коростовцев, Исида выступала как бы в роли предшественницы самого Христа.

Более подробно на этом вопросе останавливается С. А. Токарев. По его словам, Великие богини Востока Кибела, Исида импонировали «сознанию широких масс верующих, особенно в эпоху распада Римской империи, в эпоху религиозного синкретизма, когда культ этих богинь распространился по всему Средиземноморью, и отнюдь не только среди крестьян... Большинство верующих в годы смут, войн и разорения искали у них утешения, окрашенного эротическим оттенком, – так усталый, измученный воин ищет отдыха и утешения на груди любимой женщины. Культ этих богинь носил ярко эротический отпечаток. И вовсе не случайно то, что как раз эти эротические черты всего отчетливее были перенесены на образ Девы Марии – христианской заместительницы Исиды. Исследователи раннего христианства справедливо утверждают, что эта религия не смогла бы победить своих соперников – восточные культы, если бы она не взяла из их рук самое сильное оружие – культ женских богинь любви».

С Токаревым нельзя согласиться лишь в тех случаях, когда он подчеркивает эротический момент. В культе Богини-Матери эротизм неуместен: это уже по фрейдистской части. Впрочем, покойный Токарев был активистом движения нудистов, так что эротика могла быть его «пунктиком».

Эволе, конечно, не нравилось вторжение азиатских культов, которые «быстро проникали в жизнь Империи и изменяли ее структуру. И снова возвращались символы Матери с самыми разнообразными мистико-пантеистическими божеествами Юга в самых неистинных формах». Эвола понимал, что Римская империя представляла собой основанный на военной диктатуре деспотизм, который с помощью бездушной бюрократической машины пытался удержать в повиновении пеструю космополитическую массу, и осуждал римских императоров за то,

что они проводили политику централизации и уравниловки вместо того, чтобы отобрать и собрать в центре государства сохранившиеся элементы «римской расы». Эвола сам брал эти слова в кавычки, потому что знал, что такой расы никогда не существовало в природе.

Рим Эвола называл «воплощением идеи властной мужественности». Эвола сам недоумевал, каким образом на этническом фоне Италии первого тысячелетия до н.э. вдруг возникло и мощно заявило о себе это новое начало, и предпочитал говорить о римском «чуде», которому можно только дивиться, но которое невозможно объяснить. С его точки зрения, в данном случае нельзя брать за основу чисто расовый и этнический фактор: разговор можно вести только на уровне «духовной расы».

Но таких не бывает. Не бывает «духа», который переносится иными средствами, кроме как через кровь. Дух народа одной крови воспринятый народом другой крови это уже другой дух. Не надо только примитивно понимать слово «кровь». Как поясняет М. Серрано, «когда мы говорим о крови, мы не имеем в виду только биологическую кровь, которая течет в жилах физического тела... Кровь в духовном и герметическом смысле это священная жидкость «сома», нечто отличное от того, чему учат нас научная биология и гематология... это жидкое солнце, через которое передается память предков». «Кровь это не просто жидкость, а поток астрального света». Не случайно во Второзаконии, где еврейский народ объявляется «богоизбранным», строго запрещается всякое смешение кровей. По мнению М. Серрано, оба расизма, и еврейский, и гитлеровский, основаны на мистерии посвящения в тайну крови и хромосомной памяти, выражаясь терминами современной «научной мифологии».

Мистиком крови был и Альфред Шулер (см. статью о нем в журнале «Атака» №1000), «Сократ» мюнхенского кружка, «Платоном» которого стал Л. Клагес. По учению Шулера, существует космическая связь между внутренней жизнью, протекающей в крови, и внешней Вселенной. Он говорил: «Глазом, обращенным внутрь, я вижу вибрирующую полноту света, бесчисленные флюиды, загорающиеся во взаимном наслаждении, вечно длящаяся свадьба в эфире». «Эту субстанцию я считаю просветляющей, благословляющей силой, а местом ее пребывания – кровь. В той степени, в какой она делает волну крови святящейся, я называю ее жизненной сутью... Этот светильник связан с потоками из Вселенной, и тот, кто стоит в его свете, ощущает эти потоки как холодный, льющийся из Космоса душ, в то время как суть, вступившая в брак с кровью, пылает блаженным теплом».

Современный австрийский эволианец Мартин Шварц утверждает в своей статье «Альфред Шулер и космическая синева», будто у Шулера речь идет о возвы-

шенной духовной силе, которую Шулер описывает как кровь, но это вовсе не кровь в смысле происхождения, а если происхождения, то «духовного».

М. Шварц остается верен заветам Эволы. Но ведь теорию Шулера можно понимать и по-другому. Шварц превращает ее в космический вариант теории среды и приписывает решающее значение внешним воздействиям. Но какими бы сверхкосмическими они ни были, это не изменяет соотношения между внутренней предрасположенностью и внешними воздействиями, образно описанного еще Дарвином: одно дело поднести спичку к куче пороха, а другое – к куче песка. На разную кровь космическое излучение действует по-разному.

Английский писатель Бульвер-Литтон описал в своем фантастическом романе «Грядущая раса» подземное матриархальное царство Вриля. Вриль у него – некая таинственная сила с голубым свечением. Проникая в кровь, он и делает ее «голубой» не в переносном, а в прямом смысле.

О голубой крови неоднократно говорит и М. Серрано. Он думает, что эта кровь сохранялась в первозданной чистоте только в Гиперборе. Но, как мы знаем, он связывает чистоту крови с ясностью наследственной памяти. И с кровью передается не только память, но миссия, Судьба.

Так что поневоле придется обратиться к реальной крови, решая вопрос о том, что какая именно кровь была носителем миссии древнего Рима. А выбор здесь невелик. Как отмечал знаменитый итальянский антрополог Джузеппе Серджи, черепа древнего Рима представляли собой смесь туземных и пришлых элементов. В Этрурии, например, как были, так и остались два типа.

Эвола не жаловал Серджи и клеймил его за созданный им «средиземноморский миф». Эволе очень не нравилось противопоставление «латинского» начала германскому, нордическому. Он писал, что «итальянец колеблется между двумя крайностями, одну из которых представляет собой «римский», а другую – «средиземноморский» элемент, причем второй обладает качествами, с точки зрения Эволы, «менее желательными». Это красочно описанный Л.Ф. Клаусом тип «человека показушного».

Но два типа, если верить Серджи, а ему нет оснований не верить, были и в древнем Риме, только тон там задавал иной тип, нежели в современной Италии. Эволе очень хотелось бы, чтобы это был нордический тип, но, к его разочарованию, этот тип не был в древнем Риме доминирующим, по крайней мере, численно. По словам Серджи, который разработал свою классификацию форм черепов, в древнем Риме преобладало население с черепами «сфероидной», т.е. шарообразной формы, весьма отличной от нордической долихокефалии.

Но, может быть, в данном случае речь идет о «плебсе», а у патрициев были иные черепа? Если мы вспомним, что среди патрициев был силен этрусский элемент, то да: у этрусов черепа были не круглые, а эллипсоидные. Но для Эволы этруски, как и пеласги, критяне и прочие это представители средиземноморских неиндоевропейских или выродившихся палео-индоевропейских цивилизаций.

Культуры, в окружении которых возник Рим, были связаны с южными культурами в самых разнообразных вариантах, что в глазах Эволы делало их «неполноценными». Так у сабинян высшим божеством была хтоническая богиня Фортуна, женские божества играли важную роль в культе сикулов и т.д. Таким образом, что родственные римлянам по языку латинские племена, что чужеродные этруски, – никто Эволу не устраивал, все были одинаково плохи, вот и приходилось выдумывать какую-то «духовную расу».

Богоизбранность Рима

Между тем имперская идея, любезная сердцу Эволы, как раз этрусского происхождения. Эней, легендарный предок рода Юлиев, беглец из погибшей Трои, нашедший прибежище в Италии, проделал тот же путь, что и вполне реальные этруски. А воспел его в своей поэме Вергилий, гордившийся своим этрусским происхождением. Власть императоров из династии Юлиев имела сакральный характер, что очень нравилось Эволе, но вот беда: сакральность эта основывалась на божественном происхождении рода, поскольку Эней был сыном Анхиза и богини Афродиты. Так что божественность эта восходила не к мужскому, а к женскому божеству. Если уж быть жутко принципиальным, как Эвола, то нужно отказаться либо от богини, либо от сакральности.

Данте, для которого Вергилий был не только гидом по аду, но, судя по всему, и учителем, в своем этико-политическом трактате «Пир», вопреки Библии, которая знает только один богоизбранный народ – евреев, объявил «божественным», избранным народом древних римлян, имевших право на мировое господство, потому что на них «снизошла благодать». Данте дошел в своей «теологической дерзости» до того, что чуть ли не приравнял Августа к Христу.

Кто же «избрал» древних римлян? Уж, конечно, не еврейский бог, которого они не знали и знать не хотели. Богиня? Но какая именно?

Афродита была матерью Энея, но другая богиня, выше рангом, Юнона, смертельно ненавидела его и преследовала. С этого и начинается поэма Вергилия: с рассказа о скитаниях Энея как о следствии «злопамятного гнева жестокой Юно-

ны». Выясняются пикантные подробности насчет этой римской вроде бы богини. Оказывается, больше всех стран Юнона любила Карфаген:

«И давно мечтала богиня... средь народов то царство возвысить»

Однако она, как и положено богине, знала, что в будущем Рим одержит верх над Карфагеном, и довольствовалась лишь тем, что строила предку будущих основателей Рима разные мелкие и крупные пакости.

Откуда же Юнона попала в римский Пантеон? Да все из той же Этрурии, где она почиталась как Уни и отождествлялась с финикийской Астартой. В VI – V веках до н.э. этруски и карфагеняне были союзниками и вместе воевали против греков. Это позже, когда изменился расклад сил, этруски поддержали Рим против своего бывшего союзника.

Такой поворот событий обещает Юпитер Венере в I песне «Энеиды», где он говорит о римлянах:

«Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Даю им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя».

Итак, римлян избрал языческий бог Юпитер. Но для Данте, хотя в его эпоху царил уже другой Бог, а Юпитер был в загоне, римляне оставались богоизбранным народом. Возможно, в жилах Данте текла та же этрусская кровь, которой так гордился Вергилий, и голос этой крови звучал сильнее голоса чужеродной религии.

Да что там Данте! Русские цари тоже хотели примазаться к «священной крови», ради чего даже придумали себе липовую родословную. При Василии III появляется «Сказание о князьях Владимирских», в котором Август делит мир между своими наследниками, и один из них, его двоюродный брат Прус, назначается повелителем «в брезах Вислы». В новом варианте легенды о призвании варягов новгородцы получают в князья Рюрика, потомка Пруса, «колена суща Августа кесаря Римского». Миф об Августе использовался Иваном Грозным для обоснования прав России на Ливонские земли. В XVII веке русские послы доводили до сведения Людовика XIV, что на московском престоле сидели «прародители наши от рода Августа Кесаря, обладавшего всею Вселенною», который «брата своего Пруса поставил в березах Вислы реки... А от Пруса 14 колена Рюрик».

Были в те века люди в России, которые понимали, что не только четвертому Риму не бывать, но не было ни второго, ни третьего, как не бывает осетрины второй свежести.

Но вернемся к вопросу о богоизбранности римлян. В «Энеиде» роль главного вершителя судеб выполняет Юпитер, но такова была ситуация в «высших сферах» в эпоху Вергилия, однако она была иной в эпоху самого Энея и в тех местах, откуда в Италию прибыл Эней.

В «Энеиде» есть два пророчества о будущем Рима. Одно из них, из книги I, уже было процитировано, второе же содержится в книге VI. Его слышит Эней в царстве мертвых от своего покойного отца Анхиза.

Анхиз предсказывает, во-первых, что «дарданская кровь с италийской сольется». Частично сольется, частично нет – Дж. Сержи различал два типа – но в любом случае мы не находим здесь ужаса библейских пророков перед тем, что «смешалось семя святое с народами иноплеменными» (Ездра, 9, 2) Ну смешалось и смешалось. Видать, нестойкое и не дюже святое было еврейское семя, если смешение могло лишить его святости. В «Энеиде» же выражается уверенность, что «дарданская кровь» сохранит свои качества несмотря на смешение. Но вот что говорится дальше в VI книге:

«...Рим по пределов Вселенной расширит
Власти пределы своей, до Олимпа души возвысит.
Семь твердынь на холмах окружит он единой стеною.
Гордый величием своим, Берекинфской богине подобен,
Что с башненосным венце по Фригийской стране разъезжает,
Счастлива тем, что бессмертных детей родила, что и внуки
Все – небожители, все обитают в высях эфирных».

«Берекинфская богиня» это Великая Мать богов Кибела, которую изображали в венце, украшенном башнями. Кого, собственно, воспевают в этих стихах Вергилий – Рим или Кибелу, культ которой, напомним, был учрежден в Риме во время войны с Ганнибалом? Он воспевает Рим как земное воплощение Кибелы. Римляне – народ не столько богоизбранный, сколько богинеизбранный.

Однако и богоизбранность не спасает народы от бедствий. И евреям пришлось пережить много превратностей, и «вечный» Рим тоже не устоял.

В предсказании Анхиза смерть Марцелла, любимого племянника и наследника Августа, объясняется следующим образом:

...Показалось бы слишком могучим
Племя римлян богам, если б этот их дар сохранило.

Но, похоже, племя римлян показалось богам слишком могучим независимо от жизни или смерти Марцелла. Древние не раз отмечали такое странное качество богов, как зависть их к смертным, в результате чего на смертных, ставших объектом этой зависти, обрушивались удары рока. Какова же может быть причина подобной зависти и при чем здесь Рок, именуемый в монотеистических религиях «божественным Провидением»?

Христиане, верящие в наличие у отдельных людей индивидуальных духов-хранителей, сиречь ангелов, допускают существование таких же духов-хранителей и у целых народов, но это для христиан все равно «ангелический уровень», а не уровень самого Бога. По аналогии с политическим устройством современной России, это уровень представителей Президента в регионах, но не самого Президента.

Высшие силы

Весь вопрос в том, существует ли этот высший уровень, и если да, то чем он, собственно говоря, выше? Лукреций утверждал:

... Не для нас и совсем не божественной волей
Сотворен этот мир: слишком много в нем разных пороков.

Порочный этот мир не мог быть созданием разумного и совершенного начала. Мир в основе своей антагонистичен, но это не борьба Бога с Дьяволом, а скорее картина, напоминающая эпизод из дурацкого фильма «Миллион лет до нашей эры»: сражаются два чудовищных ящера, а несчастные люди, оказавшиеся на поле схватки, пытаются от них увернуться.

Так что на вопрос, есть ли высшие силы, я бы ответил утвердительно, но считать эти силы разумными нет оснований. Применительно к ним можно так переделать русскую поговорку: Высшая сила есть – высшего ума не надо.

Провидение, если посмотреть на него в этом аспекте, тоже оказывается вещью весьма странной. Хорошо известная всем картинка: удав гипнотизирует и съедает кролика. Путь кролика в брюхо удава предопределен, но «божественное» ли это предопределение? Согласно всем зоологическим классификациям, кролик – существо, стоящее на более высоком уровне развития, нежели удав. Но

удав сильнее. Будь у кроликов религия и развивайся она так же, как у людей, они вполне могли бы дойти до поклонения Великому Удаву.

В работе «Князь мира сего», написанной в 1988 году, я вскользь высказал одну гипотезу, над сутью которой тогда не задумался, потому что был еще в плену зороастрийских представлений о борьбе двух начал, отождествляемых с христианскими Богом и Дьяволом. «Земле пришлось создавать силы самообороны, никакими высшими инстанциями не утвержденные».

Речь шла о существах, более высоко развитых, чем человек, но созданных не Богом и не Дьяволом (которых, я бы добавил теперь, нет), а являющихся порождением земной эволюции, которая продолжается в метафизическом плане. Это те боги, которым поклонялся античный мир.

Р. Штейнер называл их «духами формы». Он видел в них высшие силы, которые правили странами Западного мира до IV века, т.е. до победы христианства, потом же они отстали в своем развитии, и сегодня их деятельность проявляется, прежде всего, в национализме. Это штейнеровский вариант христианского «ангелического уровня». Национальное, а соответственно и расовое сознание – это результат безнадежных попыток «духов формы», т.е. богов античного мира, вернуть себе былое влияние.

Но пока национальное и расовое сознание живо, это влияние сохраняется. И уровень античных богов это высший метафизический уровень, а вовсе не второразрядный «ангелический». Там, где христиане видят нечто более высокое, там вовсе не рай, а «парк юрского периода».

Кстати, о ящерах. М. Серрано пишет в своей книге «Ману», в главе «Голем» (опубликована в журнале «Атака» №27), что еврей только «имеет форму человека, но внутри это рептилия, животное, как в еврейских научно-фантастических фильмах о внеземных существах». Рептилия – это тот самый Бог, по образу и подобию которого сотворены отнюдь не все люди, а только евреи. Это, по сути дела, предатели человечества, взявшие на себя миссию ретрансляции гипнотических сигналов небесного Удава на людей с психикой кроликов, на «нищих духом», которым очень удобно проповедовать христианское «смирение».

О рептильной природе Верховного Божества, которому поклоняются евреи и масоны, догадывается и французский философ и писатель Жан Парвулеско, но высказывает свои догадки в более завуалированной форме, чем Серрано. Герой его мистико-фантастического романа «Свидания в Озёрном замке» бьется над вопросом, какой метафизический центр противодействует тому, с которым свя-

зан он, и видит во сне собрание масонов «Старой Голландии» в ложе, украшенной шестиконечной звездой Давида, из «адской дыры» в центре которой вылетает какое-то отвратительное существо вроде птеродактиля. Автор устами своего героя называет масонов поклонниками этого чудовища и одновременно его жертвами.

М. Серрано заимствует у К. Г. Юнга термин «архетип», но, как он сам признает, толкует его скорее в смысле Платона, чем в смысле Юнга. Архетипы «это божественные или дьявольские существа, бытие которых трудно постижимо для человеческой психики, которая улавливает или отражает их в несовершенной форме, в форме богов и демонов».

М. Серрано связывает учение Юнга об архетипах с ницшеанским учением о вечном возвращении, которое он понимает, пользуясь музыкальными терминами, как повторение не одной и той же ноты, а мелодии в рамках «Семейного Архетипа». Архетип «располагает определенным количеством нот, которые являются его «семейством», его «расой», его «кровной линией».

Архетип, таким образом, становится расовым понятием. Это «астральный двойник реальности». М. Серрано даже цифру 6 млн. жертв Холокоста рассматривает под иным углом, нежели историки-ревизионисты, которые ее оспаривают. М. Серрано считает, что 6 миллионов в данном случае вовсе не выдумка, а «архетипическое число еврейского коллективного подсознания».

Чтобы не запутаться во всех этих хитросплетениях, нужно выделить из них несколько принципиально важных взаимосвязей. У каждой расы есть свое расовое божество, и «богоизбранность» это осознание расой своей кровной связи с этим божеством, своим «астральным двойником».

Божеств этих много, и отношения между ними отнюдь не безоблачные. Кое-кто прибегает в борьбе за лидерство к запрещенным средствам, таким как союз с Ящерами, но другие, даже воюя между собой, стараются придерживаться при этом определенных правил. Гераклит, которого А. Боймлер пытался повесить на шею Ницше, объявил мировым началом «добрую Эриду». Такой эпитет Ницше заведомо бы не одобрил – он был категорически против переноса человеческих моральных категорий в «высшие сферы». Но именно из-за Эриды началась вражда между Герой и Афродитой, в римском варианте – между Юноной и Венерой, вражда эта отразилась на судьбах земных народов, и мы опять возвращаемся к вопросу, чем определяются эти судьбы – соотношением сил между соперничающими божествами или какими-то иными факторами.

Проблеме судьбы посвятил целую главу своей книги «Человек в истории» известный философ III Рейха Эрнст Крик. Понятия чести и судьбы он считал решающими словами для нордического человека и отмечал сходство его мировоззрения с мировоззрением древних греков, отвергая «трюк еврея Спинозы», пытавшегося истолковать судьбу как естественную причинность и объяснить ее рационально. В XVIII веке, писал он, возникло учение о «Провидении», божественном мировом плане, представление о рациональной закономерности мира и его постепенном развитии. «Но Судьба не подчинилась и Провидению этого божественного рационализма, она осталась неопределимой, т.е. иррациональной, вне всяких планов, точно так же, как остается неопределимым родственное Судьбе Время, а именно, историческое время, которое, когда настает час, с помощью действия воплощает в жизнь Судьбу...а не время, которое можно определить по часам... Время и Судьба вместе задают мысли самую трудную загадку, до сих пор остающуюся неразгаданной: до сих пор не удалось перенести основные силы жизни из области ощущений в область рационального знания».

Э. Крик считал примечательным, что «наглядное, образное изображение этих основных сил не удалось дать также в греческих и германских мифах... Какой миф описал в образах или рациональных понятиях Мойру, Тюхэ, Кер, Ананке или властвующую даже над богами Судьбу? Ни Гомеру, ни Платону, ни авторам германских мифов это не удалось».

Э. Крик подчеркивал принципиальное различие между пониманием Судьбы на Западе и на Востоке. Он не верил в астрологию и в то, что судьбу можно рассчитать по созвездиям, – «рассчитанная судьба это уже не судьба, а причинность и техника». «Ни по каким звездам нельзя рассчитать исторический процесс. Судьба складывается из характера и событий в той мере, в какой вообще можно приблизиться к ее пониманию путем анализа и описания».

Э. Крик различал восточный фатализм и арийскую веру в Судьбу. Судьба, повторял он, складывается из событий и характера, но «за характером стоит кровь, раса. Когда внешние события наталкиваются на расовый характер, способный оказать им сопротивление, то в борьбе рождаются герои, одерживающие победу, даже если они трагически гибнут...Эта победа разрывает цепи неизбежного, рокового». «Фатум разрушает, Судьба творит историю с помощью героических характеров». «Судьба это ответ на вызов, действие или бездействие перед лицом опасности».

У Э. Крика взаимодействие между характером и Судьбой выглядит примерно так же, как соотношение внутренних задатков и влияний среды, и фаталисты, с его точки зрения, нечто вроде «средовиков», пользуясь выражением В. Авдеева, т.е. тех, кто придает решающее значение внешним воздействиям.

Э. Крик не верил, что судьбу можно рассчитывать, однако он верил в ясновидящих. Но если ясновидящий видит цепь грядущих событий, значит, он видит некую реальность уже существующую как реальность в каком-то ином измерении, которую уже нельзя изменить.

Мы уже цитировали то место из «Энеиды», где говорится о смерти Марцелла, племянника Августа. Конечно, там Вергилий «пророчествует» устами Анхиза задним числом, но он говорит и другое:

«Предков латинских сердца вознести такую надеждой
Больше не сможет никто из рожденных от крови троянской,
Больше таких не взрастит славных питомцев Ромулов край».

На Марцелле закончилась «божественная линия», идущая от Афродиты. Преемник Августа Тиберий происходил совсем от других героев. «Троянская кровь» после смерти Марцелла перестала рождать героев. Смерть Марцелла в 20 лет была символичной – она предвещала грядущую гибель Римской империи, хотя до этой гибели оставалось еще несколько веков.

И еще читаем у Вергилия о Марцелле:

«Отрок несчастный, – увы! – если рок суровый ты сломишь,
Будешь Марцеллом и ты».

т.е. будешь столь же знаменитым, как носивший то же имя полководец времен Второй пунической войны.

Странное предположение высказывает Вергилий в сослагательном наклонении: что Марцелл мог бы «сломить рок». Ведь Вергилий знал, что Марцелл рок не сломил. Однако эта странность – просто огрех перевода. Фраза по идее должна была бы звучать так: «Если бы сломил (в смысле «если бы ты мог сломить») рок, ты стал бы вторым Марцеллом». Вергилий знал, что сломить рок невозможно. Венера не дала погибнуть Энею, вывела его из пылающей Трои, захваченной врагом, убедила не бросаться в самоубийственную схватку под влиянием жажды мести, а спастись самому и спасти отца и сына, чтобы продолжился род, которому суждено великое будущее. А Марцелл был обречен с самого начала:

Юношу явят земле на мгновение судьбы – и дольше
Жить не позволят ему».

И ничто не поможет: «Ни к чему благочестье и верность, мощная длань ни к чему». То есть, тот «характер», на который возлагал столь большие надежды Э.

Крик, противостоять Судьбе не может. Согласно верованиям греков и римлян, выше богов стоят Мойры, богини Судьбы. Над смертными и над богами властвует рок, и нет такой силы, такой власти, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и смертным.

Юнона у Вергилия пыталась предотвратить прибытие Энея в Италию несмотря на веление Судьбы:

«Я ль не смогу отвратить от Италии тевкров владыку?
– вопрошала она. –
Пусть мне Судьба не велит!»

Но у Юноны, как известно, ничего не вышло.

Примечательно, что эти высшие силы предстают в мифах разных народов в женских ипостасях: у греков это Мойры, у римлян – Парки, у германцев – Норны. Как пишут в своей книге о рунах супруги д'Апремон, в германской мифологии «все существа связаны холстом Вирд, нордической Судьбы. Некоторые считают Вирд высшим и самым могущественным божеством Севера. Все существа, включая богов, подчиняются их повелениям. Этот гигантский холст, охватывающий всю Вселенную, ткut три Норны: Урд (прошлое), Верданди (настоящее) и Скульд (будущее).

Кстати, в немецком языке «прошлое», «настоящее» и «будущее», как и само слово «время» – женского рода, в отличие от языков, возникших на основе латинского.

Те высшие силы, воплощением которых были богини Судьбы, можно рассматривать с той же точки зрения, что и античных богов: это существа, более высоко развитые, чем человек, и являющиеся порождением земной эволюции, которая продолжается в метафизическом плане, только это порождение иного этапа эволюции – доисторической эпохи, когда поклонение женским божествам стояло на первом плане.

Э. Крик писал об иррациональности Судьбы. Но иррациональность может быть человеческой и нечеловеческой. Бесчеловечны в своей иррациональности стихии, а сами люди не всегда мыслили рационально, что хорошо показал Леви-Брюль в своей книге «Первобытное мышление» (рус. пер. 1930). По его словам, объяснить особенности первобытного мышления мешала вера в «тождество человеческого духа», совершенно одинакового везде и всюду с логической точки зрения. Однако коллективные представления первобытных людей не имели логических свойств, их психическая деятельность была мистической. «Пралогич-

ное мышление не было ни антилогичным, ни алогичным, его отличало безразличное отношение к противоречиям, оно не видело затруднений в том, чтобы одновременно представить себе тождество единого и множественного, особи и вида, причем правильней говорить не о коллективных представлениях, а о коллективном психическом сознании, в котором представления не отделены от эмоциональных и волевых элементов, а образуют с ними одно неразрывное целое.

А теперь попробуйте представить себе, что судьбы людей определяются силами, мыслящими примерно описанным образом. Для нас в данном случае имеет значение «тождество особи и вида», иначе говоря – отдельного человека и расы. Человек, отождествляющий себя со своей расой, мыслит теми же категориями, что и Судьба.

Но Судьба тоже не всемогуща. В том метафизическом защитном слое, который Земля создала вокруг себя, образовались нечто вроде озоновой дыры. Это стало следствием измены одного из племенных богов, а именно еврейского Яхве, делу людей: он заключил союз с безмозглым космическим Ящером, чтобы, как уже говорилось, ретранслировать его гипнотические флюиды ради власти надо всеми людьми.

Таким путем вползло в мир христианство. Первыми его рептильную сущность угадали гностики-офиты, которые видели Христа в райском Змие. Дальнейшие пояснения дал Байрон в своей мистерии «Каин» устами Люцифера, хотя вряд сам осознавал, насколько он близок к истине. Люцифер у Байрона говорит Каину: «Змий был змий, не больше, но и не меньше тех, что соблазнились. Он тоже прах, но он мудрее их, затем, что победил их». «Но тварь в себе скрывала злого духа?» – не то спрашивает, не то возражает Каин. «Нет, тварь его лишь разбудила в тех, с кем говорил язык его коварный, – отвечает Люцифер. – Адам пленен был пресмыкающейся тварью».

Миф о грехопадении знают все, но до сих пор не поняли, как просто открывается этот ларчик. Это рассказ о том, как еврейский Бог заключил союз с Рептилией, сыгравшей роль провокатора (так в Библии; на самом деле Рептилия, отнюдь не «мудрая», а совершенно безмозглая, просто пустила в ход свои гипнотические способности) против людей, чтобы люди не стали «как боги» (а процесс этого становления уже шел, метафизический слой уже возник). Никакого «грехопадения» не было, потому что не было «греха», а «изгнание из рая» заключалось в том, что людей низвергли с метафизического уровня не земной, и им пришлось начинать сначала, организовывать оборону на Земле и латать «дыру в небе», начиная с Земли.

Согласно концепции Ю. Эвола, «теоретически Запад принял христианство... но практически он остался языческим». Однако результат этого скрещивания Эвола считал плохим, потому что произошло скрещивание не с тем язычеством, с каким хотелось бы Эволе: «На первое место выдвинулся образ, который своими «страданиями» воспроизводил пеласго-дионисийский мотив богов, принесенных с жертву, т.е. богов, которые умирают и вновь рождаются в тени Великой Матери... И в мифе о непорочном зачатии можно распознать те же влияния и вспомнить о богинях, которые рожали без мужа, как Гея у Гесиода. В этой связи примечательна та выдающаяся роль, которую в процессе дальнейшего развития христианства приобрел культ «Богоматери», «божественной Девы».

В католицизме Мария – «Мать Божья», царица ангелов, всех святых, мира и даже ада; все люди – ее приемные дети, поэтому она мать всех людей, «царица мира» и «дарительница всех благ»; эти титулы повторяют атрибуты самодержавных божественных Матерей доиндоевропейского Юга и не имеют никакого отношения к фактической роли Марии в синоптических Евангелиях». (От себя добавлю: Ну и хорошо, что не имеют! Почему Эвола, как какой-нибудь теолог, так держится за букву синоптических Евангелий?). «Изображения Иисуса-ребенка и тела распятого Христа на руках его обожествленной Матери однозначно напоминают культы восточного Средиземноморья». Эвола ссылается на Св. Иеронима, отметившего, что Вифлеем «в свое время был окружен лесом Таммуза-Адониса, и в том же гроте, где плакал младенец Иисус, некогда оплакивали любимца Венеры». И то, что церковь выбрала для самой себя символ Матери (Мать Церковь), Эволе тоже не нравилось.

Миф об Адонисе был заимствован греками у финикийцев, а те в свою очередь заимствовали вавилонский миф о богине Иштар и Таммузе. Этот миф, давно прижившийся в Греции, удачно наложился и на образ Христа. Но суть не в этой филиации религиозных идей. Суть в том, что культ Мадонны, утвердившийся в христианстве, знаменовал собой восстановление того самого защитного слоя, который этим же христианством и был прорван.

О необходимости снова поднять защитный слой на метафизический уровень догадывался Блаженный Августин, хотя, будучи христианином, он не мог, конечно, понимать ни суть этого процесса, ни характер взаимодействий между земным и метафизическим уровнями.

Голландский ученый Тиле распределял религии на два семейства, сообразно с тем, преобладает ли в их представлениях о божестве теоантропическое или теократическое начало. Первое исходит из представления о божественном начале в человеке, о родстве человека с божеством. Греческий поэт Пиндар писал: «Одно – род богов, другое – род людской, но от одной Матери получили мы

жизнь». (Я бы особо отметил здесь упоминание общей Матери богов и людей). Теократическое же начало вытекает из представления о величии Бога и о его безусловной власти над людьми и миром. Оно подчеркивает недосыгаемость, недоступность божества для человека (этому описанию более всего соответствует Ислам). Эти две семьи религий, по Тиле, соответствуют двум этническим семьям, арийской и семитской. И русский историк В. Герье делает вывод, что теократический монотеизм Августина обусловлен его происхождением от пунийских предков.

И тем не менее, хотя Августин был потомком заклятых врагов Рима, разгром Рима Аларихом в 410 году поверг его в ужас и усилил в нем манихейское неприятие мира: «Неужели можно еще любить мир, омраченный таким общим разгромом?» – горестно восклицал он.

Под впечатлением этих событий Августин написал свое знаменитое произведение «О граде Божьем». Употребленное им в оригинале латинское слово «civitas» обозначает не только город, но и государство вообще. Цитируя тезис Августина «Государства человеческие создаются по воле божественного Провидения», В. Герье почему-то добавляет, что этот тезис «был новостью не только для язычников, не только для евреев, признававших волю Божью лишь в судьбах своего царства, но и для христиан, видевших в языческом мире лишь владычество демонов». Язычникам, во всяком случае, Августин ничего нового не сказал. Полибий приводит слова греческого философа и политического деятеля Деметрия Фалерского, который так оценивал победы Александра Македонского: «Если бы 50 лет назад какой-нибудь бог предсказал будущее персам... или македонянам... разве они поверили бы, что ныне от персов, которым был подвластен почти весь мир, останется одно имя, и что македоняне, которых раньше едва ли кто знал даже имя, будут теперь владеть над миром? Поистине непостоянна наша судьба. Все устраивает она вопреки ожиданию человека и являет свое могущество в чудесном. И теперь, как мне кажется, она лишь затем передала македонянам счастье персов, чтобы показать, что и последним она дала все эти блага лишь во временное пользование, пока пожелает распорядиться ими иначе».

В своем учении о предопределении Августин вводит в христианский обиход античную Судьбу, хотя и называет ее для приличия «божественным Провидением». Но Судьба не имеет ничего общего ни с Провидением, ни с Промыслом – ни божьим, ни рыбным, ни каким-либо другим отхожим промыслом. Никаких осмысленных импульсов свыше не исходит. Люди либо поддаются тупому гипнозу Всевышней Рептилии, заставляющему их делать разные глупости, например, залезть на столб и сидеть на нем 17 лет, либо зависят от изменчивых симпатий женских божеств высшего защитного слоя. И государства тоже. По Авгу-

стину, успех и владычество римлян были наградой, ниспосланной им Богом за их нравственные доблести. Мы уже касались вопроса о том, какое именно божество покровительствовало римлянам, и пришли к выводу, что это был вовсе не христианский Бог, но Августин оказал ценную услугу Данте, когда тому понадобилось обосновать тезис о богоизбранности римлян – удобней было сослаться при этом на католического святого, а не на язычника Вергилия.

Но, согласно тому же Августину, Рим понес кару за свое греховное прошлое. Но кара эта отнюдь не была «высшей мерой». Истинным градом божьим на земле становится Церковь. Она целиком и полностью сливается с «истинным Римом» – «мировой божьей державой». Эта идея очень понравилась руководителям именно римской церкви, и ее стал усиленно популяризировать папа Григорий I (590 – 604).

Но человек финикийских кровей только и был способен на то, чтобы родить голую идею. А чтобы она обросла плотью, нужно было восстановить идейную преемственность с античным миром, а также кровное родство с ним.

Главный тезис книги Ивана Бло «Наследие Афины» заключается в том, что правильней говорить об эллино-христианской, а не об иудео-христианской цивилизации. Но цивилизация, о которой идет речь, стала такой, какой хотел бы ее видеть г-н Бло, не сразу и не целиком.

Связь времен

Прерванную связь времен взялся восстановить Св. Бенедикт Нурсийский из племени сабинян (р. в 480 г.). Среди хаоса и резни, он приступил к делу, определившему весь ход развития христианской цивилизации: в разоренной стране, которую раздирали на части варвары и христиане, начался систематический поиск рукописей классической эпохи. В бенедиктинских монастырях укрывали даже античные статуи. Аббат Эйнхард пользовался в качестве печатки античной геммой с изображением обнаженной Венеры (возможно, это был самый священный предмет в его монастыре).

Эрнст Крик, который очень высоко оценивал деятельность бенедиктинцев, считал символичным, что монастырь в Монтекассино был основан в 529 году, когда Юстиниан, император обмусоленной слезливыми православными историками Византии, закрыл Афинскую академию, а также тот факт, что этот монастырь размещался на развалинах бывшего храма Аполлона. По мнению Э. Крика, он стал образцом на многие века, первым шагом к воплощению Civitas Dei Августина.

Монастырь в Монте-Кассино был разрушен в 884 году арабами, в 1046 году – норманнами и в 1943 году – американской авиацией. Все враги цивилизации отметились здесь: мусульмане, нордические варвары и американцы.

Именно благодаря бенедиктинским монахам христианский Запад получил представление о трудах Платона и Аристотеля, Пифагора и эллинистов Александрии до того, как стали известны сочинения мусульманских ученых-посредников.

«Только благодаря Святому Бенедикту и его преемникам христианское учение восприняло греческую традицию», – такой вывод делает французский исследователь Л. Шарпантье.

Но он идет в своих выводах еще дальше. Если Святой Бенедикт сохранил для христианства сокровища античной мысли, то Святой Колумбан, ирландец по происхождению, подарил, как говорит Шарпантье, христианству сокровища кельтские.

Л. Шарпантье пишет далее о духовной близости религии друидов к христианству, в частности, о том, что девственной Матери Божьей христиан в кельтской мифологии соответствует рождение Мерлина от Девы. Ирландия, по выражению Шарпантье, была христианской «в друидическом понимании». Из Ирландии «друидическая концепция христианства» распространилась на Галлию. Именно там произошло сближение, а потом слияние Ордена Бенедиктинцев и ордена Святого Колумбана. «Бенедиктинские монастыри, – резюмирует Л. Шарпантье, – пришли на смену коллегиям друидов».

Спустя 500 лет на ту же сцену выступает новое действующее лицо – Святой Бернар Клервоский. Л. Шарпантье приводит легенду об иконе Черной Богородицы в церкви Сен-Ворль города Шатийон на Сене. Согласно этой легенде, Святой Бернар во время молитвы однажды потребовал: «Докажи, что ты мать». Мария надавила на грудь свою, и три капли молока оросили губы Бернара. Аллегория эта, по мнению Шарпантье, может означать, что Бернар, вскормленный молоком Черной Богородицы, проник в глубочайшие истоки традиции друидов.

Так это или не так, но именно Святой Бернар, будучи ревностным почитателем культа Марии, создал литургический термин «Нотр-Дам». Богоматерь для него была вовсе не женой Иосифа, а супругой божественного Слова.

В уставе Ордена Тамплиеров, написанном Бернаром Клервоским, есть такие слова: «Труд сей совершили вместе с нами Damedieu и Спаситель наш Иисус Христос». Л. Шарпантье в затруднении: как перевести слово Damedieu? Как Господь Бог или Богоматерь? Тамплиеры давали обет Деве Марии. Но Черная

Богоматерь, вскормившая Бернара своим молоком, совершенно не похожа на Деву-избранницу, отмечает Шарпантье, наряду с тем фактом, что в приведенной формуле Христос стоит лишь на третьем месте.

В упоминавшемся романе Жана Парвулеско «Свидания в Озерном замке» есть глава, которая называется «Тайная религия «Акведука». Название этой главы навеяно приводимыми в ней цитатами из Святого Бернара, в частности, его словами: «Воля Божья в том, чтобы мы имели все через Марию», и пояснением к ним, в котором Мария сравнивается с «акведуком, через который приходят к нам все воды небесные». Когда в этой связи говорится о Марии, поясняет автор, речь идет лишь о приспособлении к нашим временам глубоко оккультной идентичности некоей личности божественной природы, которая, меняя имя и даже онтологическое состояние, целиком оставалась Самой Собою. В древние времена та, которую мы сегодня называем Марией, звалась иначе, но это была та же самая личность, Супруга Единого Бога.

С незапамятных времен существовала особая, совершенно тайная религия, внешне прикрытая различными дезинформационными вариантами. Это религия той, кого мы сегодня называем Марией, но изначально у нее было другое тайное имя.

М. Серрано не раз ссылается на работы Л. Шарпантье, хотя и порицает его за антигерманские настроения, а также на исследования Отто Рана по истории катаризма. Картина в описании М. Серрано выглядит следующим образом:

«Катары не возражали против т.н. куртуазной любви, любви трубадуров. Утверждают, что именно они вдохновляли всю эту литературу и испытания, связанные с посвящением, которые включали в себя эзотерическую практику любви трубадуров, т.н. провансальской любви, а также «минне», любви германских трубадуров-миннезингеров, которые воспевали «воспоминания о любви, утраченной в начале времен». Слово «трубадур» означает «тот, кто находит» (от глагола *trovare* – находить), в данном случае, обретает нечто утраченное. Говорили, что первый трубадур открыл этот тайный закон любви, сидя под веткой золотого дуба. Ему указала его некая птица... Имя первого трубадура было Ясон.

«Согласно Отто Рану, трубадуры были высокопоставленными деятелями катаризма, призванными пропагандировать учение о любви. Их истинным вождем был Люцифер. Свою миссию они осуществляли, главным образом, в замках, где они посвящали и учили других символической любви к Даме, олицетворением которой была госпожа замка, но в действительности эта Дама символизировала катарскую церковь, общину, а также богиню, которой эта секта поклонялась:

Белисену кельтиберов, в действительности – Исиду, сохранившуюся до сих пор в виде Черных Дев Монсеррата и других святилищ Венеры, Софию, Мудрость, постигаемую через любовь. Это были средиземноморские и эгейские мистерии Великой Матери, которые стал заменять, искажая тайны посвящения в них и обобщая их, культ Марии. Как на доказательство того, что трубадуры учили в замках чисто символической любви, О. Ран указывает на тот факт, что рыцари позволяли посвящать своих жен, высоко уважая трубадуров. В Италии этот тип магической любви проповедовали «Феделе д'Аморе», и их дамой тоже была София. И Беатриче Данте это мудрость Наша Госпожа, Нотр Дам-тамплиеров также символизировала Орден, Церковь и была Исидой, Черной Девой».

Л. Шарпантье только удивлялся, что Черная Богоматерь не похожа на Деву-избранницу. М. Серрано показывает, какой именно культ скрывался за культом Девы Марии. Но у Серрано столько всего перемешано, причем правильные мысли соседствуют с абсолютно неверными, что в них необходимо разобраться.

Ю. Эвола тоже считал несомненным, что литература трубадуров имела в значительной степени эзотерическую основу и тайную тенденцию, а у «Феделе д'Аморе» часто встречаются антикатолические, еретические нотки. Давно было замечено, что «веселая наука» трубадуров развивалась, прежде всего, в тех городах и замках Прованса, которые были также центрами катарской ереси. Однако Ю. Эвола призывал отличать «Феделе д'Аморе» от катаров.

Ю. Эвола видел в катарах «очень подозрительную смесь раннего христианства, манихейства и искаженного буддизма». Его не устраивал в катаризме «негативный, женский, гинекократический аспект», восходивший к дохристианской традиции, но не к нордической, а к средиземноморской, к «Материнскому циклу».

То, что Эвола был женоненавистником, всем хорошо известно. Серрано спасает право на поклонение Женщине, небесной или земной, только за счет выхолащивания любви, очистки ее от каких бы то ни было элементов эротизма, возвышения до уровня мистической, метафизической и т.п.

Представления Серрано о метафизической любви, надо признаться, довольно экстравагантные. Заключается она в том, что мужчина смотрит на обнаженную женщину и кончает, прошу прощения, не вовне, а внутрь самого себя, обретая тем самым андрогинную целостность, воспетую Платоном. Проповедь таких «мистических любовей» испортила жизнь многим, в частности, Александру Блоку, сделав их сексуальными извращенцами.

Когда Блок женился на Л. Менделеевой, его, в позволения сказать, «друзья», прежде всего С. Соловьев, стали творить из этой свадьбы «мистирию» космиче-

ских масштабов. У Андрея Белого «свадьба Блока, «влюбленного в Вечность», на эмпирической девушке вызывала вопрос: кто для Блока невеста? Коль Беатриче – на Беатриче не женятся, коли девушка просто, то свадьба на «девушке просто» – измена пути». Если бы этим странноватым рассуждениям предавалось только окружение Блока, было бы еще полбеды. Хуже, что сам Блок философствовал о ложном лике Софии, Астарте, которая «схоластикой мозговою и чувственным пылом перекликается... с расколотыми половинками нашего существа, выпадающего из конкретного целого сферы Софии».

Л. Д. Менделеева была здоровая девушка, чуждая всякой отвлеченности и мистики. Ее настораживало, что Блок видит в ней какую-то отвлеченную идею, а не живого человека. «Вы от жизни тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и... скучно», – писала она ему. Выйдя, несмотря на это за него замуж, она с ужасом обнаружила, что «нарвалась»: после женитьбы Блок «сейчас же принялся теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это «астартизм», «темное» и Бог знает еще что»

Случай подобной сексуальной патологии описывает Ганс Ф. К. Гюнтер в своей книге о подборе брачных пар. Есть мужчины, которые одних женщин могут только «платонически обожать», а других, обычно самого низкого пошиба, любить не «мистической» любовью.

Но Серрано зря приписывает такие же извращения провансальским трубадурам XII века. Трубадуры были ребята не только веселые, но и хитрые. Серрано прав, что они писали зашифрованным языком, но только шифр этот имел иное назначение: надо было возвышенными миражами отвлечь внимание ревнивых мужей от созерцания в зеркале своих ветвистых рогов.

Взять хотя бы роман «Фламенка», о котором Жан-Пьер Картье говорит, что кажется, будто он написан в XVIII веке. Тут уже безо всякой шифровки, весьма откровенно описано, что вытворяла Фламенка де Немур со своим любовником Гийомом де Невером втайне от своего мужа, Аршамбо де Бурбона.

Любовь (именно такая) объявлялась не грехом, а добродетелью. По словам Ж.-П. Картье, «рождалась смеющаяся цивилизация», но она была обречена, потому что появилась раньше своего времени. Не следовало ли ей подождать Ренессанса, чтобы возникнуть снова, в иной форме?»

Трубадуры и катары постигла общая судьба, поскольку нагрянувшим на Лангедок крестоносцам было велено убивать всех – «Господь разберет своих». Сочувствие трубадуры катарам было вполне естественным, но разделять их идеи

они не могли. Катары презирали те самые земные радости, которые воспевали трубадуры.

Здесь имеет место та же путаница, что и с оценкой Возрождения и Реформации. Последняя не выросла логически из Возрождения, а наоборот, как правильно отмечали Ф. Ницше и А. Франс, была реакцией против него. В случае с Лангедоком путаница усугубляется территориальным совпадением двух разных явлений.

Б. Данэм тоже сравнивает XII век с эпохой Возрождения и добавляет: «Совмещение реальности с поэтической выдумкой, связанной при этом с представлением о дружественной людям Вселенной, чуть не привело европейское христианство к ереси. Лично мне кажется, что фактически так и произошло... Ведь в Европе XII века главенствовало самое привлекательное из всех сверхъестественных существ: Мадонна».

Ясно, что описанная Б. Данэмом ересь, не имела ничего общего с катаризмом.

Накрутил Серрано и с Люцифером. Имя это встречается в десятках мест книги «Золотая цепь»; каждый раз оно употребляется в положительном значении, но не в том роде. Люцифер это, извиняюсь, Венера: самую яркую звезду на небе люди посвящали богине любви. Так было в древней Индии и Месопотамии, в древней Греции и в древнем Риме. Только христиане с их гомосексуальным мышлением, объявив всех языческих богов демонами, одновременно сделали из богинь трансвеститов, превратив Венеру в Люцифера, Астарту в Астарота и т.д. Г-н Серрано тоже, очевидно, думает, что Люцифер – это мужчина, поскольку все время отождествляет «его» то с Аполлоном, то с Шивой, то с Прометеем. А Люцифер это женское божество. Любопытно, что такая же пикантная история произошла в Индии. С воцарением там патриархата планету Венера (Шукра) отобрали у прекрасной богини зари Ушас и передали некоему Ушанасу, верховному жрецу демонов-асуров.

Расшифровывая тайный язык трубадуров, М. Серрано читает слово «ROMA» наоборот. Получается «AMOR». Отсюда он делает вывод, что трубадуры еретически противопоставляли Любовь Риму, т.е. католической церкви. Но если здесь и была «ересь», то другая. Трубадуры просто читали слово «Рим» по-этруски, справа налево. Полученный результат напоминал о том, что Рим был основан потомками богини любви.

Ю. Эвола был, конечно, совершенно прав, когда призывал не привязывать односторонне течение «Федели д'Аморе» к катарам. У представителей этого течения «Дама» и «Любовь» приобретают ярко выраженный символический харак-

тер и становятся центром всего. Как показал Л. Валли в своей книге «Тайный язык Данте и Феделе д'Аморе» (Рим, 1928), начиная с Данте, Кавальканти, Дино Компаньи и поэтов сицилийского двора, включая самого Фридриха II, Дамы «Верных Любви», какое бы имя они не носили, Роза или Беатриче, Джованна или Сельваджия, это одна и та же женщина, символизирующая тайную доктрину, в значительной степени враждебную Церкви. Так у Данте любовь оказывается любовью к «Святой Мудрости», в его «Раю» солнце Беатриче затмевает солнце Христа.

У «Феделе д'Аморе» мы встречаем ту же самую тему «Вдовы», которая звучит и в легенде о Граале (Парсифаль – «сын вдовы»), тему, для многих подозрительную, потому что всем хорошо известен масонский термин «дети вдовы». Сомнения на этот счет развеивает (порождая, правда, взамен новые) М. Серрано: у него Осирис это падший ангел, после которого Исида осталась вдовой, а их полубожественные потомки – «дети вдовы». Ю. Эвола, предпочитая не связываться с падшими ангелами, давал более символическое толкование: «вдова» это покинутая традиционная мудрость, к которой следует вернуться.

Исследователи этой темы приходят к выводу, что «Феделе д'Аморе» представляли собой не только цепь посвященных, но и настоящую организацию, которая поддерживала дело Империи и боролась против Церкви; что они были не только хранителями тайной доктрины, несводимой к католическому учению, но и воензированной группировкой, сражавшейся против гегемонистских притязаний Римской курии. Но, по мнению Эволы, «несводимости» тут как раз и не было, не было подлинного преодоления католицизма, в рамках которого оставалось достаточно места для созерцательных, платонических идей. Феделе д'Аморе враждовали с Церковью не потому, что были представителями принципиально иной традиции, а потому что Церковь, на их взгляд, была не на высоте чистого созерцания. «Вдова», о которой они говорили, была не солнечной традицией Империи, а «лунной», вполне совместимой с «очищенным католицизмом».

Эвола позволял себе смотреть сверху вниз на Данте, потому что Данте, с его точки зрения, не дотянул до правильного, т.е. до эволианского понимания идеи Империи, а согласно этому пониманию, конечным смыслом существования Священной Римской империи было «возобновление римского движения к «солярному» экуменическому синтезу, возобновление, которое логически включало в себя преодоление христианства и должно было в результате вступить в конфликт с той гегемонией, к которой непрестанно стремилась Римская церковь, а эта Церковь не могла, разумеется, признать, что Империя соответствует более высокому принципу, нежели тот, который представляет она сама». По Эволе, принцип власти Императора имел «не менее сверхъестественный и трансцендентный характер, чем принцип власти Церкви. Однако, это настоящее Возрож-

дение... требовало последней точки отсчета, высшего центра кристаллизации, более высокого, чем христианская идея, даже в романизированном виде». Такой высшей точкой Эвола считал легенду о Граале.

К этой легенде мне уже приходилось обращаться (см. мою статью «Катары и Грааль» в журнале «Атака» №1000), но сейчас речь не о ней. Ставя имперскую идею выше христианской, Эвола не подозревал, а если и подозревал, то умышленно не акцентировал на этом внимание, что в самом католицизме крылось идея, более высокая, нежели христианская. И Данте не то, чтобы понял, но ощутил своим гениальным чутьем присутствие этой Идеи.

В вопросе об Империи Данте, кстати, тоже разбирался не хуже Эволы. Хотя он отстаивал идею светской монархии, понимал он под этим лишь независимость монархии от папской власти. В своем трактате «Монархия» Данте обосновывал эту независимость тем, что «император... стоит в непосредственном отношении к главе Вселенной, то есть к Богу». Так что у Данте, как и у Эволы, власть императора сакральна сама по себе, и для ее освящения не требуются никакие посредники. Но у Данте, кроме трансцендентального измерения, с которого не сводил очей Эвола, присутствовал еще один план, а именно богоизбранность римского народа, проявлявшаяся и до возникновения Империи. В другом своем философском трактате «Пир» Данте объявляет образцом добродетели граждан республиканского Рима. А еще в VIII веке король Пипин Короткий поднимал своих подданных, франков, на защиту от лангобардов «святой римской республики» – Священная Римская империя тогда еще не возникла, зато Святая Римская республика уже была. И святость ей придавал не помазанный сверху чем-то липким император, а народ, который Данте называл «святым», а самого себя считал носителем «святого семени», единственным во Флоренции потомком древних римлян.

Сознание своей принадлежности к святому народу настолько возвышало Данте в собственных глазах, что он доходил до кощунства, уподобляя себя Христу. Вергилий в «Аде» говорит Данте: «Блаженна несшая тебя в утробе!», почти буквально воспроизводя евангельские слова, обращенные к Иисусу: «Блаженно чрево, носившее тебя» (Лх. XI. 27). Поскольку считалось, что Вергилий в своей знаменитой IV эклоге предсказал рождение Христа, Данте, вкладывая эти слова в уста Вергилия, знал, кому и что поручить сказать. Мало того: одно из писем, обращенных к народу Флоренции, Данте начал словами «Народ мой, что сделал я тебе?», взятыми из Богослужения, совершаемого в Страстную пятницу.

Не менее высоко возносит Данте и Беатриче, которая в третьей канцоне «Новой жизни» превращается во вторую Богородицу. Слова «Ее душа всемилости полна» опять перекликаются с известной молитвой «Ave Maria, gratia plena».

Р.И. Хлодовский, автор статьи «Гуманизм Данте», пишет, что Данте в «Новой жизни» еще не создавал новую «религию Беатриче», но потом Беатриче стала для него центром Вселенной.

На вопрос, кто такая Беатриче, обычно отвечают, что это божественная Мудрость, аллегория богословия. Такое же толкование дает и М. Серрано. Однако сам Данте говорил (в «Пире») о четырех смыслах литературных произведений. Аллегория – лишь второй из них, а есть еще четвертый, анагогический, «сверх-смысл».

Какая Беатриче «божественная Мудрость», если она не всеведуща? Что происходит с Данте, она узнает только от праведницы Люции. Бывают случаи, когда Беатриче оказывается еще и бессильной. То есть, это явно не верховное божество, по крайней мере, в том виде, в каком его представляют себе христиане.

Мало того: переводчик Данте А.А. Илюшин удивляется, что Беатриче, объясняясь с поэтом (в «Чистилище»), употребляет «почти площадную лексику», вплоть до блатного жаргона («раскололся» вместо «раскаялся» и т.п.), причем она говорит о себе так, как если бы она была любовницей Данте, упрекая его за измену (Данте, как известно, был женат и имел детей). А.А. Илюшину остается только констатировать, что «в обрисовке Данте одна и та же женщина может быть одновременно девственницей, любовницей, ангелом, аллегорией богословской мудрости, математики, судией, астронавтом». Переводчику такой образ мыслей непонятен, а это всего лишь описанное Леви-Брюлем «дологическое мышление» с его снятием противоречий. Проявив способности к такому мышлению, Данте, смог, хотя и весьма расплывчато (а иначе и нельзя), описать особенности того метафизического слоя, который возник в эпоху поклонения человечества женским божествам.

Одним из этих божеств была греко-римская Афродита-Венера. Ее сын, Эрот-Амур, обычно изображается в виде шаловливого мальчика с луком, у Данте же в «Новой жизни» AMOR обретает «облик некоего мужа, видом своим страшного тому, кто смотрит на него», да еще произносящего кощунственные слова «Аз есмь Господь твой». До «анагогического» смысла этой аллегии добраться можно через длинный ряд ассоциаций. Вспомним слова перевертыши AMOR – ROMA, вспомним, что у Венеры, кроме Амура, был еще и другой сын Эней, божественный родоначальник римлян. Данте, как носитель «святого семени», воздаст почести родоначальнику «святого народа», к которому себя причисляет. Не случайно тут и Вергилий все время рядом крутится – он подскажет Данте нужную мысль, если тот чего не поймет.

«Вергилий – это человеческий Разум», – безапелляционно выносит приговор Р. И. Хлодовский. Если и Разум, то уже не совсем человеческий: в древности его чтили не только как великого поэта, но и как неземное существо. Он был почти обожествлен, а его «Энеида», которую считали зашифрованной поэмой, использовалась как книга оракула. А в Средние века именно Данте, можно сказать, воскресил культ Вергилия.

Советский дантолог А.К. Дживелегов утверждал: «Религия Данте... не была бы столь свободной, если бы сознания поэта не коснулась ересь». Но дантологи впадают в ту же ошибку, что и биологи – «средовики»: они начинают искать эту ересь вовне, выяснять, откуда она пришла, чем коснулась и с какой стороны. А она ниоткуда не пришла, она жила в самом Данте, в его душе, в его крови.

И. Бэлза удивляется, что в «Божественной Комедии» AMOR приобретает такие черты, которые никогда еще до Данте не приписывались богу любви. Перводвигателем Вселенной объявляется «Amor Divino». Св. Бернар Клервосский, о котором мы уже говорили, как о создателе культа Марии, и который отнюдь не случайно выступает в роли одного из вожатых Данте, наряду с Вергилием и Беатриче, призывает Данте обратить взоры к изначальной любви (*primo amore*). Раньше у Данте эти слова относились к Св. Духу как к одному из ипостасей Св. Троицы, теперь же Св. Бернар сопровождает их молитвой Богоматери. И в конечном итоге силой, которая управляет Вселенной, оказывается у Данте все же AMOR.

Это не «средневековая ересь». Это, скорее, Гесиод, у которого Эрот – сила любви, влекущая к себе элементы мироздания, космическое начало, посредством которого объединяется Вселенная. Это возврат к античному образу мышления. Это – Возрождение.

Просто звериную ненависть к Возрождению испытывал, подобно многим, ему подобным, православный фанатик А. Ф. Лосев, написавший толстую книгу с единственной целью оплевать эту славную эпоху. С извращенной точки зрения Лосева, Венера Боттичелли выглядит «слабой, бледной и разочарованной женщиной». Венера на картине, о которой идет речь, действительно, чувствует себя зябко и неуютно на холодном ветру, все еще дующем после ледникового периода Средневековья. Но у художника того же поколения, только прожившего гораздо дольше, чем Боттичелли, у Тициана, Венера уже настолько окрепла, что Г. Гейне смог сказать о ней: «Бедра его Венеры – это тезисы, гораздо более убедительные, чем те, которые были прибиты немецким монахом на дверях виттенбергской церкви».

К чести католической церкви надо сказать, что она, за исключением отдельных выроdkов, вроде Савонаролы, которого самого-то сожгли, как еретика, не видела для себя никакой угрозы со стороны венериних бедер, и наоборот, даже покровительствовала возникающей гуманистической культуре в лице своих высших руководителей, например, папы Николая V (1447 – 55). Но самым выдающимся меценатом эпохи Возрождения был папа Юлий II (1503 – 13). При нем Браманте начал воздвигать знаменитый собор Св. Петра, а Рафаэль расписывал потолок Сикстинской капеллы и залы Ватиканского дворца. Статуя Микеланджело «Моисей» должна была прославить и обессмертить самого Юлия II.

О Сикстинской Мадонне Рафаэля проникновенно говорил М. О. Меньшиков в своей статье «Вечно женственное» (эти слова, взятые у Гете, даны в заголовке статьи по-немецки): «Часто говорят, что это «идеализированное» лицо. Какая ошибка! Разве то, на что способна сама природа, не несравненно выше всякого нашего воображения, и разве может быть оно превзойдено? Никогда». «Всматриваясь часами в лицо Мадонны, ...я ничего не мог себе представить более родного, более русского, чем это лицо. Именно русского, как это ни странно говорить о Рафаэле. Склад головы Мадонны не еврейский и не античный, это голова средневропейской, славянской девушки, русоволосой и темноглазой, с широким умным лбом и ясным, как раннее утро, овалом лица... Лицо Мадонны удивительно русское».

М. О. Меньшиков обратил особое внимание именно на расовый тип Богоматери. Необходимо отметить здесь, что как поклонение Богоматери, так и отвержение Ее культа в равной мере связаны с принадлежностью к определенным расовым типам.

Реформация против Возрождения

В одном из последних своих произведений Ф. Ницше писал: «Недавно в качестве «истины» обошло все немецкие газеты идиотское мнение, тезис, к счастью, умершего эстетического шваба Фишера, с которым будто бы должен согласиться всякий немец: Возрождение и Реформация вместе образуют одно целое – эстетическое возрождение и нравственное возрождение. При таких тезисах мое терпение приходит к концу, и я испытываю желание, я чувствую это даже как обязанность, сказать наконец немцам, что у них лежит на совести. Все великие преступления против культуры за четыре столетия лежат у них на совести! И всегда по одной причине, из-за их глубокой трусости перед реальностью, которая есть также трусость перед истиной, из-за их, ставшей у них инстинктом, неправдивости, из-за их «идеализма». Немцы лишили Европу жатвы, смысла последней великой эпохи, эпохи Возрождения, в тот момент, когда высший по-

рядок ценностей, когда аристократические, утверждающие будущее ценности достигли победы в месте нахождения противоположных ценностей, ценностей упадка – и вплоть до инстинктов тех, кто там находился! Лютер, этот роковой монах, восстановил Церковь и, что в тысячу раз хуже, христианство, в тот момент, когда оно было побеждено... Христианство, это ставшее религией отрицание воли к жизни... Лютер... напал на Церковь и – вследствие этого – восстановил ее».

Аналогичную оценку мы встречаем у А. Франса в его «Восстании ангелов»: «Античная красота после стольких лет варварства на мгновение явилась очам людей, и этого было достаточно, чтобы образ ее, запечатлевшись в их сердцах, внушил им пламенное стремление любить и знать. С тех пор звезда христианского Бога стала меркнуть и склоняться к своему закату... Творения древних философов, ораторов, юристов и поэтов были извлечены из пыли монастырских библиотек и, переходя из рук в руки, вдохновляли умы любовью к мудрости. Даже наместник ревнивого Бога, сам папа, больше не верил в того, чьим представителем он был на земле. Он любил искусство, и у него не было иных забот, как только собирать античные статуи и возводить великолепные строения, где оживало мастерство Витрувия, возрожденное Браманте... Наконец-то на землю возвращалась радость. Но вот – о горе, о напасть, о злосчастье – некий немецкий монах, накачавшись пивом и богословием, восстает против этого возрождающегося язычества, грозит ему, мечет громы и молнии, один восстает против князей церкви и, победив их, увлекает за собой народы, ведет их к реформе, спасающей то, что уже было обречено на гибель». «Этот дюжий корабельщик починил, законопатил и вновь спустил на воду потрепанный бурями корабль церкви. Иисус Христос обязан этому рясоносцу тем, что кораблекрушение оказалось отсроченным, может быть, более чем на десять веков... После этого толстяка в монашеском капюшоне, пьяницы и забияки, явился, весь проникнутый духом древнего Ягве, длинный и тощий доктор из Женевы, холодный и в то же время неистовый маньяк, еретик, сжигавший на кострах других еретиков, самый лютей враг граций, изо всех сил старавшийся вернуть мир к гнусным временам Иисуса Навина и Судей израильских».

«Эти исступленные проповедники и их исступленные ученики заставили... пожалуй о временах, когда Сын со своей девственной Матерью царили над народами, очарованными великолепием каменного кружева соборов, сияющими розами витражей, яркими красками фресок... пышной парчой, блистающей эмалью раковин и дароносиц, золотом крестов и ковчегов, созвездиями свечей в тени церковных сводов, гармоничным гулом органов. Конечно, все это нельзя было сравнить с Парфеноном, с Панафинейми; но и это радовало глаз и сердце, ибо и здесь все же обитала красота. А проклятые реформаторы не терпели ничего, что пленяло взор и дарило отраду... Они черными стаями карабкались на порта-

лы, цоколи, островерхие крыши и колокольни, разбивая своим бессмысленным молотком каменные изображения, изваянные некогда руками... искусных мастеров, – добродушных святых мужей и миловидных праведниц или же трогательных Богородиц, прижимающих к груди своего Младенца. Ибо, сказать по правде, в культ ревнивого Бога проникло кое-что из сладостного язычества. А эти чудовища-еретики искореняли идолопоклонство».

В число «идолов» попала и Мадонна. Как отметил Герцен, протестантизм «вытолкнул одну Богородицу из своих сараев богослужения, из своих фабрик слова Божия». Странно, что Герцен давал столь огульную характеристику протестантизма, особенно если учесть, что у него мать была лютеранка. Лютеранство Богородицу никуда не «выталкивало». Под общим термином «протестантизм» объединяются совершенно разные по своей сути религиозные течения, не имеющие между собой почти ничего общего. Выявление этой сути невозможно без увязки определенного направления с определенным расовым типом.

Ареал распространения лютеранства довольно точно совпадает с ареалом распространения нордической расы. Чисто нордические скандинавские страны – чисто лютеранские, а в расово-смешанной Германии лютеранство охватило ее нордические части, Север и Восток, в то время как альпийско-динарские Юг и Запад остались, в основном, католическими. Ганс Ф. К. Гюнтер, определяя долю нордической крови в Германии, называл цифру порядка 50-60%. И примерно таково же соотношение между католиками и протестантами. Пока Германия была разделена, в ФРГ, по статистическим данным, их было примерно поровну, тогда как в бывшей ГДР подавляющее большинство составляли протестанты.

В Германии, в начальный период Реформации, тоже имели место погромы церквей, вроде описанных А. Франсом, но Лютер это быстро пресек. Кстати, ни он сам, ни его ближайший сподвижник Меланхтон, не собирались основывать какую-то новую Церковь, они считали себя членами католической Церкви и видели свою цель лишь в очистке ее от злоупотреблений.

К кальвинистам, таким же, вроде бы, «протестантам», как и они, лютеране относились хуже, чем к католикам. С их точки зрения католицизм ближе к истинной вере, чем кальвинизм. Лютеранский профессор Поликарп Лейзер доказывал, что заблуждения кальвинистов хуже, чем заблуждения «папистов», а лютеранин Хуттер даже рассматривал избиение гугенотов во Франции как справедливый суд Божий над злой сектой, нарушившей религиозный мир.

Католическая церковь проявила встречный акт доброй воли лишь почти пять веков спустя. 31 октября 1999 года, в тот самый день, в который Лютер в 1517 году прибил свои знаменитые 95 тезисов к дверям церкви в Виттенберге, кар-

динал Э. Кэссиди и президент Всемирного союза лютеран, епископ Брауншвейгский Кристиан Краузе, подписали в Аугсбурге, в церкви Св. Анны (которой когда-то Лютер дал обет постричься в монахи), «Совместное заявление к учению о прощении», в котором фактически признается, что Лютер в свое время был прав.

В своей оценке роли Лютера (в «Мифе XX века») А. Розенберг исходил из основной идеи Х. С. Чемберлена, согласно которой между древним Римом и новым Западом, построенным германцами, вклинилась эпоха, характеризующаяся безудержным расовым смешением. Чемберлен называл это время периодом «хаоса народов». В дальнейшей истории Европы А. Розенберг видит борьбу «нового человечества» и «сил римского хаоса народов». В ходе этой борьбы многие носители нордической крови «сами стали носителями наполовину выдуманной древнеримской державности и слишком часто размахивали своим мечом по всему миру, служа фантазии... Так вплоть до Мартина Лютера борьба между германцами и хаосом народов принимала формы борьбы героев, связанных с природой, с героями, находящимися на службе у враждебных природе фантазий».

«Если и сегодня, продолжает А. Розенберг, – «правоведы» проповедуют идеал единой классификации человечества, восхваляют единственную, организованную видимую мировую церковь, которая должна определять, исходя из одной догмы, всю государственную жизнь, все науки и искусства, всю этику, то это является отражением тех идей хаоса народов, которые с давних пор отравляли нашу сущность... Это расовая чума и убийство души, возведенные в программу мировой политики. Императоры и папы когда-то боролись в рамках этой универсалистской враждебной национальности идеи... Мартин Лютер противопоставил политической мировой монархии папы политическую национальную идею».

«Чистейшие нордически-германские государства, когда пришло время, наиболее решительно и последовательно боролись против римского универсализма и отрицающей всё органическое формы духовного единства (унитаризма)». Розенберг называет эпоху Реформации временем «победоносного великого пробуждения от римско-переднеазиатского гипноза».

«Без Колиньи и Лютера, – резюмирует Розенберг, – не было бы ни Баха, ни Гете, ни Лейбница, ни Канта».

«Миф XX века» имел резко антикатолическую направленность. Надо сказать, что А. Розенберг был «белой вороной среди руководителей НСДАП, происходивших, в основном, из католических семей. Тот же Гитлер оценивал книгу Розенберга отрицательно, так что рупором «официальной идеологии» Розенберг не стал.

Но у Розенберга в его борьбе против католицизма был союзник, правда, весьма неудобный для самого Розенберга, потому что этим союзником был Генрих Гейне.

Вот что он писал в поэме «Германия. Зимняя сказка», о строительстве Кельнского собора:

Бастилией духа он должен был стать.
Святейшим римским пролазам
Мечталось: «Мы в этой гигантской тюрьме
Сгноим немецкий разум.»
Но Лютер сказал знаменитое «Стой!»
И триста лет уже скоро,
Как прекратилось навсегда
Строительство собора.
Он не был достроен – и благо нам!
Ведь в этом себя проявила
Протестантизма великая мощь
Германии новая сила...»

Это – стихи Гейне. А вот его проза, его знаменитая работа «К истории религии и философии в Германии». По мнению Гейне, «гностическое мировоззрение, индийское по своим первоисточникам,... принесло с собой учение о воплощении Бога, об умерщвлении плоти, о духовном самоуглублении; оно породило аскетически-созерцательную жизнь монахов, этот чистейший цвет этой идеи».

«Материю представляет Сатана... и в согласии с этим весь мир явлений, природа, изначально есть мир зла... поэтому следует отречься от всех радостей жизни, чувств, предать наше тело, достояние Сатаны, истязаниям».

Гейне считал, что такое воззрение на мир составляет «сущность идеи христианства», чем предвосхитил идеи, высказанные позже нашим В. В. Розановым в книге «Люди лунного света».

Гейне писал далее: «Оклеветан был даже соловей, и люди осеняли себя крестом, когда слышали его пение. Истинный христианин бродил среди цветущей природы, трусливо отрешившись от своих чувств, подобно абстрактному призраку».

И это вовсе не злобная еврейская пародия на христианство. Не кто иной, как Св. Григорий Нисский, призывал людей не любоваться красотой небесного свода, «ни лучами света, никакой земной красотой».

Гейне отнюдь не идеализировал Лютера, он отдавал себе отчет в том, что «Лютер не понял, что идея христианства – полное уничтожение чувственности. (В. Розанов это как раз прекрасно понял – А.И.) – слишком сильно противоречит человеческой природе, чтобы эта идея могла когда-либо быть полностью осуществлена в жизни; он не понял, что католичество было как бы конкордатом между Богом и Дьяволом, т.е. между духом и материей».

В результате Реформации, по оценке Гейне, «сама религия становится иною, в ней исчезает индо-гностический элемент», носителем которого было «т.н. католическое христианство» и вновь усиливается в ней элемент иудейско-деистический».

Всех деистов Гейне приравнивал к иудеям, но он выгодно отличался от Э. Багрицкого тем, что его «иудейская гордость» от этого отнюдь не пела: он называл деизм «религией для рабов» и радовался тому, что Кант «отрубил в Германии голову деизму».

Догадку Гейне об индийских первоисточках гностического мировоззрения подтвердил в своем специальном исследовании «Происхождение христианства из гностицизма» Артур Дреус, труды которого рекламировал В. И. Ленин (он вряд ли делал бы это, если бы знал, что Дреус на старости лет подастся в национал-социалисты). «Возможно, – писал Дреус, – что исходный пункт гностического тайного учения следует искать в Индии», и пояснял: «Истинную сущность гностицизма составляет то, что в платонизме и в александрийской религиозной философии является в виде спекулятивной идеи, выступая у афинского философа под именем «Эроса», то, что учение о мудрости Псевдосоломона выразило в понятии «Софии», а Филон мыслил символически воплощенным в своем «Логосе», именно: искупление человека через познание Бога – эта основная мысль всякой мистики, сообщавшая, прежде всего, индийской философии и религии их характерную окраску».

Война, которую Гейне объявил «романтической школе», была продолжением его войны против католицизма. Ведущие представители названной школы косяком двинули в католицизм: Ф. Шлегель (вместе с женой, дочерью философа Моисея Мендельсона), Тик, Новалис и другие, что дало Гейне повод написать: «Эти иезуиты сладкими звуками романтики столь губительно заманивают немецкую молодежь – подобно тому, как некогда легендарный крысолов заманивал гамельнских детей». Гейне признавался, что сам отдал лучшие годы юности романтической школе, но потом хвастался тем, что «высек своего учителя», т.е. А. В. Шлегеля.

Своей опорой в борьбе против немецкого романтизма Гейне пытался сделать такой «столп», как Гете, ссылаясь на то, что «Гете, так радостно воспевавший Персию и Аравию, высказывал определеннейшее нерасположение к Индии. Его отталкивало причудливое, смутное, неясное в этой стране... в санскритологии Шлегелей...он чуял католическую заднюю мысль. Дело в том, что для этих господ Индостан был колыбелью католического миропорядка; там они видели образец своей иерархии, там находили свою Троицу, свое вочеловечение, свое покаяние, свое искупление, свое истязание плоти».

Гейне не нашел для Гете лучшего комплимента, чем назвать его «Спинозой поэзии». Но этот комплимент вроде того жернова, о котором сказано «да обвесится на вые его, и да потонет в пучине морстей». Сравнение со Спинозой способно утопить кого угодно, даже Гете.

Сам Гете, впрочем, против такого сравнения не возражал. Для него Спиноза был отнюдь не жернов, а спасительный костыль, без которого Гете просто не мог ковылять по жизни. Гетевский Фауст жаловался, что в его груди живут две души, но эту жалобу вложил ему в уста сам автор, человек смешанного расового происхождения, в котором слились две крови, вследствие чего и образовалось две души. Отсюда душевная неуравновешенность и потребность в искусственной опоре, сиречь в костыле.

Т. Манн писал в статье «Гете как представитель бюргерской эпохи»: «Многие современники, встречавшиеся с поэтом, свидетельствуют о том стихийном, темном, злобном и прямо-таки дьявольски смущающем, что исходило от его существа. Сотни раз отмечались его горечь и насмешливость, его софистический дух противоречия». Говорили, что «из одного глаза глядит у него ангел, из другого – дьявол». Т. Манн связывает «черты глубокой скорби и угрюмости, неизбывной безрадостности» с «безверием и индифферентностью» Гете, хотя правильной связывать их с наследственностью, как это делает Э. Людвиг: «Свет и тьма в его темпераменте ...унаследованы им от родителей». «Скептицизм, страстность и честолюбие он получил от отца (в котором Э. Людвиг подчеркивал патологические черты), веселость, общительность и фантазию – от матери». Поэтому «ни один из гетевских образов не есть Гете. Он всегда воплощал себя в двух противоположных образах, иногда даже в женских».

Веничка Ерофеев очень искусно обыграл тот момент, что Гете не застрелился сам, а заставил застрелиться вместо себя своего героя Вертера. Сам же Гете, по свидетельству Эккермана, «нашел самого себя и, одновременно, наилучшую опору» в Спинозе. Гете писал об «Этике» Спинозы: «Я нашел в этой книге успокоение для моих страстей... Все уравнивающий покой Спинозы стоял в та-

ком противоречии с моими бурными стремлениями, его математический метод был такою противоположностью моему поэтическому творчеству!»

Но кладбищенский покой «философии» Спинозы находился в противоречии не только с бурными стремлениями Гете, но и с жизнью вообще. Современный французский философ Пьер Шассар в своей работе «Отрицательная мораль от Сократа до Бергсона» дает определение того, что есть отрицательная мораль. Это «всякая мораль, которая обесценивает жизнь, тело, волю, самоутверждение, т.е. всякая мораль ослабления, отречения, раболепия перед Иным, всякая мораль, которая, начиная с Сократа, преследует цель растворения личности во Вселенском, в безмерном Бытии или Небытии, в сверхчувственном сверхмире, в обитающем вне мира Боге, во внеземном или вселенском Единстве, в Ничто, в человечестве или любой другой, столь же пустой фикции». В числе проповедников отрицательной морали у Шассара фигурирует и Спиноза, мораль которого это «раболепие и уничтожение личности». «При безраздельном пантеистическом господстве Бога-природы, когда творения не существуют реально сами по себе, спинозистская мораль остается отрицательной моралью Иного и Трансцендентного».

Самое смешное, что этика Спинозы притянута к его философии буквально за уши, на что обращал внимание еще Шопенгауэр, который отмечал, что этика Спинозы «совершенно не вытекает из сущности его учения, а напротив... приделана к ней лишь посредством слабых и очевидных софизмов». Шопенгауэр считал невыносимой математически последовательную, строго научную философию; он утверждал, что нельзя никакой философии вывести «ex firmis principiis», как того желал Спиноза.

Однако, мы слишком отделились от основной темы, – это всё Спиноза виноват. Да и Гете нас интересует лишь постольку поскольку, притом не его философский балласт, а его творчество. А творчество Гете это, прежде всего, «Фауст».

Вечная женственность

Гете уверял, будто в этом произведении нет идеи. На самом деле она есть, притом довольно вредная, но подробный анализ «Фауста» дан у меня в другом месте, в работе «Князь мира сего». Здесь же я хотел бы выделить лишь два момента.

Как известно, «Фауст» кончается песней в исполнении «мистического хора», который выскакивает на сцену совершенно неожиданно, как Христос в финале

«Двенадцати» Блока, и содержание песни вроде бы никак не связано со всем предыдущим текстом. Вот эти знаменитые строки в переводе Б. Пастернака:

Все быстротечное – символ, сравнение;
Цель бесконечная здесь – в достижение;
Здесь – заповедность истины всей.
Вечная женственность тянет нас к ней.

Смысл этих строк очень важен, искажение его поэтической отсебятиной – недопустимая роскошь для переводчика. Поэтому придется танцевать от подстрочника: «Все преходящее – лишь некое подобие; несовершенное становится здесь событием; то, что здесь делается, не поддается описанию. Вечно женственное влечет нас ввысь».

«Где же тут сказано «пятьдесят»? – спросил бы Мисаил. Ни о какой «истине», тем более обо «всей» нет и речи. Так к кому «к ней» тянет нас «вечная женственность»?

Первую строку давно уже переделал на свой лад Ницше, который сказал: «Все непреходящее есть лишь некое подобие». Такую оценку он давал любым метафизическим абстракциям. Гете имел в виду подобие прообразам вещей и существ, – эту идею он заимствовал у Платона. Мефистофель советует Фаусту (часть 2, акт 1) перенестись «из мира форм рожденных в мир их прообразов». Рожденные формы – лишь некое их подобие, можно даже сказать, жалкое подобие, а вовсе не «символ». Гете не случайно употребил здесь слово «*Gleichnis*», а не «*Sinnbild*». Последнее, обозначающее «символ», можно буквально перевести как «изображение, содержащее определенный смысл».

Вся песня «мистического хора» это сетование на несовершенство нашего мира и на невозможность понять причины этого несовершенства. Грустная песня, хотя ее и можно петь на веселенький мотивчик: «Сердце красавицы склонно к измене».

Единственный луч света в этом темной царстве – Вечно-женственное начало, которое никуда нас не «тянет» (здесь, наоборот, буквализм неуместен), а «выскакивает». Но эти последние слова «Фауста» – лишь некий лозунг, внезапно выдвигаемый без связи с контекстом. Кого у Гете возвысило «Вечно-женственное начало»? Фауста, что ли? Может быть, Мефистофеля?

Андрей Белый пытался обнаружить эту связь с контекстом в своей обычной сумбурно-многословной манере. Выглядит это примерно так: «Фауст – абстрактный максималист до первой сцены». Когда он встречается Гретхен, он, «не

понимая видения, поступает с Видением как Дон-Жуан. Мефистофель – Рассудок мешает понять: Гретхен есть Беатриче, его проводница к голосу Жизни».

«На земле Фауст Гретхен не понял и не сумел в ней увидеть соединенье Вечного с временным; разрезал в ней Вечное линией времени: убил Гретхен. Убийство-самоубийство вместе со всеми следствиями – содержание двух частей «Фауста» и описание пути к конкретному максимализму; из «кукольного своего состояния» Фауст вылетает «яркой бабочкой духа».

«Искание пересечения Вечного с временным, точка слияния Вечного с временным, стремление охватить время Вечным – конкретные поиски молодых символов начала столетия: символ их символов – акт воплощения Виденья, ведущего к созерцанию Той, которая есть Mater-Gloriosa. Таков образ Музы у Блока; кончается «Фауст» им; им открывается Блок».

М-да, «то ли девушка, то ли видение», как поют на современной эстраде. Мы уже говорили о том, до чего довели несчастную «Музу» подобными философствованиями Блок, Белый и иже с ними. Самое смешное, что, разглагольствуя о «слиянии Вечного с временным», они из-за своих ложных философских посылок сами были неспособны допустить возможность такого слияния, потому что все у них двоилось и слиться в одно не могло.

Ключ к разгадке «Вечно-женственного» – в той же сцене, где говорится о «прообразах». Перед Фаустом предстает видение, которое Мефистофель комментирует так: «Богини высятся в обособлении от мира, и пространства, и времён... То – Матери. Их мир – незнаком, Нехожен, девственен, недосягаем, желаньям недоступен». «Прообразы» Мефистофель называет «следами существований прекращенных» и заключает:

«Так вечный смысл стремится к вечной смене
От воплощения к перевоплощению».

Фауст, обращаясь к Матерям, показывает, что он понял урок:

«...в вышине Порхают жизни реющие тени,
Всегда без жизни, и всегда в движенье.
Все, что прошло, стекается сюда
Все бывшее желает быть всегда.
Вы эти семена задатков голых
Разбрасываете по сторонам
Во все концы пространств, всем временам...»
Значение виденного Фаустом подтверждает и Гомункул:

«Кто к Матерям дерзнул забраться, тому уж нечего бояться
И трудностей на свете нет».

Миф о Матерях Гете нашел у Плутарха, а именно в жизнеописании Марцелла, где рассказывается о том, что на Сицилии есть город Энгий, небольшой, но очень древний, прославленный чудесным явлением богинь, называемых «Матери». Тамшний храм, по преданию, воздвигли критяне. О том, что Крит был центром почитания женских божеств, ранее уже говорилось.

Гете признавался Эккерману, что заимствовал у Плутарха только имя Матерей, а все остальное выдумал сам. Эккерман пишет, как он понял «выдумку» Гете:

«Если вообразить себе гигантское тело нашей планеты полым внутри настолько, что можно идти, идти сотни миль, не натолкнувшись ни на один осязаемый предмет, то это и была бы обитель неведомых богинь, к которым нисходит Фауст. Они живут в пустом пространстве... вне времени...

Так в вечном сумраке и одиночестве пребывают животворящие Матери – созидательный и охранительный принцип, от коего берет свое начало все, чему на поверхности земли дарована форма и жизнь. То, что не дышит более, возвращается к ним в качестве нематериальной природы, они хранят ее, покуда ей не приспееет время вступить в новое бытие. Их окружают все души и тела того, что некогда было и будет в грядущем, блуждая наподобие облаков в беспредельном пространстве обители Матерей...

Итак, метаморфоза земного бытия, зарождение и рост, гибель и новое возникновение – это непрерывный и неустанный труд Матерей. И если на земле всё, обновляясь, продолжает свое существование главным образом благодаря женскому началу, то становится понятно, что творящим божествам придано обличье женщин и зовутся они почетным именем Матерей».

По мнению Эккермана, Гете в этом своем «новом мифе» приближается к великой тайне природы. В этом «мифе» можно найти зародыши учений, которые станут весьма популярными в будущем. Так теорию полый земли, известную всем русским школьникам по фантастическому роману В. А. Обручева «Плутония», сегодня активно проповедует М. Серрано, и контуры учения Ницше о вечном возвращении тоже проступают у Гете уже весьма явственно. Но самое главное – вечность здесь тесно связана с женским началом, т.е. раскрывается смысл туманной формулировки «вечная женственность». Вечная женственность это источник вечной жизни. Ю. Эвола презрительно относился к тем, кто после смерти идет по «пути Матерей» (индийский, кстати, термин, встречающийся в «Упанишадах») и влачит «личиночное», бессознательное существование в ниж-

нем мире хтонических божеств, растворяясь в тотемах, которые одни лишь бессмертны. Конечно, такое состояние нельзя назвать «действительным продолжением жизни», но ведь оно временное, за ним следует новое воплощение. Эвола это знал; другое дело, что его, как мы помним и этот вариант не устраивал, но это уже, как говорится, его проблемы.

В противоположность ему Фридрих Гельдерлин, который в романе «Гиперион» воспел свою возлюбленную под именем Диотимы, восклицал: «Я был бы готов тысячелетиями путешествовать по звездам, облачаясь во все формы жизни и говорить на всех ее языках, лишь бы хоть раз снова встретиться с тобой!» Вильгельм Брахман, автор религиозно-философского исследования «Новалис, Клейст, Гельдерлин», замечает в связи с этим: «Так можно говорить только о Божестве, занимающем в арийском мире место четко очерченного, отделенного от человека и мира непреодолимой пропастью Бога». В. Брахман называет роман Гельдерлина «священным Писанием немецкого духа». Его религиозным центром является Диотима, и здесь Гельдерлин выходит за пределы церковной сферы, место которой занимают природа и человек.

Гельдерлин, как и Гете, шел к Вечно-женственному через античную мифологию. Труднее был путь Новалиса. П. С. Коган написал, что Новалис «пришел к идеализации средневекового католичества и папства» и «стал скорбеть об уменьшении папской власти и уничтожении инквизиции». Этим анализ Когана и ограничивается. В. Брахман понял Новалиса более глубоко. По его словам, любовь к Софии фон Кюн заставила Новалиса осознать, что один человек может придать жизни другого такой смысл, который можно описать только с помощью религиозных категорий. Но те религиозные категории, которые были в распоряжении Новалиса, ограничивались христианством, особенно средневековым. И для него слились в одно София и Мария. В «Гимнах к ночи» он воспел Софию-Марию как богиню, словесно оставаясь в церковных рамках, но вкладывая в них иное содержание.

Говоря о статье Новалиса «Христианство или Европа», В. Брахман выражает сожаление по поводу того, что в своей философии истории поэт исходил из таких библейских понятий, как рай, грехопадение, кара и т.п. Поскольку он ограничивался рамками семитской философии истории, это нанесло ущерб арийскому содержанию идейного наследия Новалиса. Но Брахман задает вопрос: что это за вера, которую так вдохновенно проповедует Новалис? На первый взгляд может показаться, что речь идет о католицизме. Но когда Новалис пишет, что священники римской церкви «проповедовали любовь к святой, прекрасной Даме – христианской религии», это уже, как отмечает Брахман, слова не священников, а самого Новалиса. Это религиозный апофеоз его умершей невесты, Софии фон Кюн. «Не евхаристия, не «чудеса» мнимых святых, и даже не «вочело-

вечение Бога в Христе» лежат в основе высказываний поэта, а только встреча с девочкой, которая умерла в возрасте 14 лет», – заключает В. Брахман, прочно записывая Новалиса в «еретики». Брахман ссылается при этом на книгу Гросса «Немецкий идеализм и христианство» (1927), в которой доказывалось, что Бог Библии и Бог Новалиса это два разных бога.

У Новалиса был не Бог, а Богиня. У него была своя Беатриче с символическим именем, грядущее царствие которой он и предрек в своем романе «Генрих фон Офтердинген»: «Основано царство вечности... София навеки стала жрицей сердца».

А вышел Новалис (Фридрих фон Гарденберг) из семьи, принадлежавшей к протестантской секте гернгутеров (богемских братьев). Нет, не был германский, нордический протестантизм такой отравой, которая навсегда лишала человека способности искать истину.

Расовые корни кальвинизма

В отличие от лютеранства, кальвинизм не поддается четкой расовой идентификации. Очаги этой религиозной эпидемии были территориально разобщены: тут и Южная Франция, и Швейцария, какие-то части Германии, но больше всего она поразила Шотландию и Англию.

Джон Морлей, автор одной из биографий Кромвеля, пишет интересные вещи о т.н. английской революции: «Вообще во время революции Англия была наименее революционной страной из всех трех. В ней не было ни угрюмого, грубого, неуступчивого ковенанторства северной Шотландии, ни дикой, первобытной, полубессознательной свирепости ирландцев. В сущности, не она, а две последние страны делали революцию».

Точнее, они были ее полюсами, католическая Ирландия – контрреволюционным, Шотландия – революционным. Удивительное вроде бы дело: два кельтских народа, языки которых принадлежат к одной и той же гойдельской группе, а какая разница! Шотландия остается оплотом кальвинизма в форме пресвитерианства до сих пор, а в те времена поветрие охватило всю Англию. В 1645 году английский парламент принял пресвитерианское устройство церкви. «Пламя фанатизма, столь несвойственное английскому характеру и никогда, ни прежде, ни после, до такой степени им не овладевавшее, охватило всю Англию», – пишет Дж. Морлей. – «Пуританский фанатизм ни в чем не уступал фанатизму средневековых испанских монахов или поклонников Ислама». В сентябре 1641 года пуританские общины постановили уничтожить живописные изображения

как лиц Св. Троицы, так и Божьей Матери. В результате все церкви Англии оказались обезображенными: стены – голые, старинные цветные окна – перебиты, художественные статуи – выброшены и пережжены на известку, образа – изорваны или изломаны. По мнению Дж. Морлея, такое варварство оскорбляло «английскую любовь к благообразию».

Пресвитериане с ненавистью относились к идее веротерпимости. В 1648 году парламент принял постановление, назначавшее смертную казнь за публичное исповедание атеизма, арианизма и социнианизма. Строго каралась даже принадлежность к арминианской, баптистской и квакерской сектам. Смертью наказывался всякий, отвергавший тайну Троичности или какую-нибудь книгу в Старом и Новом Завете. Но сами пуритане так далеко ушли от Нового Завета, что Дж. Морлей называет воинствующий пуританизм «только наполовину христианским».

Над вопросом, откуда в Великобритании завелась эта гниль, долгие годы бился Мигель Серрано. Результаты его изысканий содержатся в изданной в 1991 году в Чили книге «Ману» (см. переведенную на русский язык главу из этой книги «Голем», журнал «Атака» №27). В более ранней книге Серрано «Золотая цепь» была глава, которая называлась «Кем были друиды?» Серрано признает, что тогда не мог ответить на этот вопрос. Да и теперь не может ответить со всей уверенностью. Однако он пришел к выводу, что друиды не были кельтами.

К сожалению, Серрано опирался в своих исследованиях на весьма недостоверный «документ» т.н. «Хронику Ура-Линда», введенную в оборот Германом Виртом. Ю. Эвола считал эту мифическую историю фризов вульгарной мистификацией; по его мнению, эта фальшивка скомпрометировала Вирта как серьезного ученого. Т.е. это нечто вроде нашей «Влесовой книги».

Из «Хроники», переведенной Виртом, Серрано почерпнул сведения о том, что фризы завоевали Англию, а в Северной Африке встретили т.н. голенов. Это были священники из Сидона, которые попали на северные острова вместе с фризскими мореплавателями, а за ними последовали финикийцы. В Альбионе и в Галлии они внедрились в среду священников и стали теми друидами, которые, как рассказывает Цезарь, приносили в жертву людей. Они исказили чистый культ истинных древних друидов и смешались с кельтами.

Гитлер, по мнению Серрано, не напал на Англию, потому что считал ее за остаток Гипербореи, населенный белыми арийцами. И Гесс полетел в Шотландию, чтобы встретиться с герцогом Гамильтоном, валлийцем по происхождению (как и Кромвель, кстати). Но вожди нацистской Германии не знали, до какой степени проникновение голенов преобразовало этот мир.

В Англии правительство, администрация, политика, экономика, истеблишмент – все контролируется «голенизированными валлийцами», т.е. голенами. Не зря наследник английского престола именуется «принцем Уэльским».

М. Серрано связывает термин «голен» с этнонимом «галлы», с Галилеей, Уэльсом, Галлией и Галисией.

«Как для англо-саксонского мира трудно понять, по незнанию, проблему марранов в испанском мире, так и мы не вполне понимаем проблему т.н. «валлийцев», – пишет далее Серрано. – На самом деле это евреи, внешне обратившиеся в христианство, которые проникли в Ирландию и Англию вместе с фризами и финикийцами; это англо-саксонские марраны, голены, проникшие в среду кельтов и друидов и захватившие власть в Англии с воцарением династии Тюдоров. Два тысячелетия они вели войну на уничтожение против настоящих кельтов и германцев. Поэтому т.н. британский истеблишмент – это их творение и представитель».

Незнание этих фактов, по мнению Серрано, сыграло роковую роль во время Второй мировой войны. Сохранялась вера, что Англия это бастион белой расы, тогда как на самом деле это бастион великого заговора против арийцев.

Люди ученые могут считать построения Серрано плодом фантазии, но споры на эту тему возникают и среди самих ученых. Так известный лингвист Покорный отмечал такую особенность кельтских языков, как твердый порядок слов в валлийском и ирландском предложениях: сказуемое – подлежащее – дополнение. Покорный считал это результатом влияния семито-хамитского субстрата, ссылаясь на то, что в арабском языке – такой же порядок слов. От имени советских лингвистов на это весьма раздраженно отреагировала В. Ярцева: ей не понравился «неизвестно откуда взявшийся» семито-хамитский субстрат. Реакция, по меньшей мере, странная: если субстрат налицо, и не известно только откуда он взялся, то надо выяснить, откуда.

А субстрат этот выявляют не только лингвисты, но и антропологи. Ганс Ф. К. Гюнтер, например, пишет о населении полуострова Корнуэлл, что его преобладающим элементом является средиземноморская раса, но часто встречаются и черты, которые принимают за «семитские». Гюнтер брал это слово в кавычки, потому что не любил смешения лингвистических и антропологических терминов, и предполагал наличие здесь восточной примеси от финикийцев.

Но нас интересует не столько Корнуэлл, сколько расовые различия между ирландцами и шотландцами, долженствующие объяснить их религиозный антагонизм. С ирландцами в этом отношении проблем нет; по словам Гюнтера, в Ир-

ландии самая сильная средиземноморская примесь, и часто отмечают большое сходство ирландцев и испанцев. Не случайно и те, и другие – фанатичные католики.

В Шотландии картина более сложная. На севере ее население – нордическое, а население горной части Шотландии, к югу от Каледонского канала отличается сравнительно темной пигментацией, особенно темной – в графствах Инвернесс, Аргайл и в южной Шотландии, к западу от линии Глазго – Карлайл. Поскольку темная пигментация сочетается здесь с брахикефалией, Гюнтер связывает это сочетание с присутствием здесь альпийского элемента.

Некоторые современные антропологи, например, Иоганнес Ней (он же Ганс Юрген Маркварт) отрицают существование альпийской расы. По мнению названного автора, это «бессмыслица, сделанная из мешанины». Но, поскольку этот автор отрицает и существование славян, его мнение можно не принимать во внимание.

Альпийская раса разбросана по Западной Европе, но такая ее разбросанность объясняется тем, что речь идет о реликтах, может быть, древнейшей европейской расы. Норвежский антрополог Хальфдан Брюн изучил геологию Норвегии ледникового периода и пришел к выводу, что во время таяния льда долго могла существовать не покрытая льдом полоска суши вдоль западного побережья Норвегии, как в Гренландии наших дней, и если тогда в Норвегии жили люди, то они, разумеется, принадлежали к совсем иному типу, чем тот, что живет в Норвегии сегодня.

Х. Брюн пишет, что можно точно определить, где в Норвегии проходила граница ледника, и отмечает, что эта граница в точности совпадает с линией, разделяющей два разных расовых типа. Один из них, темноволосые брахикефалы, по Брюну, – ветвь альпийской расы, несомненно, жил в Южной Норвегии до того, как туда пришли люди нордического типа. Ганс Ф. К. Гюнтер тоже констатировал наличие островков альпийской расы от Бергена до Тронхейма и особенно сильную ее примесь – на юго-западном и южном побережье Норвегии, причем добавлял, что менталитет жителей этой области кажется остальным норвежцам «странным» (цит. соч. с. 93).

Столь же разбросанными, как и зоны обитания реликтовой альпийской расы, были и очаги кальвинизма в Западной Европе и, как правило, эти зоны совпадают с этими очагами. Именно в альпийской Швейцарии, в Женеве, создал свой главный идеологический центр Кальвин; во Франции его влияние распространялось больше на альпийский Юг, чем на нордический Север; в Великобритании кальвинизм пленил замешанную на альпийской крови Шотландию; в Гер-

мании он полз через ее юго-запад, где, по Гюнтеру, наиболее сильна альпийская примесь, но сопротивление нордической крови здесь было более сильным, поэтому нигде в Германии кальвинизм в чистом виде не закрепился. Был представлен альпийский элемент и в Нидерландах, где по данным Ойгена Фишера преобладает брахицефалия.

На каких языках говорили племена альпийской расы, неизвестно, – ни один из них не сохранился. Но не случайно Покорный, опираясь на лингвистический материал, сделал предположение о наличии в кельтских языках семито-хамитского субстрата. И Джон Морлей был очень близок к истине, когда сравнивал пуританский фанатизм с фанатизмом поклонников Ислама.

То, что Мигель Серрано говорил об Англии 1940 года, можно с полным правом отнести к США нашего времени. Выступая на митинге 12 октября 1998 года в Мадриде, лидер Испанской Фаланги Густаво Моралес назвал американцев «потомками вырожденков и проституток с «Мэйфлауэра», имея в виду знаменитый корабль, на котором в Америку в 1620 году прибыли т.н. «отцы-пилигримы», пуритане, эмигрировавшие из Англии, не дождавшись революции (что чуть было не случилось и с Кромвелем). Они бежали не от преследований, а, наоборот, от религиозной терпимости, от «аморальности», которая им повсюду мерещилась. В Новом Свете они надеялись построить «Новый Иерусалим» и начали, разумеется, с преследований еретиков и ведьм. Они развязали мятеж против английской короны в 1776 году, а на войну между Севером и Югом они смотрели как на «священную». Только после этой войны черты их потомков, обитателей Новой Англии («янки») стали преобладать в американском национальном характере. На первоначально религиозной основе вырос агрессивный морализм.

Французский геополитик Александр Дель Валь посвятил целую главу своей книги «Исламизм и США – союз против Европы» объективным и субъективным факторам, которые способствовали образованию этого союза, на первый взгляд кажущегося противоестественным. Один из разделов этой главы носит название «Ислам и протестантизм». Дель Валь отмечает, что «обе цивилизации, исламская и американско-пуританская, основаны на полном перечеркивании предшествовавших им многотысячелетних культур, которое оправдывается догмой, содержащейся в Книге, которая для них всё: для новоявленных рыцарей Аллаха это Коран, а для «белых англосаксов-протестантов» (WASP), которые и ныне правят американским обществом, для пуритан, квакеров, пятидесятников, свидетелей Иеговы, мормонов и других фундаменталистских сект, это Библия».

«Длительный стратегический союз редко основывается на одних лишь материальных факторах, – пишет далее Дель Валь. – Он почти всегда подкрепляется идеологическими совпадениями». Далее идет ссылка на Макса Вебера, который

отмечал черты сходства между режимами, установленными Мохаммедом в Медине и Кальвином в Женеве, между первоначальным исламом и радикальным кальвинизмом, представителями которого были «пуритане» Великобритании и будущих США, сторонники Кромвеля и непримиримые эмигранты в Массачусетсе. Все они хотели обладать такой же политической и религиозной властью, какую имел Кальвин в Женеве с 1541 года до своей смерти в 1564 году. Поэтому, считает Дель Валь, нет оснований говорить об антагонизме между исламским и американским духом, поскольку последний в значительной степени порожден кальвинизмом. Разумеется, нельзя уже заглушить голос эпикурейской и либеральной Америки, бунтующей против пуританской догматики и морали, но Америка суровых протестантов по-прежнему существует. Это т.н. «одноэтажная Америка», настроения которой выражает республиканская партия.

Дель Валь упрекает историков и геополитиков в том, что они часто забывают, что обе названные цивилизации, исламская и пуритано-протестантская утверждались в противовес Европе, что каждая из них пыталась на свой манер уничтожить самобытное наследие народов Старого континента: первая путем завоевания и колонизации, вторая – путем бегства из Европы, чтобы потом, создав новый земной Иерусалим и обрета могущество, навязать ей извне свое идеологическое и культурное иго. «В обоих случаях, во имя Книги и божественного повеления завоевать и обратить мир эти прозелиты... отправлялись на штурм Европы и всей планеты. Для них божественное Слово не воплощалось, как для католиков... а буквально выписывалось каллиграфическим почерком». Признавая право мусульман и протестантов верить в то, что они считают истинным, Дель Валь решительно отвергает их притязания на превосходство, их стремление любой ценой навязать свою истину и свое мировоззрение остальному человечеству, включая католиков и православных, которые для них «язычники» и «неверные». Так им будто бы повелевает Книга. Но Жозеф де Местр писал: «Если религия основана на Книге и если обо всех людях должно судить по этой Книге, то Бог христиан это химера, в тысячу раз более чудовищная, чем Юпитер язычников».

С этой точки зрения, правоверные мусульмане и пуритане сходятся в одной и той же, исключительно библейской концепции истории; «вне монотеизма, данного в Откровении, всё – язычество», – говорят пуритане; «всё – невежество (джахилия)» – утверждают правоверные мусульмане.

И пуритане, и исламисты обожествляют священное Писание, подменяя им самого Бога. И здесь Дель Валь опять ссылается на де Местра: «Вне Церкви Евангелие – яд». Де Местр указывал на опасность, которую представляет собой обожествление Библии. По его мнению, протестантизм, подорвав самые основы католической догмы и Церкви, которая оставалась до того в гармонии с дохристи-

анским историческим и культурным наследием Европы, внес непреодолимый раскол в европейскую самобытность и в душу Европы.

«Современный упадок европейской цивилизации является в значительной степени результатом все более усиливающегося на протяжении двух последних веков англо-саксонского протестантского влияния на Европу», – к такому выводу приходит Дель Валь. – «Протестантская революция внесла раскол между европейцами, разрушив религиозное единство западной части Старого континента. Он... лишил западное христианство жизненных сил, требуя невозможного возврата к изначальному, иудео-христианскому духу. То, в чем заключалась тайна успеха христианства в Европе, а именно, синтез эллинско-христианского и римского начал, освященный на Никейско-Константинопольском соборе, он разрушил во имя морализма и библейского пуризма, предка современного пуританизма».

Для кальвинистов и других приверженцев радикальных протестантских церквей европейская цивилизация – и цивилизация вообще – начинается с Авраама и со скрижалей моисеева Завета. Эта сверхмонотеистическая и монистическая концепция истории основана на библейском Откровении.

Сейчас очень модна теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Но подлинная картина современного мира гораздо более сложна по своей глубинной сути, чем то весьма поверхностное описание, которое мы находим у этого еврейского автора. И сталкиваются, пока лишь в чисто духовном, а не политическом плане, совсем иные цивилизации, нежели те, что описаны у Хантингтона. Противостоят друг другу, с одной стороны, «библейская» цивилизация, а с другой – та, что интегрировала в себе как христианские, так и языческие черты.

И. Бло, А. Дель Валь и другие авторы считают такую интеграцию отличительной и положительной чертой католицизма. Но протестанты и мусульмане, как мы видели, зачисляют в «язычники» и католиков, и православных. Владимир Соловьев, которого обвиняли в симпатиях к католицизму, мыслил, однако, совсем по-протестантски, когда называл «языческим», вкладывая в это слово отнюдь не положительный смысл, всё «византийско-московское» Православие.

Одной из «языческих» черт, объединяющих между собой Католицизм и Православие, является культ Святой Девы Марии, совершенно не христианский в библейском понимании этого слова, что свидетельствует о расовом родстве между русским народом и романскими народами, у которых этот культ особенно развит, а именно народами средиземноморской расы.

Не надо думать, что средиземноморская раса – «это, которая на Средиземном море». Названия европейских рас весьма условны. А в статье «Расовый и микроэволюционный аспекты краниологии древнего населения Северо-восточной Европы» Ю. Д. Беневоленская на основании анализа материалов Оленеостровского могильника на Онежском озере выявляет две расовых тенденции: наличие протоевропейского типа и комбинации черт, близкой к средиземноморскому типу, в варианте, который прослеживается также в материалах из могильников Васильевка I и III на Украине, причем оба этих типа были широко распространены на этой территории еще в мезолите, т.е. тогда, когда не было ни славян, ни германцев, ни индоевропейцев вообще...

Ганс Ф. К. Гюнтер ошибочно считал, что нордическая и средиземноморская раса происходят от одной палеолитической группы. Два вышеупомянутых типа существовали уже в палеолите, постоянно контактируя друг с другом на одних и тех же территориях. Тот тип, который у Беневоленской назван «протоевропейским», послужил основой для развития нордической расы, а тот, что «близок к средиземноморскому» тоже не исчез бесследно. Тот же Гюнтер, описывая состав населения России, выделял особый тип, который он называл «рязанским», поскольку этот тип был представлен, главным образом, в Рязанской, Тамбовской и Пензенской областях. Гюнтер предполагал наличие здесь средиземноморской примеси. Тип этот встречается не только среди русских, но и среди угро-финских народов (карелов, мордвы, марийцев, ханты и манси), однако он древней и славян, и финнов, так что считать, будто он занесен к нам финнами, ни в коем случае нельзя.

На сходной расовой основе развиваются и сходные особенности психического склада, то, что сегодня модно называть «менталитетом». Именно расовые разломы определяют возникновение различных цивилизаций. И мы можем констатировать, что кроме вышеупомянутой библейской (или библейско-коранической) цивилизации, которая уже выступает единым фронтом, существует еще одна, которую условно можно назвать цивилизацией Мадонны или Богородичной цивилизацией. Это название объединяет в себе католический и православный миры, которые еще не осознали своего глубинного единства из-за вражды, долго разделявшей их в более поздние эпохи. Сегодня линия раздела смещается и проходит уже не между Россией и Европой, а через Европу.

Пик вражды приходится на XVI – XVII века, когда национально-религиозное единство России осознавалось, по определению С. М. Соловьева, в противостоянии двум главным врагам: полякам-католикам и туркам-мусульманам. Но к концу XVIII века ситуация резко изменилась: наступила эпоха того, что генеральный секретарь международной ассоциации Европейская Синергия Роберт Стойкерс называет «европейской симфонией»: православная Россия и католи-

ческая Австрия выступают единым фронтом против Турции, а католическую Польшу, возмутительницу спокойствия в Восточной Европе, мирно поделили между собой православная Россия, католическая Австрия и лютеранская Пруссия.

Симфония эта была нарушена не столько французской революцией и наполеоновскими войнами, сколько Крымской войной. «Европа» поддержала Турцию против России. Самую гнусную роль в этом деле сыграла Англия, но антиевропейские чувства в России почему-то приняли резко антикатолическую направленность.

Особенно усердствовал в этом Достоевский, который и сам, и устами героев своих романов неустанно доказывал, что католицизм это «не христианская» вера, что Рим поддался на третье искушение Дьявола и т.п. Достоевский шел в данном случае по дорожке, проторенной Хомяковым, а тот, как известно, понося католицизм, льстил себя безумной надеждой обратить в православие англичан...

Когда страсти, возбужденные Крымской войной, поутихли, стали раздаваться более трезвые голоса. К. Леонтьев открыто провозгласил «твердый католицизм очень полезным не только для всей Европы, но и для России». «Нравится нам католицизм или нет, но не признавать его истинно великой религией было бы большой и тенденциозной натяжкой», – писал он. Будучи идейным антиподом В. Соловьева, человека «непонятных кровей» и потому начисто лишенного национального сознания, К. Леонтьев тем не менее отдавал ему должное: «Учение В. Соловьева, впервые в России осмелившегося хвалить Рим, есть прекрасный противовес морально-протестантским симпатиям славянофилов».

Интересны в этом плане и признания М.О. Меншикова: «Чем более я знакомился с причинами раскола в христианстве, тем ничтожнее они мне казались. Еще до разделения церквей папа римский признавался первым среди патриархов, и я считал огромным несчастьем для Востока, что греки подняли бунт против этого первенства. Напротив, в интересах Вселенской Церкви следовало укреплять это первенство и доводить его до главенства, до наместничества Христа на земле. Основную мысль папства я считаю до сих пор глубоко верной, только, к сожалению, плохо осуществленной.... Существой в XIII веке одно неделимое христианство, может быть, Россия отстояла бы себя от монгольского ига и, может быть, через два столетия Византия не была бы взята турками».

Но в истории, как известно, нет сослагательного наклонения. Христианство раскололось, потому что оно не могло не расколоться, и зря М. О. Меншиков возлагал надежды на церковные соборы, которые, по его мнению, могли бы вновь

объединить христианство. Преодоление противоречий на христианском уровне невозможно, оно возможно только на сверх-христианском уровне. Речь идет именно об этом, а вовсе не о каких-то «униях» или «экуменизмах».

Подозрительная София

И поднялся на этот уровень, как ни странно, Владимир Соловьев. О его антинациональных взглядах и смешанном происхождении уже говорилось, но даже в не подлежащей очищению смеси можно иногда найти крупинцы золота. У В. Соловьева такими крупинцами были его поэтические прозрения.

А. Блок писал: «Есть Вл. Соловьев и его стихи – единственное в своем роде откровение, а есть «Собр. сочин. В. С. Соловьева» – скука и проза». Андрей Белый в данном случае с ним соглашался: «А.А. Блок по времени первый из русских приподнял задания лирики Вл. Соловьева, осознавая огромности ее философского смысла... пусть впоследствии говорили: здесь – крах чаяний Вл. Соловьева и болезненно эротический корень их (таковы были мнения религиозных философов С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, Г. А. Рачинского и других)».

И действительно: поэзия В. Соловьева это ускользавший далеко вперед авангард, а его философия – это обоз, который еле тащится где-то позади, сгибаясь под тяжеленным грузом христианской догматики.

У побережья Кипра, там, где некогда родилась Афродита и где в ее честь совершались богослужения в Амафунте, воспетые в знаменитом стихотворении Шиллера «Боги Греции», В. Соловьева посетило видение, которое подсказали ему пророческие строки:

Знай же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Ныне Амафунт (соврем. Фамагуста) находится в той части Кипра, которая оккупирована турками. Некогда христиане устраивали крестовые походы для освобождения Гроба Господня. А кто теперь освободит от мусульман священные центры на Кипре?

«Новая богиня» В. Соловьева на самом деле, конечно, никакая не «новая»: речь идет лишь о новом проявлении вечного начала. В. Соловьеву было всего девять лет, когда это начало впервые открылось ему во время богослужения в

церкви в праздник Вознесения, о чем он рассказал в своей поэме «Три свидания». А. Ф. Лосев находит в этих стихах «намек на душу мира, вечную женственность, Премудрость Божию, космическую Софию». Второе свидание произошло в Британском музее в 1875 году, когда некий голос велел ему отправиться в Египет. Почему именно в Египет, понятно, если вспомнить, что Деву Марию называют «христианской заместительницей Исиды» (С. А. Токарев). И там же в Египте произошло в 1968 году в Зейтуне явление Богоматери. В описании третьего свидания В. Соловьева, по Лосеву, содержится «уже вполне отчетливое космическое представление о Софии, обнимающей собою весь мир с первого момента его появления».

Но в философии В. Соловьева отчетливого представления о Софии и «монаде» А. Ф. Лосев не находит. У Соловьева получается, что «чистая идея тоже содержит в себе какую-то чистую материю и в совокупности с этой материей является Софией. Но что это за материя в чистой идее, об этом можно только догадываться», – иронически добавляет Лосев. Неясным остается для него также отличие Духа Святого от Софии и от Христа в толковании Соловьева. Соловьевскую концепцию Софии Лосев считает противоречивой, поскольку София у Соловьева, с одной стороны, является «телом Божиим», неразрывно связанным с самим Богом, а с другой стороны, утверждается, что «тело Христово» есть София, и получается, что и София есть не просто божество, но включает в себя и тварный момент, подобно самому Христу. Утверждается также, что Христос как цельный божественный организм есть и Логос, и София.

«София, по Вл. Соловьеву, вообще говоря, как раз и есть материализация идеального», – продолжает Лосев. – «Сущность софийного идеализма Вл. Соловьева заключается в учении, которое проповедует не абстрактно-гипостазированную идею, но духовно и материально насыщенную идею, заостренную в виде страстно ощущаемой заданности». «София – это та сторона глубин действительности, которая, оставаясь идеальным бытием, максимально стремится к реальному и материальному. Когда Вл. Соловьев учит о Софии, то она становится идеальным первообразом многообразия и полноты материального мира, которые хотя пока и не являются чувственными, но уже и не просто идеальны в абстрактном смысле слова. Эта картина всей бесконечной действительности, которая сама еще не стала чувственной и исторической действительностью, но уже является ее прообразом; или, как мы сказали, ее заданностью, замыслом, законом и методом ее бесконечных осуществлений». Трактовку Софии у В. Соловьева Лосев считал «сниженной».

Если перевести все сказанное с философской фени на нормальный человеческий язык, мы поймем, что В. Соловьев в своем учении о Софии, вопреки собственным монотеистическим установкам, пришел к тем же выводам, какие сего-

дня пропагандирует Пьер Шассар: разнообразие заложено в самой основе мироздания. «Нигде, кроме как в нестойких порождениях воспаленного воображения или фантазирующей мысли, мы не найдем ни Единства, ни Одного, ни Целого. Всегда и везде, на земле и на небе, есть только многообразие и разнообразие. В начале или в безначалии того, на чем всё основано, уже неизбежно было многообразие и разнообразие».

Однако суть этой Потенции разнообразия вовсе не та, какой полагали ее В. Соловьев и иже с ним. «София» означает «мудрость», а, как уже говорилось, нет никакого мирового разумного начала, ни мужского, ни женского пола. Разнообразие включает в себя и всяческое безобразие. Согласно одной из гностических теорий, София родила злое и уродливое существо Ялдабаота, которое и есть библейский Ягве. Понятно, что разумное, тем более божественно-разумное начало ничего породить не могло.

Православные фанатики нутром чувствовали, что «соловьевство» есть ересь, равно как и софийное учение вообще, потому что оно «ниспровергает все христианство». Софианство было для христиан мучительной проблемой по той причине, что они никак не могли определить отношение женской ипостаси Божества к своей однополой или, если употреблять иностранный термин, гомосексуальной Троице.

Собственно говоря, Троица изначально такой не была, потому что Святой Дух («руах») в семитском оригинале – женского рода. Когда он (или она) является «в виде голубине», непонятно, идет ли речь о голубе или голубке. Мигель Серрано уточняет: голубка, «ла Палома», как называлась популярная у нас в 50-х годах кубинская песня. Эта голубка пролетает вдоль всей его «Золотой цепи»: «Катарским символом была голубка, Параклет, Святой Дух, катарская Церковь или община, «Глейса», как они ее называли. Голубка была также эмблемой тамплиеров. И именно голубка приносит священное семя арийской Хаомы и кладет его на камень на манихейском празднике весеннего равноденствия Навроз».

«Эру Рыб, эру Короля-Рыбака (из легенды о Граале – А. И.), сменяет Эра Водолея, Святого Духа, Параклета, Голубки, которая женского рода, – это Утренняя Звезда, несотворенный свет, Венера-Люцифер». «Не будем забывать, что катарская земля управлялась женским началом Параклета, Голубки Любви, катарской Глейсы, т.е. Шакти». «Для гностиков Святой Дух – женского рода, это Голубка, София, творением или эманацией которой является Вселенная. Голубка – катарский символ, а София – их Глейса Любви».

Понятно, почему А. Ф. Лосева так беспокоило, что у В. Соловьева остается неясным отличие Святого Духа от Софии. В. Соловьев не решился прямо их отождествить, как это делает М. Сerrано, не решился вернуть Святому Духу его первоначальную природу, но двигался в этом направлении. Он следовал по этому пути за немецким мистиком Якобом Бёме (1575 – 1624), которого друзья называли «тевтонским философом», а враги – «сапожником-антихристом». Архиепископ Серафим обличал Якоба Бёме за то, что у него София – «вечно-женственное начало», существующее в недрах Святой Троицы, которая превращается в результате в «четверицу», а С.М. Соловьев-младший, племянник В. Соловьева, высказал предположение, что если бы В. Соловьев проповедовал в XVII веке, он сгорел бы на том же костре, на котором погиб Квирин Кульман за те же идеи Бёме.

Андрей Белый, когда он еще не был знаком с Блоком, захотел узнать, как тот относится к Софии. Блок ответил пространным письмом, где утверждал, что София открывается индивидуумам; коллективному сознанию она не доступна. Она может раскрыться как душа человечества, но ее откровения могут гласить и народам; тогда выявляет душою народ себя, и русскому она, например, – существо всей России. Поэты воспринимают ее как Музу: и Фет обращается к ней, и Болдер ее знает. Более всех в ее тайну проник Гете в «Фаусте», и не сказал о ней глубже никто. В этом смысле она открывалась Данте. В свете ее дуновения догматы христианства теряют свой прежний, замкнутый смысл. Блок видел задачу в том, чтобы раскрыть ее отношения к символизациям – София, Мария – и вскрыть «естественную соотносительность символов».

А. Белый понял из этого письма, что Блок ставит Софию выше Христа и своим неприятием космического Христа вкладывает логическое начало мира в Софию. Зная дальнейшую эволюцию Блока, А. Белый указывает, что индивидуальному сознанию Блока София перестала видаться уже с 1906 года («Ты в поля отошла без возврата...»), но зато выступила как Россия, Душа Народа, так что Блок ошибался в процитированном письме, говоря, будто ее откровения нельзя передать толпам.

Блок ошибался, поминая какую-то «душу человечества». Поскольку человечество – это фикция, не может быть у него и какой-то души. Блок был тогда еще совсем молодым (письмо датировано 1903 годом), еще слишком сильно было влияние В. Соловьева, который отождествлял культ человечества... с культом Мадонны! Куда бы послали его те же мусульмане и кальвинисты с его Мадонной! Но в понимании Софии как души народа Блок уже далеко ушел от совершенно оторванного от родной почвы В. Соловьева. Душа народа – это национальный психический склад, это способность народа к выработке или восприятию тех или иных религий и идеологий. Зависит эта способность от расового

типа или типов. И черты сходства в религиозности разных народов, принадлежащих к «цивилизации Мадонны», позволяют говорить и о сродстве их душ на базе расового родства.

Итак, Блок ставил Софию выше Христа, В. Соловьев отождествлял ее с Христом: получается так, что в Святой Троице под двумя лицами скрывается София: она же Святой Дух, она же и Христос. Ерунда, вроде бы, получается.

Но она получается и без вмешательства софианцев, потому что католики и православные никак не могут разобраться с отношениями внутри Троицы.

Вступая в спор о знаменитом «filioque», А. Ф. Лосев подает проблему в таком виде: «Католичество... берет то из Лиц Божества, которое отличается наибольшей «конкретностью» и «реальностью», «творчеством» и благодатью, т.е. Духа Святого, и подчиняет его первым двум». «Католичество... со своим внесением субординации в природу Божества, формализованием и опустошением первых двух Лиц Божества и нарочитым гипостазированием (и в то же время принижением) третьего Лица получает явно уродливый характер и носит все признаки ереси». «Путь, который фактически использован католичеством, это путь трактования первой и второй ипостасей как равных и третьей как подчиненной им».

Странно, что А. Ф. Лосев обвиняет католицизм во внесении субординации, как будто ее раньше не было. Если «Сын рождается от Отца и Дух Святой исходит от Отца», разве это уже не субординация? Католицизму можно поставить в вину, скорее нарушение субординации, переворачивание треугольника таким образом, что вверху оказываются два его угла, а не один, т.е. получается крайне неустойчивая фигура и в итоге опрокидывается вся конструкция. Лосев так и пишет: «Учение об исхождении третьей ипостаси от второй ведет к уничтожению первой ипостаси, а вместе с этим к полной немыслимости ни второй, ни, следовательно, третьей ипостаси и тем более к полной немыслимости самого исхождения вообще».

Позволительно спросить: почему принижение третьего Лица влечет за собой уничтожение первого? Если бы первое исходило от третьего, тогда понятно, но ведь третье исходит от первого, оно и так принижено. И почему тогда вторая и третья ипостаси становятся «немыслимыми»? Мыслить надо – и все будет мыслимым.

Вся эта путаница, вся эта заумь исчезают, яко дым от лица огня, если осознать, что одно из Лиц – женское. Только после этого можно поднимать вопрос о «субординации».

С принципом «filioque» А.Ф. Лосев связывает и догмат о непорочном зачатии Девы Марии, провозглашенный папой Пием IX в 1854 году. Лосев видел в этом некую «дурную бесконечность», Герцен – еще одно проклятие, наложенное на плоть, но оба они ошибались. Дева Мария была тем самым возвышена до уровня Христа.

Архиепископ Серафим, полемизируя с Булгаковым, отметил, что обвинение в уклоне в сторону римского догмата о непорочном зачатии Девы Марии тот отверг, объявив это учение нелепым, однако Серафиму не понравилось, что у Булгакова «Божья Матерь становится как бы рядом со своим Сыном в деле искупления человеческого рода». В подтверждение своей правоты архиепископ сослался на слова Св. Епифания Кипрского: «Одинаковый вред в обеих этих ересьях: и когда унижают Святую Деву и когда, напротив, прославляют Ее сверх должного».

Этого святого за его попытку установить планку, выше которой почитание Девы Марии, по его мнению, не должно подниматься, следовало бы деканонизировать.

«Исхождение», вопреки Лосеву, при нынешнем состоянии Троицы немыслимо вне зависимости от «filioque». Это только семиты могли додуматься до создания женщины «из ребра Адамова», это только у них Авраам мог родить Исаака самостоятельно, без какого бы то ни было участия женщины, как шумерские боги. Так и в Троице: Сын рождается не от Отца, а от Матери, от «Святого Духа», как сказано в Евангелии. И догмат о непорочном зачатии можно было бы действительно распространить до бесконечности, но не до той, что представлялась Лосеву «дурной», а до реальной, до непорочного зачатия всеобщей Матерью не только Бога, но и всего мироздания, как у Гесиода.

Ту борьбу за повышение ранга Девы Марии в небесной иерархии, которую вели сто лет назад русские мыслители, сегодня продолжает во Франции Жан Парвулеско. В своих ответах на анкету журнала «Элеман» (№ 95, 1999г.) «С Богом или без Бога?» он признается, что не может воспринимать Бога иначе, «кроме как в брачном союзе и в постоянном присутствии Марии, в зеркале Непорочного Сердца, в которое он не перестает смотреться, излучая свет и будучи облучаем светом».

Ж. Парвулеско считает конечной целью Божественного Провидения «метаисторическое установление Regnum Sanctum, Imperium Ultimum, современная историческая форма которого раскрывается как революционный проект Евроазиатской Империи последних времен», а активистов этого дела – тайными агентами Божественного Провидения. Суть Церкви он видит «в бесконечном любовном

обновлении, в котором брачный союз Бога и Марии или живой огонь Incendium Amoris тайно питает Храм Милосердия, храм любовного союза, окружая его, как огромный огненный вихрь. Всякое любовное обновление и само место этого обновления, его изначальный имперский источник – во взаимном брачном лицезрении Бога и Марии, окруженных пылающим вихрем милосердия, возникающим из этого любовного обновления как чистая песнь».

Однако, Ж. Парвулеско осознает, что «не может быть великого имперского обновления истории, которое не повлекло бы за собой также глубокого обновления религии. Равным образом, всякое великое обновление религии требует, чтобы на уровне истории ему соответствовало имперское обновление».

Ж. Парвулеско задает вопрос: «Каким должно быть внутреннее обновление религии, чтобы оно привело к имперскому обновлению истории мира?... Какое внутреннее изменение религии приведет к тому, что проект... Евроазиатской Империи последних времен станет всецело посюсторонней историко-политической реальностью?»

Ж.. Парвулеско связывает свои надежды с возникновением в лоне римской католической религии «нового теологического и догматического определения роли Марии, что должно привести к потрясению основ, к быстрому процессу обновления, призванного изменить лицо истории в ее конце и установить Империю, которая должна воплотить это обновление в конкретных историко-политических формах. Это глубинное обновление римской католической религии было подготовлено рядом явлений Марии еще с прошлого века: Ла Салетт, Лурд, Фатима, Междугорье. Благодаря великому папе Пию XII римская догматика получила необходимый теологический аппарат. Кульминацией было провозглашение догмы об Успении Марии, что можно считать первым шагом к провозглашению будущей догмы о Брачной и Космической Коронации Марии. Для теологии настало время объявить Марию не только матерью Христа, но и Вечной Супругой Бога и в этом качестве, как Коронованная Владычица неба и земли, она должна получить онтологический статус несотворенной: благодаря Непорочному Зачатию божественность Марии должна стать равной божественности самого Бога».

«Героическое и революционное успение Марии, – по мнению Парвулеско, – станет трансцендентальным прообразом, парадигмой восхождения будущего божественного сверхчеловека к его тайно predetermined конечному онтологическому статусу. Эти изменения в эволюции рода человеческого, которые называют метаисторическим пришествием Regnum Sanctum, найдут свое оправдание в глубинном обновлении будущей имперской религии Regnum Sanctum, обретут свою божественную меру и свой сверхчеловеческий образец в факте

успения Марии и ее последующего высшего Владычества в качестве *Sponsa Dei*, Супруги Бога, который говорит о ней также «*Una est Columba Mea*» (обратим внимание, что здесь опять звучит слово «Голубка» – А.И.) и «*Una est Magnissima Dea Mea*».

«Тайна, которая будет раскрыта в догме о Брачной и Космической Коронации Марии, – заключает Ж. Парвулеско, – откроется в конце также как тайна создания в будущем сверхчеловеческой Империи трансцендентальными бойцами *Regnum Sanctum*, революционными активистами, вовлеченными сейчас в великие авангардные битвы за создание нашей Евроазиатской империи последних времен».

Евроазиатская империя?

В этом тексте Парвулеско может сразу же насторожить термин «евразийство», однако более близкое ознакомление со взглядами французского мыслителя показывает, что он вкладывает в этот термин совсем иное содержание, чем наши «евразийцы», проповедывающие противоестественный симбиоз Православия с Исламом. В приложении к бельгийскому журналу «Вулуар» № 6 (январь – март 1996г.) опубликована большая статья Парвулеско, посвященная Индии. В этой статье поясняется, из каких именно частей состоит его Евроазиатская Империя последних времен. Этих частей четыре (Парвулеско называет их «четырьмя опорами свода»): франко-германская Большая Европа (т.н. каролингский полюс), Россия, страна евроазиатская только в географическом и ни в каком ином смысле, Индия и Япония. Супротив Индии, я думаю, никто возражать не будет. Хотелось бы только довести до всеобщего сведения, что Индия была в расовом отношении «европейской» страной еще до прихода туда арийцев, в период цивилизации Мохенджо Даро и Хараппы.

Исследователь этой цивилизации Э. Маккей называл в числе ее создателей четыре антропологических типа: протоавстралоидный, средиземноморский, монголоидный и альпийский, но два последних типа были представлены в находках каждый всего лишь одним черепом. «Все черепа, как протоавстралоидного, так и средиземноморского типа – долихоцефальные и обнаруживают сходство с черепами, найденными Вулли в Эль-Обейде, автором – в Кише, а также в Анау, Нале и других местах».

М.Ф. Альбедиль в более поздней работе подтверждает: «Можно считать установленным, что жители протоиндийских городов относились к средиземноморской расе» и говорили на языке, близком к дравидским. Ну а где средиземноморская раса, там, естественно, и культ Великой Богини-Матери, и в долине

Инда в изобилии находят женские фигурки, тогда как фигурки богов мужского пола встречаются весьма редко. И Богиня-Мать дравидской Южной Индии, как правило, не имеет мужа, подобно греческой Гее у Гесиода. В деревнях этой области богини лишь позже стали получать мужей из ортодоксального индуистского пантеона.

Наследием этой доарийской и, тем не менее, европейской цивилизацией является и культ бога Шивы, распространенный, главным образом, на дравидском юге Индии. В паре с Шивой выступает женское божество, Шакти, универсальное женское начало (без которого, как говорит М. Серрано, Шива ни на что не способен), и т.н. тантры – это эзотерические беседы Шивы и Шакти.

Индийский термин «Шакти» более удачен, чем привычная нам София. Шакти это сила, энергия, но отнюдь не «мудрость».

Но если с Индией все в порядке, то появление Японии в качестве четвертого столпа Империи Парвулеско может вызвать некоторое недоумение. М. Серрано вообще считает ошибкой Гитлера союз с Японией: японцы вообще «с другой планеты», поэтому они и не напали на Россию. То, что не напали, это хорошо, но какие расовые компоненты могут роднить нас с японцами?

Прежде всего, примесь айнской крови. Айны слыли в японских преданиях воинственными варварами, свирепыми разбойниками. Они оказали японцам сильное сопротивление. Последние оценили их боевые качества, поэтому, по свидетельству Д. Н. Анучина, правительство микадо поощряло браки японцев-победителей с покоренными айнами, особенно с могущественными родами, которые вошли в японскую феодальную верхушку в качестве князей. От этих браков вели свое происхождение многие японские фамилии. Так что знаменитые самураи это в значительной степени айны по своим истокам. «Народ этот... храбрый на войне, и японцы его очень боятся», – доносил аж в 1565г. иезуит Л. Фроэс. Сами айны смотрели на японцев с презрением, поскольку у них был воинский культ мечей, то для японцев характерна жажда денег.

Айны резко отличаются от окружающих их народов своими пышными усами, густой бородой, волнистыми смоляными волосами и большими глазами прямого, совсем не азиатского разреза. Куда приткнуть их в расовых и лингвистических классификациях, ученые гадают до сих пор. Такие авторитеты как Э. Бельц, Ж.. Монтандон и Э. Фон Эйкштедт четко относили их к европеоидной расе. Советские ученые с этим смириться никак не могли, и все пытались связать айнов с полинезийцами, но, как выяснилось, айны с полинезийцами схожи очень мало, а по группам крови такого сходства вообще не обнаруживается.

Имеет смысл вернуться к осмеянной и забытой гипотезе А. Вивьена де Сен-Мартена, предполагавшего, что на Тихом океане существовала некогда отдельная белая раса, которую он называл «океанической» и считал ее осколками да-яков на Борнео, тагалов и бисайя на Филиппинах (единственной католической стране в Азии) и айнов.

Эта гипотеза подтверждается и лингвистическими данными. В книге Ч. М. Таксами и В. Д. Косарева «Кто вы, айны?» на стр. 245 – 247 приведена таблица, содержащая 34 элемента из айнского словарного запаса, которые свойственны и языкам индоевропейской семьи. Профессор Токийского университета Б. Чемберлен не смог подтвердить гипотезу принадлежности айнского языка к «арийским», но не смог ее и опровергнуть.

Советские лингвисты тянули в ту же сторону, что и антропологи: пытались связать айнский язык с австронезийской (малайско-полинезийской) языковой семьей. Но вот незадача: живущий в Париже русский эмигрант В. Рудинский на основании глубокого изучения языков этой семьи пришел к сенсационному выводу: она является всего лишь ветвью индоевропейской семьи! Жаль, что имя В. Рудинского известно только читателям специальной лингвистической литературы и выходящей в Аргентине русской газеты «Наша страна».

Русский исследователь П. Я. Штернберг писал об айнах как о единственной народности Дальнего Востока, у которой сохранился материнский род. Этого достаточно, чтобы отвратить от айнов презрительный взгляд Ю. Эвола, но достаточно и для того, чтобы счесть айнов и японцев с айнской кровью одним из расовых компонентов «цивилизации Мадонны». Не случайно, напомним, верховное божество синтоизма – богиня солнца Аматерасу.

Главную угрозу Ж. Парвулеско, как и А. Дель Валь, видит в транснациональном исламском фундаментализме, ведущем подрывную деятельность на пространстве от Северной Африки до Филиппин, – Ж. Парвулеско называет его «революционной, ночной, античеловеческой силой». Парвулеску, как и Дель Валь, разоблачает лживую игру США, которые делают вид, будто борются против исламского фундаментализма, а на самом деле действуют в союзе с ним, стремясь предотвратить возникновение «Евроазиатской Империи». Другим союзником США в этой борьбе Парвулеско считает Китай.

Второй вопрос, который хочется задать Парвулеско, это вопрос о том, насколько совместима идея Империи с католицизмом. Даже в католической Европе императоры соперничали с папами, и Ю. Эвола, как мы помним, утверждал, что Империя соответствует более высокому принципу, чем тот, который представ-

ляла сама римская церковь. Что уж говорить об Империи, включающей в себя страны разных конфессий.

О том, на чем может основываться реальное влияние Ватикана, писал Марко Полити в очень интересной статье «Цель императора и легионы папы», напечатанной в итальянской газете «Ла Репубблика» 18 апреля 1999 года в разгар агрессии НАТО против Югославии. Папа обратился тогда к Клинтону с призывом прекратить бомбардировки, но не удостоился ответа. Бомбардировки продолжались.

М. Полити тоже вспомнил в этой связи о прошлых конфликтах между императорами и папами. Позиция Иоанна Павла II может показаться чисто «моральной», но это не так, – пишет он. Ватикан сознательно выбрал геополитическую позицию, противоположную позиции США. Канули в прошлое времена, когда Рейган и Войтыла выступали единым фронтом против Москвы. После падения СССР Ватикан Америке больше не нужен, в Белом доме, похоже, руководствуются той же логикой, что и Сталин, который когда-то издевательски спрашивал, сколько у папы дивизий.

В период косовского кризиса Иоанн Павел II систематически выступал с предложениями, шедшими вразрез с линией Вашингтона и НАТО. И дело, как считает М. Полити, вовсе не в «пацифизме» папы, а в его убеждении, что ультиматумы, бомбы и демонизация не помогут решить косовскую проблему. Он не верит в риторику, не верит в то, что оправдано сравнение Милошевича с Гитлером и, прежде всего, не верит, что НАТО имеет законное право наводить порядок в Европе. Это, подчеркивает М. Полити, сугубо политическая позиция. Ее корни уходят в отрицательное отношение папы к стремлению Америки навязать всей планете свои ценности, к ее отказу от разговора с другими на равных, к ее притязаниям на мировое господство.

Ватикан всегда подозрительно относился к идее вселенской Империи. Со Средних веков и до наших дней, каждый раз, когда происходило опасное сосредоточение силы в одних руках, Ватикан старался опереться на какую-то другую силу: против лангобардов он призвал франков, против германских императоров – норманнов, против шведов – Анжуйский дом. Поступая так, папы не позволили превратить себя в простых капелланов при императорском дворе. В геополитике они предпочитают систему сдержек и противовесов (которую так любил наш экс-президент Ельцин). И сегодня, заключает М. Полити, Ватикан стремится к сохранению геополитического равновесия в Восточной Европе, и возражает против того, чтобы Россию загоняли все дальше в угол.

«Евроазиатская Империя» Парвулеско как раз могла бы стать искомым противовесом амбициям Соединенных Штатов и в этом качестве могла бы рассчитывать на благосклонную поддержку Ватикана.

В свете этой ситуации особый вред наносит возвращение некоторых российских публицистов к антикатолической риторике XIX века. Особенно отличился в этом плане А. Дугин, перл творчества которого – статья «Мы – церковь последних времен», напечатанная в газете «Завтра»(1998г. №1). С пафосом провинциального трагика он призывает рассматривать раскол церквей в XI веке не как разделение единого организма, а как «отпадение от единого организма порченной части», как «отступничество» (апостасию) Запада от «истинной Веры» и «истинного христианского Православия», от «подлинного христианства». Рим лишь «внешне остается христианским», на самом же деле «все связанное с «латинством» носит «зловещий оттенок и явную печать Антихриста», который и стоит собственнически за отпадением «латинства» от Православия и уже тысячу лет «верховодит» на Западе.

Какой откат назад по сравнению с К. Леонтьевым и М. О. Меньшиковым! Впрочем, сегодня подобные явления неудивительны: после того, как в 1999 году против Югославии выступили единым фронтом США, Европа и мусульманский мир, очень велик соблазн поддаться антизападным и антиевропейским настроениям и несколько переделать название книги А. Дель Валя «Исламизм, США и Европа: союз против православного славянства». Но соблазнам нужно не поддаваться, а преодолевать их. Во-первых, «православное славянство» отнюдь не едино, как показывают примеры Болгарии и Македонии, Украины и Черногории, да и сами сербы оказались не так уж «крепки в вере», о чем свидетельствует пронатовский переворот, произведенный в Белграде. Во-вторых, не едина и Европа. В ней есть элементы, которые, выражаясь языком генетики, находятся сегодня в рецессивном состоянии, но могут со временем стать доминантными, надо только их стимулировать, а не отталкивать. Внешним проявлением этих латентных, положительных тенденций была, в частности, позиция, занятая Ватиканом в период югославского кризиса. Исходя из этой позиции и следует давать оценку присланному в Москву г-ном Парвулеско «Имперскому католическому манифесту».

Комментируя этот документ в журнале «Атеней» №1 его главный редактор П. Тулаев пишет: «Россия никогда не примет ни духовное главенство Франции, ни политическую гегемонию Германии, тем более в духе Каролингского союза, освященного римско-католической Церковью. Исторический, духовный, интеллектуальный и практический опыт показывает, что Запад Европы всегда рассматривал Россию лишь как инструмент для защиты собственных интересов. Были известные попытки подчинить русское государство Западу... заменить

православие – католицизмом, но всегда они кончались крахом». П. Тулаев предполагает у авторов «Манифеста» наличие тайных замыслов в отношении России там, где, несмотря на всю мистику и все фантазии имеет место лишь определенная узость духовного кругозора.

Документ этот, во-первых, коллективный, а во-вторых, многоплановый. Он написан европейскими католиками, которые ставят своей целью построение имперской Европы на базе католической религии. Они призывают не путать эту Европу с нынешней светской европейской конструкцией, которая представляет собой не что иное, как троянского коня уравнилельского мондиализма. Они отвергают американский империализм как «систему Смерти». Европа, по их мнению, должна быть католической и европейской, а американская протестантская модель должна быть отброшена.

Возражения есть? Возражений нет. Их у нас и не будет, пока речь идет о Европе в пределах нынешнего Европейского Сообщества. Возражения могут возникнуть у тамошних протестантов, но если католики будут занимать антиамериканскую позицию, а протестанты – проамериканскую, то самая естественная линия поведения для нас – быть на стороне католиков.

Однако, ситуация сразу меняется, как только дело доходит до России. Авторы «Манифеста» считают, что Россия должна стать неотъемлемой частью Европы, и в этом мы с ними согласны. Но частью «Католической Имперской Великой Европы» Россия не может быть и не будет.

О Православии в документе говорится далее, что оно будет «глубоко обновлено оживляющим сближением с католицизмом», но за этим следует штрих, который коренным образом меняет весь смысл текста. Имеется в виду не нынешний католицизм, а католицизм «конца времен и эпохи, следующей за ним», т.е. католицизм, переживший, как надеется Парвулеско, глубокое внутреннее обновление. Загвоздка в том, способен ли католицизм на такое обновление. Парвулеско связывает свои надежды с тем, что католицизм продвинулся дальше православия к почитанию женской ипостаси Божества, и в этом плане влияние католицизма на православие действительно могло бы быть «оживляющим», но те радикальные шаги, которые предлагает Парвулеско, католицизм может и не сделать. Сам Парвулеско волен считать себя «безусловным приверженцем католической веры», но вспомним, что С. Соловьев говорил о своем дяде: в другие времена его сожгли бы на костре. Боюсь, в те времена такая же участь грозила бы и Парвулеско, а его взгляды были бы квалифицированы как явная «ересь».

«Обновленный католицизм» Парвулеско выходит за рамки не только католицизма, но и христианства вообще.

Трудно представить себе католическую Россию, но еще трудней – католическую Индию или католическую Японию. А ведь именно эти три страны Парвулеско величает «четырьмя опорами свода» своей Евроазиатской Империи последних времен. И только когда народы, поклоняющиеся на одном конце света Мадонне, а на другом – богине Аматерасу, осознают, что поклоняются они, по сути, одному и тому же Божеству, которому никогда не будут поклоняться никакие мусульмане или кальвинисты, тогда и сформируется религиозная основа того, что Парвулеско называет «Евроазиатской Империей последних времен», а я – чисто условно – «цивилизацией Мадонны».

А. Блок в молодости думал, что София открывается индивидуумам, а коллективному сознанию она не доступна, но позже осознал ее, как душу русского народа. Как писал А. Белый, Блок ошибался, будто бы откровения ее нельзя передать толпам: именно толпы, народ принял вести о ней, России.

Все начинается, конечно, с отдельных личностей. И в «Имперском католическом манифесте» подчеркивается, что «Империя сначала существует внутри нас. Если мы должны исторически двигаться к созданию европейской Империи, то мы торжественно заявляем, что она не возникнет, если мы до того духовно не построим эту Империю в нас самих». «Мы» Парвулеско это «боевой авангард Империи». Но будь то Империя или цивилизация Мадонны, все зависит от того, пойдут ли за этим авангардом народы. А как сплоченность самого авангарда вокруг общей идеи, так и его способность влиять на массы зависят от крепости сплетения расовых корней. Если эти глубинные связи порваны, их снова не соединить.

Но то, чему суждено соединиться, – соединится.

Декабрь 2000 – февраль 2001

Р. С. 2005 года.

Гийом Фай, сам будучи «язычником» призывает заключить исторический компромисс с католиками-традиционалистами, не принявшими решений II Ватиканского собора, который повел католическую церковь не туда, куда хотел бы Парвулеско, а в противоположную сторону. На этом соборе католическая церковь дала крен в направлении протестантизма и фактически изменила Мадонне. Папство перестало быть представительницей Ее цивилизации, последней цитаделью которой остается Православная церковь.

Что же касается союза американских протестантов и исламистов, он сохраняется, несмотря на провокацию ЦРУ 11 сентября 2001 года и борьбу США с «международным терроризмом».

Библиография

- В. И. Авдиев. История древнего Востока. 1953
- М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII – XVII в.в., М. 1973
- М. Ф. Альбедиль. Забытая цивилизация в долине Инда. Спб., 1991
- Аполлодор. Мифологическая библиотека. Ленинград, 1972
- Балты, славяне, прибалтийские финны. Рига, 1990
- А. Белый. Воспоминания о Блоке. М., 1995
- Боги, брахманы, люди. М., 1969
- Г. Гейне. Романтическая школа. Соб. соч., М. 1982, т. 4
- Г. Гейне. Стихотворения. Поэмы. М., 1984
- О. Р. Герни. Хетты. М., 1987
- В. Герье. Блаженный Августин. М., 1910
- Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967
- А. Горелов. Гроза над соловьиным садом. Л., 1970
- Б. Н. Граков. Скифы. Берлин, 1978
- Дантовские чтения. М., 1979
- Ю. Данэм. Герои и еретики. М., 1967
- А. К. Дживелегов. Данте Алигьери. М., 1946
- Л. К. Долгополов. Александр Блок. Л., 1980
- А. Дониини. Люди, идолы и боги. М., 1962
- В Древис. Происхождение христианства из гностицизма. М., 1930
- П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953
- П. С. Коган. Очерки по истории западноевропейской литературы. М., 1934, т.1
- М. А. Коростовцев. Религия древнего Египта. М., 1976
- Н. А. Кун. Легенды и мифы древней Греции. М., 1957
- Я. А. Ленцман. Происхождение христианства.
- К. Леонтьев. Собр. соч., М., 1912-14, т.7
- С. Г. Лозинский. История папства. М., 1986

- А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957
- А. Ф. Лосев. Вл. Соловьев. М., 1983
- А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993
- А. Ф. Лосев. Эстетика Возрождения. М., 1978
- Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954
- Э. Людвиг. Гете. М., ЖЗЛ, 1965
- Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951
- Т. Манн. Собр. соч. М., 1961, т. 10
- Н. А. Машкин. История древнего Рима. М., 1949
- М. О. Меньшиков. Выше свободы. М., 1998
- М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. М., 1999
- Мифы древней Индии. М. 1975
- Дж. Морлей. Новое жизнеописание Оливера Кромвеля. СПб., 1901
- А. И. Немировский. Этруски. М., 1983
- Ф. Ницше. Ессе homo. СПб., 1911
- Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950
- А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. М., «Высшая школа», 1982
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1961, т. 1
- Архиепископ Серафим. Защита софианской ереси протоиереем С. Булгаковым перед лицом Архиерейского собора Русской Зарубежной Церкви. София, 1937
- В. С. Сергеев. История древней Греции. ОГИЗ, 1948
- К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964
- К. Ф. Смирнов. Сарматы на Илеке. М., 1975
- Страны Тихого океана. М., 1942
- Ч. М. Таксами, В. Д. Косарев. Кто вы, айны? М., 1990
- С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1990
- С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964
- А. С. Фаминцын. Божества древних славян. Вып. 1, СПб., 1884
- А. Франс. Восстание ангелов. М., 1958
- И. Фридрих. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961
- Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. М., 1989
- И. Фудель. Культурный идеал Леонтьева. «Русское Обозрение», 1895, № 1

Г. Хафнер. Выдающиеся портреты античности. М., 1984

Кн. Д. Цертелев. Философия Шопенгауэра. Спб., 1880, т.1

Л. Шарпантье. Тайны тамплиеров. М., 1998

Ю. А. Шилов. Прародина ариев. Киев, 1995

А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. Спб., 1899

И. П. Эккерман. Разговоры с Гете. Ереван, 1988

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. 2, т. 21, М., 1961

Этническая ономастика. М., 1984

America`s Intervention in the Balkans. L. A. 1997

D`Apremont, Anne-Laure et Arnaud. Runes. Pades. 1997

A. Baumler. Bachofen und Nietzsche. Zurich. 1929

Y. Blot. L`Heritage d`Athena. Saint-Brieuc. 1996

P. Broca. Memoires d`anthropologie. Paris. 1871, v. 1

H. Bryn. Der nordische Mensch. München. 1929

J. P. Cartier. Histoire de la croisade contre les Albigeois. Paris, 1968

O. Chadwick. The Reformation. Penguin Books, 1977

P. Chassard. Les diversites naturelles. Wesseling, 1993

P. Chassard. Morales negatives. Bruxelles, 1995

J. Evola. Les hommes au milieu des ruines. Paris, 1984

J. Evola. Il mito del sangue. Padova, 1994

J. Evola. Le Mysterz du Graal et l`idee imperiale gibeline. Paris, 1985

J. Evola. Revolte gegen die moderne Welt. Vilsbiburg Aeun, 1993

Gunther, Hans F. K. The Racial Elements of European History. Wayne P. A. 1992

F. Hallman. Das Ratsel der Labyrinth. Ardagger, 1994

E. Kriek. Der Mensch in der Geschichte. Leipzig, 1940.

E. Kriek. Menschenformung. Leipzig, 1941.

J. Mabire. Thule. Editions du Trident. 1986.

H. J. Marquart. Vom Ursprung der Deutschen. Tübingen, 2000.

J. Parvulesco. Rendez-vous an Manoiz du Lac. Curutchet, 1999.

A. Rosenberg. Der Mythos des XX. Jahrhunderts. München, 1936.

G. Sergi. Spezie e varieta umane. Torino, 1900.

M. Serrano. El Cordon dorado. Bogota.

A. del Valle. Islamisme et Etats-Unis: une alliance contre l'Europe. Lausanne, 1997.

J. de Vries. Keltische Religion. Stuttgart, 1961.

Краткий словарь древних Богов

Агни – божество огня у древних ариев; в Ригведе ему посвящено больше всего гимнов. Поскольку слово «Агни» («огонь») женского рода, божество это, вероятно, первоначально было женским, как у греков и римлян.

Аматерасу – богиня Солнца и прародительница японцев, родоначальница императорской династии.

Анаитис – переделенное на греческий лад имя иранской богини Анахиты, сочетавшей в себе черты богини любви и огня.

Ану – верховный бог неба, отец богов у шумеров.

Аполлон – божество малоазиатского происхождения, а не гиперборейский бог Солнца, как проповедовал Ю. Эвола

Ариадна – дочь критского царя Миноса, которая вывела Тесея из Лабиринта, впоследствии – возлюбленная Диониса.

Артемида – сестра Аполлона, повелительница зверей; ее прообраз – верховная богиня Крита. У этрусков носила имя «Аритими».

Астарты – финикийская богиня любви, аналог вавилонской Иштар.

Атаргатис – великая сирийская богиня.

Афина – богиня мудрости и войны, также имеющая прообраз в верховной богине Крита.

Афродита – дочь Кроноса, т.е. по происхождению стоит на одном уровне с Зевсом.

Ашера – ханаанейская богиня; в русском переводе Библии её имя не упоминается, а об её культе говорится, как о «культе дубрав».

Белисена – богиня кельтиберов, которой якобы поклонялись трубадуры.

Беллона – древняя богиня войны у римлян.

Венера – римская богиня любви и красоты; имеет аналог не только в лице греческой Афродиты, но также японской Аматерасу.

Вурусему – богиня Солнца у хеттов.

Гера – супруга и сестра Зевса, униженная и мстящая богиня.

Гестия – богиня домашнего очага у греков, игравшая в древности более важную роль, чем в «классический» период.

Гея – у греков, в отличие от евреев, мир сотворила богиня, а не бог.

Деметра – Мать-Земля, предмет дикой ненависти Ю. Эволы.

Европа – дочь царя финикийского города Сидона; европейцы, соответственно, наследуют её семитское происхождение.

Иннина – богиня-мать у шумеров.

Исида – египетский прообраз христианской Мадонны.

Иштар – вавилонская богиня природы, жизни и рождения; её имя сохранилось в еврейском имени Эсфирь.

Кибела – малоазиатская богиня, культ которой был по пророчеству оракула перенесен в Рим как средство защиты от Ганнибала.

Люцифер – у римлян название утренней звезды, Венеры. Христиане называли этим именем Дьявола из-за своей ненависти к женскому естеству, дьявольскому, как они считают, по своей сути.

Ма – малоазиатская Великая Мать богов.

Мардук – верховный бог Вавилона; его имя сохранилось в еврейском имени Мордух.

Менрва – этрусская богиня-мать. Римская Минерва сходна с ней только по имени, а по своей роли замещает древнюю богиню войны Беллону.

Милитта – другое имя финикийской Астарты; в честь ее назван остров Мальта.

Мойры – греческие богини Судьбы.

Норны – германские богини Судьбы.

Нут – египетская богиня неба; почиталась ливийской династией под именем Нейт.

Опс – древняя римская богиня Земли.

Потνια Терон – главная богиня Крита, по-гречески «владычица зверей».

Сатурн – царь Золотого века; по пророчеству Вергилия, вновь грядет Сатурново царство.

Семела – мать Диониса. В этом фракийском имени явно просвечивает славянская «земля».

Сим – шумерский бог Луны.

София – метафизическая сущность, которой христиане стараются не касаться, боясь впасть в соблазн, потому что она женского рода.

Табити – верховное женское божество огня у скифов.

Танаквиль – жена этрусского царя Тарквиния Древнего.

Тешуб – хеттский эквивалент славянского Перуна.

Туран – верховная богиня этрусков.

Уни – этрусский прообраз римской Юноны.

Уту – шумерский бог Солнца.

Ушас – индийская богиня утренней зари, греческая Эос, римская Аврора.

Фемида – одна из древних греческих богинь, позже оттесненных богами.

Фортуна – хтоническая богиня латинского племени сабинян.

Хатор – египетская богиня любви.

Шакти – в ряде толков индуизма – женская божественная энергия, без которой боги-мужчины бессильны.

Шамаш – семитский бог Солнца; отсюда еврейское имя Самсон.

Эа – бог воды у шумеров.

Эйлифия – предположительное имя главной богини Крита у пеласгов.

Энлиль – шумерский бог Земли.

Эрида – богиня раздоров, главное мировое начало у Гераклита.

Юнона – богиня-предательница римского пантеона, поддерживавшая Карфаген против Рима.

НАШ РЕВАНШ

Павел Тулаев: Уважаемый Анатолий Михайлович, я обращаюсь к Вам с вопросами не только как к соратнику, коллеге по редакции АТЕНЕЯ и Европейской Синергии, но и как ветерану Русского национально-освободительного движения. У Вас есть, что рассказать о своем времени, а нам полезно извлечь из Ваших воспоминаний опыт и выводы. Расскажите, как происходило формирование Вашей личности?

Анатолий Иванов: Понятия не имею, как оно происходило. Говорят, основные черты характера складываются у ребенка уже к четырем годам, а я совершенно не помню себя в этом возрасте. Некоторые утверждают, будто помнят себя с самого момента рождения и чуть ли не в утробе матери, но я им не верю.

Мои воспоминания начинаются с войны, возможно, она больше всего на меня и повлияла. Помню, как мы с матерью прятались в подвале от немецких бомб, помню голодное и исполненное всяческих унижений детство в эвакуации, в Иркутске. Да и послевоенные годы были не слаще. Мои родители были учителя, т. е. принадлежали к нищей категории советских граждан. Рабочие, и те смотрели на нашу семью свысока. (Кстати, многие диссиденты вышли из учительских семей). Поэтому с самого раннего детства во мне зрел протест против социальной несправедливости и неравенства. В революциях и войнах я видел средства исправления этой несправедливости.

К концу войны я был уже достаточно взрослым, чтобы с интересом следить по карте за ходом военных действий, отмечать на ней продвижение наших войск. Этот интерес сохранился у меня надолго. Когда кончилась мировая война, я

стал с таким же вниманием следить за региональными конфликтами: гражданской войной в Китае, войной в Корее и т. д.

П.Т.: Это было увлечение юношества или следствием военно-патриотического воспитания той эпохи?

А.И.: И то, и другое. В школьные годы я перелопатил кучу военной литературы, от описания крупных операций до рекомендаций для младшего комсостава, касающихся особенностей военных действий в городе, горной местности и т.п. До сих пор горжусь, что по темпам наступления войск КНДР и китайских «добровольцев» я смог рассчитать, сколько времени уйдет на подтягивание резервов, подготовку нового удара и точно определил дату взятия Сеула – 4 января 1951 г. Я никогда не служил в армии, но накопленные мною знания очень помогли мне потом в моих исторических исследованиях, например, при анализе действий генерала Скобелева или военных операций Первой мировой войны.

П.Т.: А откуда у Вас появилась тяга к иностранным языкам, которых Вы знаете, кажется, не менее шести?

А.И.: Интерес к дальним странам и перерос у меня в интерес к их языкам. В школе мы учили немецкий. Самостоятельно я начал изучать почему-то японский, но сложности иероглифики меня тормознули. Зато испанский стал моей любовью на долгие годы. Я считаю его самым красивым языком в мире. Не знаю, почему, но испанская музыка, испанские песни нравились мне больше русских.

Нахватав более десятка языков, включая весьма экзотические, я прочел у Достоевского, что от этого можно свихнуться. Тогда я решил прекратить это дело и ограничиться необходимым минимумом.

П.Т.: Этот минимум у Вас включает немецкий, английский, французский, испанский, итальянский и польский. Так?

А.И.: Еще сербо-хорватский. Осмысленная деятельность в рамках Европейской Синергии требует знания нескольких языков. Руководствуясь именно этим критерием, ее генеральный секретарь Робер Стойкерс ставит бельгийцев выше французов.

П.Т.: Не этот ли универсализм стал причиной Вашего «горя от ума»? Как и почему Вы стали диссидентом?

А.И.: Слово «диссидент» появилось в русском языке лишь в начале 70-х годов. А почему у меня начали развиваться оппозиционные настроения, я частично уже ответил. В последние годы жизни Сталина культ его личности стал приобретать все более помпезные и уродливые формы. Мне это претило, я сочинял злые эпиграммы про «Иосифа-царя с мамашей Джугашвили» и обещал, что буду петь песни на его похоронах. Свое обещание я выполнил, чему есть свидетели.

Интересуясь национально-освободительной борьбой азиатских народов, я не мог не заметить некоторые несоответствия в национальной политике Советского Союза. Тогда были объявлены «реакционно-феодальными» бурятский, туркменский и азербайджанский эпосы, а на русские былины опала почему-то не распространилась; В. Сосюру ругали за стихотворение «Люби Украину», хотя любить Россию отнюдь не возбранялось; Шамиля, которого прежде превозносили, заклеили как агента английской разведки и т.п.

Кроме того, сравнение довоенных и послевоенных карт Советского Союза ставило в тупик: куда девались калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары? Привыкнув сочувствовать всяким «разукрашенным народам» (пользуясь выражением А. Платонова), я сочувствовал этим жертвам сталинизма, написал даже сентиментальное стихотворение о бедном чеченце, сосланном в Сибирь. С учетом событий последних лет беру это стихотворение обратно.

П.Т.: В Москве чеченцев теперь явно больше, чем в Сибири.

А.И.: Да, именно здесь, в столице СССР, 4 ноября 1952 года я создал вместе с моими школьными друзьями свой первый подпольный кружок. Это произошло во дворе того особняка на Георгиевской площади, который сейчас занимает художник Церетели.

В 1954 году я предпринял неудачную попытку побега за границу в районе Кушки, рядом с Афганистаном. Потом вроде бы остепенился, поступил на исторический факультет Московского университета, но в декабре 1957 года меня оттуда выгнали. Не за какие-то конкретные преступления, а просто за политическую неблагонадежность, в истерической обстановке охоты на ведьм (в университете тогда была раскрыта подпольная организация, в которую я не входил).

Осенью 1958 года мы с друзьями стали превращать стихийные сборища молодежи у только что открытого памятника Маяковскому в некое подобие московского Гайд-парка. Площадь Маяковского стала форпостом диссидентского движения.

31 января 1959 года, когда я занимался в Исторической библиотеке, меня в первый раз арестовали. По странному совпадению, это день рождения С. Бабурина.

П.Т.: Он уже из другого поколения. А кто были Ваши близкие друзья в молодости, в теперь уже далекие 1950-е годы?

А.И.: Вообще-то я человек не очень общительный и друзей у меня всегда было немного. Со второго класса моими друзьями были Юлий Лейбович и Борис Цыпкин – дружеские отношения с ними сохранялись какое-то время и после окончания школы. Ни с кем из дворовых ребят я как-то не сдружился. Лет в шестнадцать я вообще ушел в глухое одиночество. Потом, в старших классах, у меня появились новые друзья – Максим Савинков, сын военного летчика, и Борис Шпунт. Но самым близким моим другом в 50-х годах был Юлий Головатенко.

Головатенко был талантливый поэт, подражавший Есенину. Он, правда, был большой скептик и постоянно поливал холодным душем мои грандиозные планы переустройства мира. Не случайно главный герой его недописанной повести «Машина безвременья» носил имя доктор Скепсис. Первые годы дружбы с Головатенко я называю «есенинским» периодом своей жизни: мы шлялись с «группой товарищей» по кабакам и распевали стихи Есенина, переложенные на мотив «Дорогая моя столица»...

П.Т.: Это мне напоминает кадры из популярного фильма «Москва слезам не верит». Но Сергей Есенин был, наверняка, не единственной вашей отдушиной?

А.И.: Разумеется. Кроме него мы увлекались также ранним Маяковским и Пастернаком. Хотя мои родители преподавали литературу, не они привили мне любовь к ней. Школа способна засушить все.

Соседом Головатенко был Олег Михайлов, известный впоследствии критик и писатель, член «Русского клуба». От него мы узнали о такой книге как «Зависть» Ю. Олеши и о таких французских поэтах, как Верлен и Рембо.

Юрий Головатенко был настроен не менее оппозиционно, чем я, но отнюдь не собирался ломать свою жизнь ради идеи. Он писал резко антисоветские стихи, которые читали на площади Маяковского и напечатали в самиздатском сборнике «Феникс» под двумя разными псевдонимами.

Потом Головатенко выгодно женился (когда-то он придумал объявление «Молодой человек с университетским дипломом снимет генеральскую дочь» и снял-таки адмиральскую), начал делать карьеру и закончил жизнь чиновником Ми-

нистерства просвещения, удостоившись некролога в «Учительской газете». Юлий в свое время слишком злоупотреблял спиртным, из-за чего и прожил всего 42 года.

В университете я познакомился с Владимиром Осиповым...

П.Т.: Владимиром Николаевичем?

А.И.: Да, с этим известным ныне православным националистом нас свел однокурсник Владислав Краснов, впоследствии бежавший на Запад, а теперь постепенно возвращающийся в Россию. Когда меня исключили из университета, опасаясь, что «пока на факультете будет Иванов, на нем не перестанут плодиться осиповы», я попросил Осипова заняться поисками контактов вне нашего вуза. Осипов сам пробовал себя на поэтическом поприще, тоже подражал Есенину и похаживал в Литинститут. Там он и познакомился с Александром Орловым и Игорем Авдеевым...

П.Т.: Не родственник ли он Владимира Авдеева?

А.И.: Думаю, что нет. Но Игорь Авдеев это человек, имя которого навсегда должно остаться в истории русского национального движения. Очень своеобразная личность, романтик по натуре, он стремился к активной борьбе. Как-то он попросил меня написать о подпольной группе, разоблаченной в университете. Я об этой группе ничего не знал, поскольку, повторяю, в нее не входил, но написал статью об общих принципах создания подобных групп под названием «Ждущим». Авдеев, закончив МЭИ, уехал по распределению в Сталинск-Кузнецкий (ныне Новокузнецк) и увез с собой эту статью, взятую у него при его аресте 5 декабря 1958 года.

Через Игоря Авдеева вышли на меня и арестовали совсем не ко времени – мы только начали разворачивать работу на площади Маяковского. Там мы завели новых знакомых, среди которых активную роль играл мой тезка и однофамилец А. И. Иванов, которому я приклеил кличку «Рахметов», поскольку он, будучи юристом по образованию, работал грузчиком.

Мы собирались на квартире у Рахметова в Рабочем поселке. Там я читал свою работу «Рабочая оппозиция и диктатура пролетариата» – о «плохом» социализме Маркса и Ленина и «хорошем» социализме Бакунина и Сореля. Работу эту у меня изъяли при обыске в конце декабря 1958 года.

П.Т.: Это были Ваши первые философские авторитеты и влияния?

А.И.: Они не с Бакунина, конечно, начинались. Еще в 1953 году я открыл для себя Ницше, и это стало событием на всю жизнь. Старые издания Ницше тогда свободно можно было купить в букинистических магазинах. Я купил сначала немецкий вариант «Заратустры» и немало с ним мучился, потому что знал тогда язык плохо, и лишь потом – русский. Чекисты при обысках косились на книги Ницше и рекомендовали их сжечь, но не трогали, поскольку официального запрета не было.

Не подумайте, что, прочтя Ницше, я вообразил себя «сверхчеловеком». С тем, кто по настоящему понял Ницше, этого никогда не случится. Я увидел также, что национал-социалисты присвоили себе наследие Ницше совершенно незаконно. Он был противником диктатуры и весьма неуважительно отзывался о немцах.

П.Т.: У Ницше были славянские корни. Это видно по его лицу и чувствуется во всей его философии.

А.И.: Ницше прежде всего революционер в области морали – такие люди были основателями религий – но не философ. За философией мне пришлось обратиться к учителю Ницше Шопенгауэру, а от него дорога естественно повела к христианству.

Осипов тогда удивлялся, как я могу находить что-то положительное в христианстве, а мне не нравилось у Ницше, что у него сильный всегда прав против слабого: при моих настроениях Христос в этом плане выглядел симпатичней. Я думал о том, как объединить Христа и Ницше, и нашел ответ в «Легенде о Великом Инквизиторе». Герой Достоевского обвиняет Христа, по сути, в ницшеанстве, в том, что он предъявляет к людям завышенные требования и приходил только для «избранных». Инквизитор не мог себе этого представить, но эту идею открыто проповедовал Кальвин.

Помню, меня очень поразило, что основатель секты адвентистов Миллер предсказал второе пришествие Христа в 1844 году. Это год рождения Ницше.

П.Т.: Христос и Ницше – вечная тема. Я тоже прошел через глубокое потрясение автором «Заратустры». В рамках независимого семинара по русской и немецкой философии я в конце 1980-х провел обсуждение «Богочеловечество или Человекобожество?»

А.И.: Мы обсуждали эти проблемы в контексте своего времени... После второй отсидки (1961-1963 гг.) я решил упорядочить свое мировоззрение и начал серьезно заниматься эволюционной биологией. Благодаря этому я понял многие

закономерности взаимоотношений между нациями и внутреннего развития наций. Общество теории систем (А. А. Фетисов, М. Ф. Антонов) навело меня на книгу Л. фон Берталанфи «Биологическое мировоззрение». Я мог бы так же назвать и свое сегодняшнее мировоззрение.

П.Т.: Тюремное заключение повлияло на Вас и Ваших друзей?

А.И.: На меня – никак. Хотя Игорь Авдеев иногда полушутя, полусерьезно говорил, что мне «не хватает образования», потому что я не прошел через лагеря. Для меня это были потерянные годы. Учтите, среди какого контингента я находился. В лагере – совсем иная обстановка.

Из переписки с Владимиром Осиповым, а потом от вернувшегося в декабре 1964 года из лагеря Игоря Авдеева я узнал, что в лагере мои друзья превратились в убежденных православных монархистов, хотя ранее никто из них этим не увлекался. Я сначала удивился, а потом решил, как сказал в аналогичном случае Герцен, *ex ipso fonte bibere*, и принялся за изучение трудов славянофилов. И в «России и Европе» Н.Я. Данилевского я нашел именно ту платформу, на которой можно было объединить мое биологическое мировоззрение и новое мировоззрение моих друзей.

Я написал курсовую работу на тему «Славянофилы на распутье» (меня восстановили на заочном отделении истфака МГУ), а потом представил ее как дипломную, но она была отвергнута, потому что марксизм и славянофильство подавались в ней как равноценные идеологии. Декан факультета И. А. Федосов грозно спрашивал меня, не захотел ли я обратно в тюрьму. Работу пришлось переделывать «как надо».

Зато моя работа была на-ура принята руководителями Общества по изучению теории систем, которые к тому времени вознамерились «совместить ленинизм с Православием». Пригодилась она потом и для публикации о Н.Я. Данилевском в журнале «Вече».

П.Т.: В том самом, что издавал Олег Крассовский в Мюнхене?

А.И.: Нет, это был самиздат, выходивший здесь, в Москве. Когда Осипов в 1968 году вышел из лагеря, отсидев в нем семь лет, он сказал мне, что его заветной мечтой все это время был выпуск журнала. Я отнесся к этой идее скептически, помня о печальной судьбе первых ласточек Самиздата – журналов «Синтаксис», «Бумеранг», «Феникс», жития которым было один день. К тому же в то время существовали определенные легальные возможности пропаганды наших идей, хотя и в закамуфлированной форме.

В то время в Москве, в здании Высокопетровского монастыря (Петровка, 28) работала секция пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, известная в просторечье под названием Русского клуба. Наши оппоненты-русофобы распространяли самые нелепые слухи об этой организации, будто там все сидят в красных рубашках, а самый главный – в черной кожаной куртке. Такую куртку действительно носил председатель клуба Д. А. Жуков, но в красной рубашке ходил только писатель Д. Балашов, недавно трагически погибший от руки собственного сына.

Этот клуб был подлинным мозговым центром русского национального движения, в нем выступали такие его корифеи как П. Палиевский, С. Семанов, В. Кожин, О. Михайлов, А. Байгушев, Н. Лисовой, Д. Урнов, Л. Корнюшин и многие другие. Меня в клуб по старому знакомству ввел О. Михайлов, а я, в свою очередь, пригласил туда руководителей Общества теории систем, а позже познакомил с членами клуба и В. Осипова.

Печатным органом Русского клуба был легальный журнал «Молодая гвардия», многие статьи которого сопровождались шумными скандалами. С «Молодой гвардией» постоянно пикировался «Новый мир», центр притяжения либералов и демократов. Полемика эта шла и на нелегальном уровне. В 1970 году Манифесту демократического движения Советского Союза мы противопоставили свой под названием «Слово нации». В работе над ним, кроме меня, принимали участие И. Авдеев, В. Осипов, В. Ильяков и Д. Дудко.

П.Т.: И священник Дмитрий Дудко тоже был с вами? Еще одно «совпадение»! Он ведь был моим духовным наставником в течение нескольких лет, а потом я даже редактировал сборник его проповедей «В терние и при дороге»...

А.И.: Где же здесь совпадение?

П.Т.: Я имею в виду не только отца Дмитрия Дудко. Русская поэзия, Ницше, Данилевский (под его влиянием я опубликовал антологию «Россия и Европа: опыт соборного анализа»), «Вече», Русский клуб, где «знакомые все лица», а теперь еще и Европейская Синергия с Робертом Стойкерсом, – это же из моей биографии! Это вехи моего пути!

А.И.: Это вехи нашего общего пути и общей судьбы. Только Вы проходите его на новом историческом витке. И неплохо было бы знать, что происходило на предыдущих.

П.Т.: Разумеется.

А.И.: Так, вот. В конце 1970 года евреи руками партийных аппаратчиков сняли почти одновременно с Твардовским редактора «Молодой гвардии» А. Никонova. И если знаменитого поэта «мировая общественность» оплакивала, то про «Молодую гвардию» она говорила противоположное: «Так ей и надо!» Вот какие они в действительности «либералы» и «демократы».

Русский клуб они развалили техничным способом, посеяв в нем раздор. «Крутые националисты» (Д. Жуков, А. Байгушев, С. Котенко) начали конфликтовать с теми, кого они считали «либералами» (П. Палиевским, О. Михайловым, В. Кожинным и др.). Мозговой центр прекратил свое существование, но мозги никуда не делись и они доказали свое превосходство на знаменитом диспуте в ЦДЛ на тему «Классика и мы» 21 декабря 1977 года. Блестящий доклад прочел П. В. Палиевский, его поддержали В. Кожин, Ю. Селезнев, С. Куняев и другие. Противник был ошеломлен и недоумевал. Русских националистов привыкли изображать в виде тупых охотнорядцев с дубинами, а тут евреев побили интеллектом – их же собственным оружием, в применении которого они считали себя непревзойденными.

П.Т.: Как я понял, отношения между русскими и еврейскими диссидентами были весьма напряженными?

А.И.: Эти отношения бывали нормальными, когда обе стороны этого хотели и когда их не стравливали друг с другом. Например, после раскола в «Вече» В. Осипов побежал к евреям и стал доказывать им, что он «хороший демократ», а «Вече» захватили «нехорошие антисемиты». Чтобы опровергнуть эту клевету, я лично пришел к М. Агурскому, редактору журнала «Евреи в СССР», который стал выходить на год позже нашего «Вече».

Мой визит к Агурскому совпал по времени с начавшейся полемикой между А. Д. Сахаровым и А.И. Солженицыным. Из статей разных авторов в защиту того или иного лидера М. Агурский сделал сборник. Потом участники этой полемики стали вступать в спор друг с другом, и Агурский начал готовить второй сборник. Возникало нечто вроде «парламента по переписке».

Кроме того, я напечатал в журнале «Евреи в СССР» статью «Русский национализм и сионизм», главная идея, которой совпадала с любимой мыслью Агурского: националисты разных наций при желании всегда могут понять друг друга. Я проводил в эмиграцию трех редакторов «Евреев в СССР» – М. Агурского, И. Рубина и В. Лазариса. Вполне нормальные были отношения.

П.Т.: И все же, русские патриоты печатались тогда именно в «Вече», а не в «Новом мире» или каком-нибудь другом либеральном журнале...

А.И.: Мы можем гордиться, что первыми в явочном порядке ввели свободу печати в России. После разгрома «Молодой гвардии» выступление на сцену «Вече» стало вполне своевременным. В программном номере этого журнала была помещена прекрасная статья ныне покойного архитектора М. Кудрявцева «Судьба русской столицы» о разрушении коммунистами Москвы. Но второй номер получился слабым, и озабоченная этим С.А. Мельникова, наша знакомая по площади Маяковского, приехала ко мне на работу и сказала, что «Володе нужно помочь». Она начала активно «помогать Володе», и благодаря ей журнал пошел в гору. Стала разнообразней его тематика, стали печататься статьи по проблемам экологии, демографии, музыки, появились новые авторы.

Негодование вызвала в русских кругах пресловутая статья А. Н. Яковлева «Против антиисторизма» (ноябрь 1972 г.), в которой многие члены Русского клуба критиковались с махрово-марксистских позиций. Я написал в ответ «Открытое письмо А.Н. Яковлеву», которое неведомыми путями дошло до Политбюро. Журнал «Вече» отреагировал редакционной статьей «Путь национального самоубийства», в составлении которой принял участие только что освободившийся из лагеря Л. Бородин. Позже он великолепно разделал русофобские статьи, напечатанные в «Вестнике РСХД».

В марте 1974 года в редакции «Вече» произошел раскол. Причиной его было неэтичное поведение В. Осипова по отношению к тем, кто помогал ему делать журнал. Раскол был очень некстати, так как к этому времени я закончил одну из своих лучших, как я считаю, работ «Триумф самоубийц. Первая мировая война и Февральская революция».

Полемизировать с Солженицыным я начал еще в № 4 «Вече». Солженицын тогда обижался, писал, будто мы «смыкаемся с официальной травлей», а мы критиковали его совсем с других позиций. Он идеализировал Февральскую революцию как «демократическую», а мы уже тогда понимали, что Февраль был началом несчастий России, а Октябрь лишь его логическим продолжением. Солженицын, как он сам признал, понял это с опозданием на пять лет.

Последний, десятый номер «Вече» вышел под редакцией И. В. Овчинникова (умер 2 января 2004 года). Начало «Триумфа самоубийц» было напечатано в этом номере, а остальной текст – в журнале «Московский сборник», который издавал Л. И. Бородин.

П.Т.: Осипов, Бородин, Дудко, – это все люди православных убеждений. Но у Вас, как мне известно, весьма критический взгляд на христианство. Одни считают Вас язычником, другие зороастрийцем, а Вы – кто?

А.И.: К сожалению, о моем отношении к христианству широкая публика может судить лишь по изданному несколькими тиражами памфлету «Христианство как оно есть». Он был написан в 1978 году и в оригинале назывался еще более хлестко – [«Христианская чума»](#). Однако написано это было в определенных условиях и для определенной публики. В этой брошюре в полемическом виде излагались основные идеи написанной ранее (в 1971 г.) серьезной научной работы «Тайна двух начал. Происхождение христианства». Прочтя мой труд, И. Р. Шафаревич пустил слух, что в Москве появился один странный человек, который «проповедует зороастризм».

Проповедовать зороастризм я не мог просто потому, что тогда его еще не знал. Позже, во многом благодаря И.С. Глазунову, который привозил с Запада много интересной литературы, я ближе познакомился с этой религией. Десять лет спустя, в 1981 году я смог написать новую работу об арийских религиях «Заратустра говорил не так». В том же году меня арестовали, и следователь КГБ Колчин, ознакомившись с этой работой, сказал: «Я понял, кто Анатолий Михайлович; он – зороастриец».

Я всегда ставлю этого следователя в пример тем, кто причисляет меня к язычникам: вот, мол, следователь лучше вас понял суть дела. Однако, определение, данное Колчиным, тоже не соответствует действительности.

В биографических справках о президентах США, в графе об их религии, я в четырех случаях встретил фразу «No formal affiliation». Это значит, что они формально не принадлежали ни к какой конфессии. Я тоже.

П.Т.: А почему Вас так раздражают современные поиски древних корней славян?

А.И.: Меня раздражают не поиски, а сотворение мифов дилетантами, ни черта не смыслящими, ни в расологии, ни в сравнительном языкознании, однако возводящими «на песце» своих хилых познаний грандиозные воздушные замки. Меня раздражает, что вместо старой шуточной песенки «Евреи, евреи, кругом одни евреи» начинают всерьез петь «Славяне, славяне, кругом одни славяне».

Я не люблю славянской перегрузки,

Претензий на Шотландию и Крит,

И воплей, будто русские – этруски,

А русский это то же, что санскрит.

Для меня столь же отвратительны попытки некоторых немецких ученых доказать, будто никаких славян никогда не существовало в природе (они даже слово «славяне» пишут в кавычках), как и попытки наших славянобесов присвоить себе чужую историю. Поэтому я и написал работу «в защиту венетов», назвав ее «История как орудие геноцида». Кифишин говорил мне, что католики мне за эту работу деньги дадут. А они не дали – вот ведь какая незадача!

Еще на эту тему мною давно была написана пародия «Осада города Ильина, или Повесть о том, как поссорились Ахилл Иванович с Агамемноном Никифоровичем» – «Илиада» в изложении славянопомешанных псевдоисториков.

Чем меньше значат славяне в современном мире, тем больше нынешние славянофилы раздувают их значение в мире своих фантазий. Лучше было бы наоборот.

П.Т.: Я согласен, что «лучше было бы наоборот», но по поводу венетов у меня другая точка зрения. Как-нибудь мы к этой теме еще вернемся. А пока важный вопрос о Ваших трудах, изданных и неизданных. Какие из них Вы считаете более важными?

А.И.: Я бы разбил свои работы на две группы: одни – чисто исторические, другие – по религиоведению. Из исторических я бы выделил трилогию, посвященную царствованию последнего русского императора Николая II. Хронология написания этих работ была обратной хронологии описанных в них событий.

О «Триумфе самоубийц» я уже говорил. Идею этой работы мне подал А.П. Хасиев, участник I Съезда Советов. Он рассказал мне, что т. н. голодные бунты в Петрограде в феврале 1917 года были спровоцированы, что хлеб в столице был. Ну а дальше мысль пошла работать сама.

Следующая работа, «Гнилые устои», об аграрной реформе П.А. Столыпина, рождалась с большим трудом. Я тяжело переживал осуждение В. Осипова в 1975 году, понял, что страна действительно вступила на «путь национального самоубийства», написал трагическое стихотворное пророчество «Реквием по России» и больше года не мог работать, а занимался, в основном, тем, что пьянствовал с моим лучшим другом тех времен В. Репниковым, бывшим политзаключенным, жившим в г. Струнино Владимирской области (в 1980 г. он эмигрировал в США). Лишь в 1977 году мне удалось, наконец, взять себя в руки.

Работа «Роковой день России (9 января 1905 г.)» была написана в начале 1978 года по заданию кружка русских диссидентов, собиравшихся тогда на квартире

Г.М. Шиманова, православного самиздатчика, выпускавшего сначала журнал «Многая лета» (закрытый по требованию КГБ), а потом – «Непрядву».

Сборник работ по религиоведению, если бы таковой состоялся, я бы начал с уже упомянутого «Заратустры», поскольку именно в этой работе изложены «основы арийского мировоззрения». Вторым номером я бы поставил задуманную еще в кировской ссылке работу «Князь мира сего» – о сатанизме в мировой литературе.

Кроме того, я включил бы в этот сборник две последние по времени написания работы, «Ницше и Эвола» и «Цивилизация Мадонны». Последняя из них посвящена тому, как особенности расовой психологии отражаются на религии народов.

П.Т.: Набирается весомый томик» собрания сочинений».

А.И.: Да, неплохо было бы выпустить такое «собрание», ведь с публикациями мне постоянно не везло. Во времена Русского клуба я был окружен литераторами-патриотами, но ни один из них мне не помог. Впервые опубликоваться мне удалось в рамках дискуссии о славянофилах в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 7, с подачи А. Янова. Следующей публикации мне пришлось ждать ровно 20 лет, когда «Молодая гвардия» в №8 за 1989 г. опубликовала сокращенный текст первых двух глав «Триумфа», после чего руководство журнала запретило дальнейшие публикации этого автора. Еще один осколок «Триумфа» попал в военно-политический альманах «Сбор» №1 (М., Воениздат, 1991)

Судьба «Рокового дня» оказалась не столь роковой – полный текст этой работы был напечатан в номерах журнала «Кубань» за июль и август 1991 г.

Особняком стоит моя работа «Логика кошмара». За нее меня судили в 1982 году, а десять лет спустя еженедельная газета «Русский Вестник», членом редколлегии которой я был с момента ее основания, стала печатать этот труд отдельными главами. По ходу дела я вносил добавления, а в 1994 году выпустил книгу отдельной брошюрой. В 1996 году «Логика кошмара» вышла на немецком языке в берлинском издательстве «Verlag der Freunde». Организовал это издание мой немецкий друг, г-н Вольфганг Штраус, который написал к моей работе большое предисловие.

В 1994 году В.И. Корчагин напечатал в своем издательстве «Витязь» мой памфлет «Христианство как оно есть». Как я уже отметил, этот памфлет дает превратное представление о моих взглядах, и я бы его не включал ни в какое собрание своих сочинений. Это вовсе не означает изменение моего принципиаль-

ного отношения к христианству. Я по-прежнему считаю, что национальная идеология, основанная на биологическом мировоззрении, несовместима с этой космополитической религией.

Очень жаль, что таким недолговечным оказался журнал «Национальная демократия» – его редактор В. Колосов начал было активно меня печатать. В первом же номере он поместил «Историю венетов» (продолжаю утверждать, что венеты не были и не могли быть славянами!) и «Загадку мегалитов», во втором – главу о зороастризме из «Заратустры», самую важную в этой работе.

В журнале «Атака», который издавал в авангардной манере музыкант Сергей Жариков, печатались в основном мои переводы, но хотелось бы обратить внимание и на одну оригинальную статью – «Катары и Грааль» в номере «Тыщя». Это особое приложение к работе «Второе падение Монсегюра», которое тоже стоило бы включить в сборник моих трудов по сравнительной истории религий.

Наконец, наш «Атений» напечатал в первом же номере очерк о Ницше и Эволе, правда, с сокращениями.

П.Т.: Да, список напечатанных и не изданных пока трудов у Вас весьма внушительный... Хотелось бы, чтобы они дошли до читателя. Но и в жизни Вашей было немало ярких, драматических моментов. Какое событие произвело на Вас наибольшее впечатление?

А.И.: Вне всякого сомнения, прорыв к осажденному Белому дому 4 октября 1993 года. Количество участников этого прорыва было намного больше, чем указывали милицейские сводки. Когда авангард был уже у цели, по безоружной толпе был открыт огонь из здания мэрии – как я потом прикидывал, посещая это здание, откуда-то с 11-го этажа. Я вспомнил свое исследование о 9 января: как и тогда, люди тоже поначалу думали, что стреляют холостыми, но когда я увидел, как пули срезали верхушку куста, пришлось залечь за лестницу, спускающуюся от Белого дома к реке. Почему-то не было страха, а необходимость ложиться воспринималась как унижение. Последующая атака на мэрию была правильным и справедливым действием, зато поход на Останкино – абсолютной глупостью. Когда я услышал призывы вождей парламента идти брать телецентр, я схватился за голову: «Что они делают, идиоты?!» Повторяю, я кое-что смыслю в военных операциях.

Обстановка у Белого дома в тот вечер позволяла получить представление о том, как выглядел Смольный в октябре 1917 года. Я знал, что защитники Белого дома обречены на поражение, но даже минутное ощущение настоящей свободы – это величайшее счастье, какое только можно пережить в жизни.

П.Т.: Согласен, только пусть этот счастливый миг длится дольше. Ведь нам надо не только завершить интервью, но и издать его. Поэтому расскажите, пожалуйста, в заключение о Европейской Синергии, официальным представителем которой в России Вы являетесь.

А.И.: Журнал «Золотой лев» как-то ехидно написал, что есть, мол, некоторые русские идеологи, готовые из низкопоклонства перед Европой уцепиться за любую, пусть самую завалящую европейскую организацию. Этот «бумажный лев» просто не в курсе дела. Не мы набивались к европейцам, а европейцы приехали к нам. Официальная делегация Европейской Синергии во главе с организатором этой международной ассоциации, г-ном Жильбером Сенсиром, прибыла в Москву в апреле 1996 года. Визиту предшествовала переписка, длившаяся почти год.

Личный контакт убедил нас в том, что с этими людьми можно иметь дело. Главным принципом была и остается наша полная независимость: мы не подчиняемся никакому зарубежному центру и не обязаны выполнять ничьи приказы. Мы должны только ориентироваться в своей деятельности на Хартию Европейской Синергии (она опубликована в моем переводе в журнале «Атака» №164).

Об истории Европейской Синергии я уже рассказывал на страницах журнала «Наследие предков» №7. Об этом можно прочесть также в интервью с г-ном Сенсиром, опубликованном в журнале «Атака» №13.

Напомню, что Европейская Синергия была основана 8 июня 1993 года в Тулузе. Ее создатель, г-н Сенсир, стоял в свое время вместе в Ле Пеном у истоков французского Национального фронта и был вице-председателем этой партии. Сегодня на вопрос, что его разделяет с Ле Пеном, г-н Сенсир отвечает коротко: «Он – французский патриот, а мы – европейские». Однако парадокс заключается в том, что сегодня для того, чтобы быть европейцем, надо быть, прежде всего, патриотом своей нации. «Европейский народ» Европы Маастрихта это такая же химера, как советский народ. Некоторые считают, что любое объединение Европы лучше ее разъединения. Это неверно: отнюдь не любое. И не случайно журнал, который раньше назывался «Нацъон Ойропа» в начале 90-х годов сменил свое название на «Нацъон унд Ойропа» – именно для того, чтобы его не воспринимали как рупор Маастрихта.

П.Т.: Мы тоже, будучи европейцами по сути, предпочитаем говорить «Россия и Европа», а не «Европейская Россия»...

А.И.: Г-н Сенсир долгое время работал в ГРЕСЕ (Группе изучения европейской цивилизации), мозговом центре движения «новых правых», главным идеологом

которых считается г-н Ален де Бенуа. Г-н Сенсир вышел из этой организации, потому что захотел перевести чисто теоретическую работу на практический уровень. Мы должны быть благодарны ему за это, так как именно он начал создавать общеевропейскую организационную сеть, к которой подключились и мы. Однако сеть эта оказалась непрочной и начала рваться уже в 1998 году, повторив судьбу ГРЕСЕ, пережившей тяжелый кризис в 80-х годах. Причины в обоих случаях были одни и те же. Частично я писал о них в статье «Новым правым – 30 лет» в журнале «Наследие предков» № 8. Я говорил г-ну Сенсир, что он немного забежал вперед, что невозможно создать прочную организацию, не выработав предварительно четкую идеологию, а такую идеологию «новые правые» пока что не создали. При этом следует учитывать, что когда я говорю об организации, я имею в виду не политическую партию и не тайное общество масонского типа, а под идеологией понимаю вовсе не систему незыблемых догм.

П.Т.: О чем же тогда идет речь? Не напрасно ли то, что мы делаем? Ведь нынешняя ситуация выглядит весьма мрачно. Есть ли у нас, с Вашей точки зрения, хоть какие-нибудь светлые перспективы?

А.И.: Только то, что мы делаем, и имеет смысл. На будущее сегодня мы работаем более, чем кто-либо! Что касается политики, то какие-либо поползновения в этой области становятся все более бессмысленными. «Демократии» после 1993 года становятся все меньше и скоро ее совсем не станет. Но еще хуже, что нет «демоса», который мог бы «кратить» – нет народа. Как я писал в статье «Бесплотный русский дух» в первом сборнике «Расовый смысл русской идеи», русская нация находится в состоянии необратимого биологического вырождения (как, впрочем, и все остальные европейские нации). Более подробно эту идею развил С.Б. Морозов в своей прекрасной книге [«Заговор против народов России сегодня»](#) (М. Алгоритм, 1999). Претензии к Морозову, это претензии к врачу, который ставит диагноз: хотелось бы услышать что-то более обнадеживающее, но – увы! Диагноз гласит: русская нация перестала существовать, распалась на отдельных, ничем не связанных людей.

П.Т.: Спорный диагноз! Но тут есть, над чем подумать.

А.И.: Вот и думайте. Когда на презентации первого номера журнала «Атений» зачитывали мое выступление, почему-то решили, что это «философия». Однако это была вовсе не философия, а рекомендации по организационным вопросам. Придется пояснить. Цитата из Ницше «Идите своими дорогами и предоставьте народу и народам идти своими, поистине, темными дорогами, не освещаемыми ни единой надеждой» расшифровывается так: поскольку нации находятся в состоянии вырождения, не надо заниматься политикой. Цитата из Эвола: «Единственная перспектива, которая остается, это невидимое миру объединение по-

верх границ тех редких личностей, для которых общей является одна и та же природа, отличная от природы современного человека». Это призыв к объединению в рамках таких организаций как Европейская Синергия (не обязательно именно в ней), только теперь они вполне могут быть «видимыми миру».

Наконец о главном. История подчинена законам цикличности и компенсации. Мы живем в эпоху, аналогичную той, которая условно датируется рождением Христовым. Тогда в мир пришла новая религия; сутью этого события была духовная победа прежнего, семитского цикла над новым, арийским, своего рода реванш за свое историческое поражение. Сегодня в мир идет новая религия, но суть ее будет противоположной: прежний цикл (классическая античность) одержит духовную победу над новым циклом, возьмет свой реванш. И этот реванш осуществится через нас. Мы сегодня то, что были христиане 2000 лет назад. И будущее – за нами.

П.Т.: Что же, посмотрим, и будем приближать это наше будущее. А Вам за все – большое спасибо!

Публикуется по изданию: «Атеней»,
№3-4 (М., 2002), с.12-126

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Галина Лозко: Уважаемый Анатолий Михайлович, я читала некоторые Ваши авторские публикации и замечательные переводы в журналах «Наследие Предков», «Атеней», «Атака». А Вы, очевидно, знакомы с нашим журналом «Сварог». Поэтому я хочу задать Вам несколько вопросов, которые, надеюсь, будут интересны читателям нашего издания.

Какое место в Вашем творчестве занимает религиозная тематика, и почему Вы уделяете ей особое внимание?

Анатолий Иванов: Каждый человек инстинктивно чувствует или осознает, что его судьба зависит от более могущественных, нежели он сам, сил («высших» или «низших» – другой вопрос) и стремится определенным образом выстроить свои отношения с этими силами. Одни (из категории «рабов Божьих») вымаливают у этих сил снисхождение к себе, ползая на коленках и стучаясь лбом о землю. Когда я вижу сотни и тысячи людей, лежащих ниц, воздев к небесам зады, я только удивляюсь: как можно относиться к Богу с таким неуважением? За кого они его, собственно, принимают, этого своего Бога?

Есть и люди другого типа, которые в гордыне своей, пытаются подчинить себе эти силы с помощью магических жестов и заклинаний. «Покорители природы», уповающие на неограниченные возможности техники, не очень далеко ушли от первобытных колдунов.

Наконец, есть также люди (и я принадлежу к их числу), которые хотят эти силы просто познать. От того, конечно, жизнь легче не становится: что толку путешественнику, которого пожирает лев, в знании того, как устроен пищеварительный аппарат льва? Но процесс познания очень увлекателен сам по себе. Я никогда не лазил на горы, но я понимаю ощущения альпинистов, когда они после огромных трудов достигают вершины.

Скептики скажут: Ну, залез ты на вершину, но ты ведь не будешь сидеть на ней вечно, придется так или иначе с нее слезать. Да, придется. Слезешь и начнешь присматривать для себя следующую.

Познающему, как и альпинисту, тоже нужны «горы, на которых еще не бывал». В дзен-буддизме есть диалоги в стиле «мондо», хорошо отражающие поиск истины. – Почему вы ее не нашли? – Потому, что ищу. – Как вы ее найдете? – Только перестав искать. – Когда вы ее найдете? – Никогда.

С начала 70-х годов я в своих работах стал все больше удаляться от чисто исторических тем в сторону сугубо религиозной тематики. Я занимаюсь тем, что называется сравнительным религиоведением, но ни одна из религий, которые я изучал, не вызвала у меня желания остановиться на ней и начать ее проповедовать. Не собираюсь я также придумывать какую-то собственную религию и выступать в качестве ее пророка – в этой роли я стал бы посмешищем в своих собственных глазах. Я твердо убежден, что грядет новая мировая религия, которая придет на смену христианству, но даже если эта религия явится в мир при моей жизни, я отнюдь не уверен, что стану ее сторонником.

Кришнамурти как-то сказал, что у каждого человека должна быть своя собственная, особая религия. Я с ним, в принципе согласен.

Г.Л.: В моей библиотеке имеется Ваша брошюра «Христианская чума». Как и когда Вы поняли, что христианство представляет собой опасность для нас, славян и ариев?

А.И.: Я очень жалею, что благодаря изданиям В.И. Корчагина стала известна именно эта работа – памфлетная, краткая переделка более раннего серьезного труда «Тайна двух начал» (Происхождение христианства), написанного в 1971 году. Семь лет спустя я столкнулся с компанией молодых и очень воинственных

христианских неопитов, имевших привычку возносить свою новообретенную веру и доказывать её превосходство надо всеми прочими религиями, ничего толком о них не зная. Настроения этой публики очень хорошо отражал навсегда запомнившийся мне диалог двух узников лагеря для политзаключенных в Мордовии. – Скажи, ты веришь в Бога? – Да, верю. – Нет, скажи: ты веришь в Бога Иисуса Христа? – Нет, не верю. – Ах, так? Значит ты атеист? Коммунист? – Извини, я же тебе сказал, что верю в Бога.

Таковы христиане: тот, кто не верит в их Бога, сразу превращается в их глазах в «атеиста», «язычника» и т.п. Никакой иной веры они не признают и этим опасны.

В начале 70-х годов я сотрудничал в самиздатовском журнале «Вече», редактор которого, В.Н. Осипов, был православным монархистом (остается им и поныне). К 1978 году, когда христиане довели меня до того, что я написал «Христианскую чуму», стало ясно, что никакое сотрудничество с христианами невозможно, что это враги, может быть еще более страшные, чем коммунисты. Я не стал бы включать «Христианскую чуму» ни в какое собрание своих сочинений (если допустить на миг фантастическую мысль, что кто-то вознамерится издать такое), но вот вывод, что христианство представляет собой угрозу, остается в силе.

Эта угроза в нынешней России становится уже не только духовной, но и физической. За отсутствием национальной идеи (никакой иной, кроме рабского поклонения «царю-батюшке» в России никогда не было, нет и не предвидится) те, кто сегодня находятся в России у власти, заполняют духовный вакуум православным «обрядоверием». Православие превращается в официальную идеологию, оно навязывается насильственно, как вчера нам навязывали марксизм. Солдат гоняют на молебны, как вчера гоняли на политзанятия, несчастных детей волокут в церковь, как вчера волокли в пионерские отряды, уродуют детские души. Православные попы освящают все, от новых истребителей до новых борделей. А. Зиновьев правильно называет нынешний режим в России «полицейски-клерикальным». Православные попы претендуют на роль духовной полиции, они диктуют, какие балеты ставить, какие нет. Православные фанатики наглеют и звереют не по дням, а по часам, они захватывают и громят музеи, жгут книги, а завтра начнут жечь людей, если только этих потерявших облик человеческий «рабов божьих» вовремя не остановят.

Г.Л.: От Павла Владимировича Тулаева мне известно, что Вы – автор неизданной до сих пор книги [«Заратуштра говорил не так»](#). Что же он говорил?

Работа «Заратуштра говорил не так» была написана в 1981 году. Я был занят тогда поисками религиозной альтернативы христианству. Я стал внимательно изучать арийские религии – индуизм, буддизм, зороастризм и обратил особое внимание на последний, на ту религию, которую у нас знают меньше всего. Название моей работы никоим образом не было связано с названием известной книги Ф. Ницше, если продолжить эту фразу, то смысл получится такой: «Заратуштра говорил не так, как Христос».

Главной моей задачей было опровергнуть известный еврейский тезис, будто одни евреи додумались до монотеизма, потому они, дескать, «богоизбранные». Я показал, что основной комплекс религиозных идей, положенных в основу иудаизма, христианства и ислама, берет свое начало в зороастризме. Мой вывод вкратце можно сформулировать так: христианство это проевренный зороастризм, а зороастризм это христианство без еврейских наклеек и соплей.

И.Р. Шафаревич говорил тогда обо мне, что в Москве появился один странный человек, который «проповедует зороастризм». Я не проповедовал зороастризм; как я уже сказал в ответе на первый вопрос, ни одна религия во мне такого желания не возбудила. В моей более поздней работе «Второе падение Монсегюра» (1998) содержится резко отрицательная оценка зороастризма.

Оспаривая монополию евреев на монотеизм, пришлось как бы принять их правила игры, т.е. исходить из той предпосылки, будто монотеизм есть высшая форма развития религии, хотя никем не доказано, что это действительно есть высшая форма, кроме самих монотеистов, которые развлекаются такого рода «доказательствами» ради собственного удовольствия и самовозвеличения. Каждое мировоззрение имеет определенную расовую подоплеку, и то, что одной расой рассматривается как высшее, вовсе не обязательно должно быть таковым для другой расы. Тем более для всех прочих рас.

Однако когда речь заходит о связи между расой и мировоззрением, всегда необходимо учитывать точно так же, как в случаях с антропологическим типом и психическим складом, что у разных рас могут быть одни и те же элементы. И вопрос лишь в том, является тот или иной элемент преобладающим, доминантным, или нет. Монотеизм был доминантой у семитских народов, но и индоевропейским народам он не был чужд, о чем свидетельствует пример того же зороастризма. Если монотеизм возобладал в Европе, это не могло быть случайностью; как подчеркивал еще Гегель, в такого рода делах случайностей не бывает. Чужая доминанта вступила в Европе в контакт с тем, что уже имелось в ней в рецессивном состоянии. В результате и образовалась та гремучая смесь, которая известна под именем христианство.

Г-н Иван Бло, один из лидеров французского Национального фронта, написал свою книгу «Наследие Афины» (см. «Атеней», №1, с.85) с целью доказать, что термин «иудео-христианство» неправилен, что христианство больше заимствовало от древней Греции, чем из иудаизма. Но не все, что из Греции, доподлинно наше в том смысле, что выражает нашу истинную суть. Греческая культура и религия представляли собой многослойный пирог, выпеченный в результате смешения разных рас. Ницше считал, что «порча» греческого духа началась с Сократа и Платона, но как уточнили более поздние исследователи, это при- скорбное событие произошло гораздо раньше. Но, опять-таки: что есть «пор- ча», а что, наоборот, расцвет – определение субъективное, зависящее от расо- вых симпатий того, кто его дает, симпатии же эти в свою очередь, возникают не из воздуха, а понятно, на какой почве.

Г.Л.: Вы переписываетесь со знаменитыми интеллектуалами мира, разрабаты- вающими панарийскую идеологию, такими как Гийом Фай, Ален де Бенуа, Ми- гель Серрано и др. Как они видят те существенные различия в арийской и семи- тической традициях, которые вот уже несколько тысячелетий ведут тайную и явную войну?

В своей статье «Арийский политеизм и семитский монотеизм как противополож- ные мировоззрения» (Сварог, № 13–14) Вы упомянули характеристику семит- ской расы, которую дал в свое время Э. Ренан. Его мысли в этом направлении развивал Х.С. Чемберлен, который постоянно подчеркивал убожество семитских представлений о Боге по сравнению с гораздо более глубоким и богатым со- держанием изначальной религии арийского мира. Но и Ренан, и Чемберлен это ведь XIX век, а мы сейчас в каком живем?

Г-н Ален де Бенуа в своей классической работе «Как можно быть язычником?» поставил вопрос о фундаментальных различиях между европейским язычеством и иудео-христианством. Этот вопрос необходимо было поставить еще по той причине, чтобы можно было провести четкую линию, отделяющую «новых» правых от «старых», которые никак не могут отцепиться от своего христиан- ства. Однако теперь Гийом Фай, бывший соратник г-на де Бенуа, утверждает, будто он, хотя и объявил себя некогда «язычником», остался в действительности иудео-христианином (см. «Атеней» №5. С.50). Справедливо ли это утвер- ждение?

Я считаю, дело вовсе не в том, кем остался или не остался г-н де Бенуа. Сам вопрос о различиях в арийской и семитической традициях пора уже перестать муссировать. Хорошо известен такой феномен, как уподобление противнику в процессе борьбы. Перекос, допущенный г-ном де Бенуа в его книге заключае- тся в том, что в ней больше места занимает критика иудео-христианства, чем

показ арийского своеобразия. Я вспоминаю, как мы однажды собрались у о. Дмитрия Дудко, чтобы отметить юбилей Достоевского. Кто-то завел разговор о евреях и всё – больше с этой темы уже не слезали: Достоевский был забыт. Так что хватит говорить о евреях – о них, по-моему, уже все сказано. Давайте будем говорить о нас самих: ведь, как сказано выше, наш мир гораздо богаче. И если уж нам непременно нужна какая-то печка, чтобы оттолкнуться от нее и начать плясать, то мы эту печку и у себя найдем.

На мой взгляд, самый выдающийся философ современности – это г-н Пьер Шассар (см. «Атеней» №6). Он роет глубже всех и докапывается до самой сути. Ницше когда-то провозгласил лозунг: «В том божественность, что есть Боги, а не Бог», и специально оговорил, что это символическое выражение, хотя его «Заратуштра» – сплошная символика, чтобы не подумали, будто он призывает вернуться к политеизму. Дело не в политеизме, а в том, что разнообразие заложено в самой сущности мироздания, несводимой ни к какому «единому началу», – это доказывает неустанно г-н Шассар в своих книгах, прежде всего в той, которая так и называется «Разнообразие в природе»; в оригинальном названии этой книги даже слово «разнообразие» употреблено во множественном числе. Он категорически отвергает универсализм, поэтому те, кто мыслит так же, как и он, заменяют термин «универсум» словом «плюриверсум».

В той же древней Греции г-н Шассар разбирается лучше других. Ницше противопоставлял Платону Гераклита, А. Боймлер всячески возносил этого греческого философа, а г-н Шассар показывает, что Гераклит, которого принимают за типичного представителя греческой мысли, выступает со своей теологией Единого в роли разносчика семитских религиозных идей (см. его статью «Ницше: критика метафизики и теологии», «Контртез» №4, февраль, 2000).

Г.Л.: Знаете ли Вы о том, что наш украинский философ Владимир Шаян посвятил этой теме специальное исследование «Библия как идеология» и каково Ваше мнение о нём?

Да, я познакомился с исследованием В. Шаяна «Библия как идеология» по тексту, опубликованному в журнале «Сварог» (№15-16, 2004). Я совершенно согласен с его оценкой Библии: это действительно свидетельство еврейского расизма и учебник геноцида. Но вот в чём загвоздка. Сравнительно недавно мне довелось прочесть рукопись на ту же тему, автор которой, г-н Ахмед Рами, приходит к точно таким же выводам относительно Библии, что и В. Шаян, отправляясь от совершенно иных посылок. Г-н Рами никакой не язычник, он правоверный мусульманин, т.е. типичный представитель «семитского монотеизма», хотя сам он никакой не «семит», а бербер из марокканского племени Тахала, бывший офицер, участник военных заговоров против короля Марокко, уже бо-

лее 30 лет живущий в эмиграции в Швеции. Критиковать Библию, как видим, можно с разных позиций, и сходиться в этой критике вовсе не значит быть единомышленниками. Главное – положительные идеалы, именно здесь обычно и начинаются принципиальные расхождения.

В Вашей статье, которую я упоминал выше, Вы цитируете определение, данное В. Шаяном введенному им же понятию «генотеизма». В. Шаян писал: «Приписывать нашим предкам «примитивный» политеизм – это карикатура и издевательство над истиной о нашей и других арийских религиях». Похоже, В. Шаян стыдился политеизма и принимал правила игры наших противников, которые утверждают некую иерархию религий «высшего» и «низшего» типа, тогда как на самом деле речь идёт всего лишь о религиях, имеющих под собой разную расовую основу. Г-н Мигель Серрано, в отличие от В. Шаяна, открыто заявляет, что «ариец должен быть политеистом». Вы называете генотеизм разновидностью политеизма, а на мой взгляд, это всего лишь стыдливый монотеизм: «учение о Едино-Божестве», «единый Сварог», «всеединство» – это термины самого В. Шаяна. Если бы г-н Шассар читал по-украински, он написал бы о В. Шаяне то же, что и о Гераклите. Я вообще с крайним недоверием отношусь к концепции «единства в разнообразии». Когда начинается единство, разнообразие обычно кончается. У меня тот же лозунг, что и у г-на де Бенуа: «Для меня Единое никогда не будет выше Множественного. Я люблю только различия», хотя он и вызывает раздражение кое у кого из «Европейской синергии» (см. «Атеней» №5, стр. 99), конкретно, у тех, кто, подобно В. Шаяну, верит, что «единое может быть множественным» и кивает при этом на Индию. Да с ней ещё нужно разобратся, с этой хвалёной Индией, что я и постарался сделать в главе об индуизме в моём Заратустре!

Мы сами знаем на опыте, каким бывает «единство в разнообразии», помним «единый Советский Союз» с его культурами, «национальными по форме, социалистическими по содержанию». И что осталось от этого «единства».

Кроме того, я бы не строил никаких гипотетических конструкций на столь сомнительной основе как т.н. «Велесова книга», которую я лично считаю фальшивкой, хотя на первых порах, когда прочёл книгу С. Лесного, увлёкся было ею. Как я сразу не почувствовал исходивший от этой находки сильный запах липы? Похоже, автором её был знаменитый фальшивщик, князь А.И. Сулакадзев (1771 – 1830), личность в высшей степени оригинальная: он тратил годы на свои подделки, не преследуя никакой корысти, исключительно из любви к искусству.

Конечно, можно основать религию и на фальшивке, как это с успехом сделали мормоны, но нам это не к лицу, если правдивость, действительно, является неотъемлемым качеством арийца.

И ещё. В. Шаян писал, что верит в историческую обусловленность судьбы науки её качествами, характером, злодеяниями или заслугами в истории. А чем, позволительно спросить, обусловлены сами эти качества? Они ведь не с неба падают, а развиваются на определённой расовой основе. Куда же девалась эта основа?

Г.Л.: Как Вы относитесь к современному языческому движению?

Я, конечно, всегда буду защищать язычников от христиан, но сам я к современному неоязыческому движению никакого отношения не имею и иметь не собираюсь. И когда наш немецкий друг Вольфганг Штраус назвал меня в журнале «Нацон унд Ойропа» (июль – август 2003) «неоязычником», я написал ему письмо, в котором объяснил, почему меня нельзя причислять к этой категории.

Современное неоязычество сводится, по сути дела, к пантеистическому культу природы, мне лично глубоко чуждому. Я полностью разделяю мнение Лукреция, поэта отнюдь не «семитского»:

Не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир: столь много в нём всяких пороков.

Лукреций приводит далее длинный перечень этих пороков. Не буду его повторять, скажу лишь, что поклонение «Природе» с большой буквы – это поклонение жестокому, кровавому божеству, которое может в одночасье погубить десятки и сотни тысяч людей.

В. Распутин в одной телевизионной программе лепетал что-то насчёт «облагораживающего влияния природы». Когда я слышу о жертвах очередного землетрясения или наводнения, я всегда вспоминаю этот лепет и думаю: Надо же! Скольких людей природа враз «облагородила»!

Вот и Вы противопоставляете «природные» и «неприродные», искусственные религии. Последним Вы, ссылаясь на Яна Стахнюка, даёте весьма суровую оценку за их «враждебность жизни». Но ведь жизнь может быть такой, что по сравнению с ней даже смерть покажется более привлекательной перспективой. Именно такова жизнь в нынешней, путинской России.

Если не в культе природы, то в чём же тогда суть европейского язычества, которую пытался определить, но так и не определил Ален де Бенуа? Суть эта остаётся невыявленной, хуже того, она постоянно искажается, и не какими-нибудь христианскими клеветниками, а людьми, слывущими идеологами современного неоязычества, вроде покойной Зигрид Хунке, которая усмотрела суть древней индоевропейской религии в её монизме. Мое мнение о Хунке разделяет Г. Фай. Ну так и тянет людей на этот монизм, как мух на патоку! А какие основы мировоззрения мы находим у только что упомянутого Яна Стахнюка? «Признание единства мира», его «красоты и гармонии», некоей «творческой эволюции», непонятно, кем творимой, в которой каждая личность должна принять по-сильное участие (Antoni Wacyk. *Mit polski Zadruga, Toporzel. Wrockaw, 1991, s. 116*).

Маршируя по шляху монизма, мы никуда не придём, кроме как к тому же якобы семитскому монотеизму, т.е. кормить нас будут теми же щами, только пожиже влитыми. Всё будет выглядеть иначе, если принять за основу плюралистическую точку зрения Пьера Шассара, но и он «критике подвержен»: у него не религиозное мышление.

Когда я сказал г-ну Шассару, что существует такое течение, как плюралистический теизм, он воскликнул: «Не может этого быть!» и тем рассмешил меня, напомнив анекдотического грузина, который издал тот же возглас, увидев в зоопарке жирафа. Не только может быть, но и есть в виде школы Агхорашивы – Мейкандара в шиваизме и школы Мадхвы в вишнуизме. Вариант: атеистический плюрализм (ортодоксальная индуистская школа санкхья и джайнизм). Где-то в этом направлении и следует искать ту суть язычества, которая всё никак не даётся в руки.

Г-н Шассар отрицает также существование «язычества вообще», которое представляет г-н Кристофер Жерар в своём журнале «Антеийос». На возражение, что его друг, г-н Бернар Менгаль, пропагандирует язычество, г-н Шассар ответил, что речь идёт в данном случае о конкретно нордическом язычестве.

Вот ещё одна проблема: есть язычество вообще или нет? Если язычества разные, то, соответственно, разные у них и сути.

Известный у нас православный фанатик Н. Лисовой написал однажды в газете «Русский собор» (1993, №9), будто язычество – «органический союзник всякого еврейского проникновения», а Ветхий Завет – «наиболее яркое, типовое выражение языческой религии». Смешно слышать такое от коммивояжёра еврейской, по сути своей, религии, но дадим всё же ему договорить: «Язычество... есть, в сущности, именно религиозный национализм – поставление во главу

своей исторической и небесной судьбы «своих», племенных богов, это «тип этнического (этнократического) Богопонимания». «Наиболее сильным и чистым из религиозных национализмов, из «язычеств», является, безусловно, «иудаизм».

Что действительно безусловно, так это то, что этот христианский идиот понятия не имеет о язычестве. Он не знает, что, например, римский пантеон вовсе не был «племенным», а включал в себя богов покорённых народов. Он считает кровавые жертвоприношения, принятые у древних иудеев, характерной особенностью язычества, хотя «языческая» индийская цивилизация испытывает к ним непобедимое отвращение.

Н. Лисовой договорился до того, что объявил язычество «антинациональным» для русского народа уже в X веке. Выходит, что деятельность Святослава, который превратил языческую Русь в мощную державу, разгромил хазар и вышел на Дунай, была антинациональной? Нет, уж если кто антинационален воистину, так это сам Лисовой, для которого «православие важнее национализма».

Главное оружие евреев – их этнократическая сплочённость. И если есть угроза, что с ними начнут воевать их же оружием, они нанимают какого-нибудь Лисового, который начинает вопить: «Что вы делаете! Не уподобляйтесь евреям!»

А мы и не можем им уподобиться. Это физически невозможно. Индоевропейское язычество возникло на иной расовой основе, нежели иудаизм. И, пожалуй, даже не на одной, ибо не случаен позднейший раскол европейского христианства на три основные ветви. И если эти линии раскола наметились ещё в языческой Европе, трудно рассчитывать на неоязыческое европейское единство.

Г.Л.: Вы – глава Российского отделения Европейской Синергии. Объясните кратко, что это за структура, и какую роль она отводит Украине в европейском интеграционном процессе.

Российского отделения Европейской Синергии не существует. Во время визита руководителей этой организации в Москву в апреле 1996 г. мы с В.Б. Авдеевым получили статус её официальных представителей в России, но юридически была зарегистрирована в 1997 году только Московская организация.

Основал Европейскую Синергию в 1993 году г-н Жильбер Сенсир, некогда создавший вместе с Ле Пенем французский Национальный фронт, но впоследствии превратившийся из французского националиста в националиста европейского, как он сам себя определяет. Долгое время г-н Сенсир был членом ГРЕСЕ, мозгового центра «новых правых», возглавляемого Аленом де Бенуа, но ему, как человеку деятельному, мало было интеллектуальных бесед в башне из сло-

новой кости, он загорелся желанием создать общеевропейскую организационную структуру. Этой цели и должна была послужить Европейская Синергия, но она, к сожалению, не справилась со своей задачей. Я не раз указывал г-ну Сенсире, что эта неудача стала закономерной, потому что идеология движения так и осталась «полуфабрикатом».

ГРЕСЕ (группа изучения европейской цивилизации; по-французски это сокращение звучит как «Греция») с самого начала ориентировалась на область «метapolитики». Она исходила из тезиса А. Грамши: Прежде чем завоевать власть, надо завоевать умы. Грамши ссылался при этом на пример идей Просвещения, подготовивших Французскую революцию. Уважение к итальянскому коммунисту в данном случае не должно никого удивлять. П.В. Тулаев напрасно упрекает в «Атенее» №5 А. де Бенуа в том, что он не «правый»: Бенуа никогда и не собирался быть «правым». Он давно писал: «В настоящее время я исповедую правые идеи, но... я вполне могу представить себе ситуацию, в которой они станут левыми». А теперь заявляет: «Наша публика – правая, но мы сами ближе к левым».

Термин «новые правые» был придуман журналистами десять лет спустя после создания ГРЕСЕ. Генеральный секретарь Европейской Синергии, г-н Роберт Стойкерс, счёл необходимым выйти за рамки концепции, предполагающей деление на левых и правых, и в 1997 году наша ассоциация официально отказалась от использования термина «новые правые». Я полностью солидарен с этим решением.

Пресловутые «идеи Просвещения» тоже не являлись цельной системой. Вольтер и Руссо, как известно, были на ножах, тем не менее, оба слывут «предтечами Французской революции». Но за этими идеями стояла такая мощная организация, как масонство. У «новых правых» (будем всё же условно придерживаться этого названия) такой организации не было. Я говорил г-ну Сенсире, что стабильные структуры может создать только религиозная секта или политическая партия с жёсткой догматикой, вроде коммунистической. Европейская Синергия не была ни тем, ни другим, поэтому и оказалась на грани развала.

В 1998 году в результате идейных разногласий и интриг г-н Сенсир был отстранён от руководства Европейской Синергией. Его уход повлёк за собой тяжёлые последствия. В идейных установках ассоциации появился опасный происламский крен, против которого не устаёт предостерегать г-н Фай, нечто вроде нашей дугинщины. Позже стало ясно, где именно «у источника сидит жаба». Этой жабой оказалась непонятным образом влезшая на место Сенсира Алесандра Колла, издательница итальянского журнала «Орион». Об этом журнале наш итальянский корреспондент, г-н Эдоардо Лонго, писал нам, что в нём отка-

зываются печатать статьи по расовым проблемам и по истории фашизма. Он добавлял, что в Италии все настоящие правые ненавидят само слово «новые правые». Я лично полагаю, что если когда и были какие-то, действительно, «новые правые», так это фашисты, а все прочие – самозванцы.

К счастью, г-ну Стойкерсу удалось выправить крен. После событий 11 сентября 2001 г. он занял совершенно чёткую и правильную позицию: и Америка, и Ислам – враги европейской цивилизации. Не может быть выбора между чумой и холерой.

Московская организация тоже пережила кризис, когда от нас ушёл редактор журнала «Атака» С. Жариков. Идейных разногласий не было; Жариков – хороший человек, просто он, как говорят на Западе, «анарх» и не может работать ни в какой структуре, даже самой рыхлой и необременительной.

Но мы с лихвой возместили урон, нанесённый нам уходом Жарикова, когда вместо него пришёл П.В. Тулаев. Он стал издавать «Атеней» – журнал высшего интеллектуального класса, не чета хулиганской «Атаке»! А какую огромную организационную работу ведёт Павел Владимирович, сколько он ездит! Я считаю, беда наших западноевропейских партнёров в том, что у них нет своего Тулаева.

Что же касается европейского интеграционного процесса, то Европейская Синергия выступает против европейской интеграции в её нынешнем виде, осуществляемой на базе бюрократии и финансов. Это не наша Европа, наша Европа – другая, вечная.

Никакого особого места у нас никто никому не отводит. Мы не на званом вечере с именной табличкой перед каждым стулом. Украина должна определить своё место в Европе сама, никто не имеет права делать это за неё.

Хотел бы обратить внимание лишь на одно обстоятельство. Европейская Синергия и близкий к ней г-н Жан Парвулеско, известный писатель-мистик, постоянно подчёркивают геополитическое значение «каролингского полюса», блока Франции и Германии, воссоздающего империю Карла Великого. Если вспомнить, что во времена этой Империи вторым политическим центром в Европе была не какая-нибудь, а именно Киевская Русь, пусть это и послужит поводом для размышлений о возможной роли Украины.

Г.Л.: Читая Ваши публикации, я обратила внимание на то, что Вы отрицаете генетические связи древних венедов со славянами. Аргументируйте, пожалуйста, Вашу точку зрения.

О венетах мною была написана в 1980 году специальная работа «История как орудие геноцида» (Несколько слов в защиту венетов). Она была опубликована в журнале «Национальная демократия», 1995, №1. Подробная аргументация, почему я не считаю венетов славянами, содержится в ней. Я назвал так свою работу, потому что считаю присвоение чужой истории таким же преступлением, как и захват чужой территории. А на венетское наследие, в частности, на лужицкую культуру, зарятся не только славяне. Карл Шухардт в своём фундаментальном труде «Древняя Европа, развитие её культур и народов» (1-е изд. 1918, 4-е – 1941.) доказывает германский характер этой культуры. Сами венеты возразить уже ничего не могут, вот я и решил за них заступиться.

Я вовсе не отрицаю «генетические связи» между венетами и славянами. И те, и другие принадлежат к индоевропейской семье народов, поэтому так или иначе генетически связаны. Я даже не отрицаю, что к началу нашей эры венеты стали славянами, я отрицаю только, что они были ими изначально.

Самые сильные аргументы против славянской принадлежности венетов приводят, на мой взгляд, лингвисты. Так Ф.П. Филин пишет в книге «Образование языка восточных славян» (М-Л, 1962) о племенах, которые занимали область между Одером и Вислой: «Если бы это были славяне, то контакт между германцами и славянами в бассейне Одера был бы постоянным, что несомненно сказалось бы на языке. Однако языковые данные пока что свидетельствуют против наличия такого контакта». Только на рубеже нашей эры славяне начали продвигаться на запад, «заняли место какого-то древнего, может быть, кельтского или «иллирийского» племени и вошли в непосредственный контакт с германскими племенами, которые перенесли имя «венеты, венды» на славян. От германцев это название перешло к римлянам, а также к западным финнам».

«Иллирийцы» здесь не зря упомянуты в кавычках. Я показываю в своей работе, что их к венетам лучше не приплетать. Венетский клин, разделивший славян и германцев, с другой стороны, перекинул мост от кельто-романской группы к балтам, что позволяет объяснить ряд интересных языковых сходжений между этими группами. Учитывая это, я полагаю, что не случаен и фанатичный католицизм поляков: в духовном плане они остаются таким же авангардом романского мира, каким когда-то венеты были в плане физическом.

П.В. Тулаев попенял мне в №6 «Атенея»: «Зачем называть реально существовавших в истории венетов «мифом» и заявлять, что они впервые появились в Питере десять лет тому назад?» А затем это нужно делать, чтобы отделить «реально существовавших в истории венетов» от мифа, придуманного новоявленными питерскими «венетами». Ведь в том месте, которое имеет в виду

П.В. Тулаев, я критикую А. Широпаева, который видит в «венетах» автохтонов русского Северо-Запада.

Настоящие потомки венетов, вятичи, не были в России автохтонами: они действительно пришли, как и сообщалось в летописях, «от лях», обойдя по дуге с юга болота Припятского Полесья, на верхнюю Оку в VIII веке, и особенно много польских по происхождению местных названий приходится на Верхнее и Среднее Поочье (О.Н. Трубачев. В поисках единства. М, 1992, с.105-106). Конечно, эти венеты были уже славянами, но западными, а не восточными. Так что «общества венетов» имело бы смысл создавать в Польском Мазовше и Хелминской земле и у нас на Рязанщине, но никак не в Питере!

Г.Л.: Считаете ли Вы славянство культурно-исторической общностью, и каково Ваше отношение к славянофилам?

О славянофилах я писал дипломную работу на историческом факультете Московского университета. Особое внимание в ней было уделено книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой, как я считаю, содержится квинтэссенция славянофильства. Но тот политический союз всех славянских народов, который виделся Данилевскому, возник лишь после Второй мировой войны, под эгидой Советского Союза и коммунистической идеологии. И славяне же первые начали этот союз разваливать – я имею в виду Югославию Тито. А потом развалилась и сама Югославия, и один, по сути дела, народ, разделённый на три части тремя разными религиями, уничтожал сам себя в яростном исступлении. И после этого Вы хотите, чтобы я верил в славянскую общность?

Те, кто надеется на какие-то особо близкие отношения между родственными народами, жестоко ошибаются: они просто не читали Дарвина и не знают, что самая жестокая борьба за существование происходит между близко родственными видами. Кто ненавидит русских сильнее поляков? А теперь, говорят, и на Украине накал русофобии сильнее, чем во всех прочих республиках бывшего СССР. Не знаю, правда, кто этот накал мерил и каким прибором, но русофобия на Украине очень сильна. Так что и отношения между братьями тоже могут быть разными. Как говорили в Чехии в 1968 году, когда ей оказали «братскую помощь», «Каин тоже был братом».

Руководители нацистской Германии тоже наивно верили, что родственные немцам по крови англосаксы будут испытывать к ним симпатию, но не было у Германии злейших врагов, чем эти самые англосаксы.

Славянофильство родилось у нас из сочувствия славянским народам, лишённым политической самостоятельности, находившимся под властью австрийцев и ту-

рок. Но дальше начиналась странная логика: австрийцам и туркам нельзя, а нам можно лишать независимости, скажем, ту же Польшу, и никто не мог протестовать против этого, потому как не дело других вмешиваться в «спор славян». Как Вам такое понимание «славянской общности»? Или такое размышление: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос» (А.С. Пушкин). Глубокомысленный вопрос, что и говорить. А если подумать дальше: что станет со славянскими ручьями, если иссякнет русское море? Они тоже иссякнут или всё же сольются, если не в море, то хотя бы в каком-нибудь озере?

Трудно представить себе славянскую общность из-за расколотости наших народов по религиозному признаку. Если строго следовать теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, то разные славянские народы принадлежат к разным цивилизациям. Во Вторую мировую войну у славянских народов был общий враг, да и то не у всех: словаки и хорваты, наоборот, получили от немцев независимость и сражались на их стороне, равно как и болгары, для которых главным врагом издавна были сербы – ещё одно подтверждение правоты Дарвина. А ведь сербов и болгар даже религия не разделяет. Правда, болгары любят доказывать в своё оправдание, что они по происхождению турки и к славянской общности никакого отношения не имеют.

С логикой одного поэта мы уже знакомы. А вот логика другого, который мечтал,

«Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками».

Очень правильное предчувствие было у Т. Шевченко: чтобы славяне действительно стали братьями, необходимо, чтобы они предварительно стали еретиками. Мы вот еретики у себя в России, Вы – на Украине, наши польские друзья, которые к нам приезжали, – в Польше, и нет вражды между нами. Вот так и восстанавливается то славянское единство, которое было на заре нашей истории.

Г.Л.: Что бы Вы хотели пожелать Украине и журналу «Сварог»?

Обращаться с пожеланиями к целым народам – привилегия государственных и религиозных деятелей. Если я буду этим заниматься, меня естественно, спросят: А ты кто такой?

Мне хотелось бы, чтобы каждый народ руководствовался греческим принципом: «Познай самого себя». Познавать самого себя, значит, быть самим собой, а это и есть настоящая «самостийность».

Смешно и грустно, когда самоутверждение вырождается в стремление доказать, что именно твоя страна – «родина слонов». Когда учёные разных наций тащат этих почтенных животных за хобот на свою территорию, мне лично становится противно, независимо от того, кто этим занимается, – русские, украинцы или немцы.

Украина лишь недавно обрела государственность. Народы, у которых это событие происходит с запозданием, подобны молодым горам со множеством вулканов – они опасны для самих себя и для окружающих. Известно, как запоздали в этом плане Германия и Италия и какую роль они впоследствии играли.

Украина – страна, у которой ещё всё впереди, а что именно – зависит от неё. Ведь главное в свободе это для чего, а не от чего. Печальную картину являют собой освободившиеся от коммунистического ига страны Восточной Европы и Прибалтики – похоже, они освободились лишь для того, чтобы соревноваться в том, кто дальше высунет язык, чтобы лизнуть американский сапог. Было бы прискорбно, если бы Украина тоже приняла участие в этом соревновании. Неужели ради этого сражались герои из УПА, те, в честь которых провозглашается лозунг «Слава героям!»? Героям-то слава, а вот их недостойным потомкам – «ганьба!»

Украинцы могут подумать: Вот коварный москаль! Хочет посорить нас с Америкой, хочет, чтобы мы опять пошли «под царя московского». Представьте себе, не хочу. Россия сама стоит перед угрозой распада и частичной оккупации ее территории иностранными войсками. Это неизбежно произойдет, если она не откажется от того политического выбора, который сделала сегодня. Кстати, тогда могут измениться и нынешние границы Украины и принять примерно такие очертания, как на картах Грушевского, но суть не в этом.

Я возвращаюсь к поставленному вопросу: Что произойдет, если «русское море» иссякнет? А оно уже иссякает и становится похожим на Аральское. Куда денутся тогда «славянские ручьи»? Есть шанс, что потекут они именно на Украину, что если уж в Западной Европе снова заговорили о «каролингском полюсе», то вполне вероятно и возрождение «киевского полюса».

Г-н Парвулеско, как и многие другие на Западе, мечтает об оси Париж-Берлин-Москва. Однако эта «ось» начала разваливаться после политической победы Меркель и покорного возвращения Германии в американское стойло. Зато Лех

Качиньский, кажется, больше поляк, нежели «европеец». Украина и Польша, выступая вместе, могли бы играть более самостоятельную и важную роль на мировой арене (добавление от 2005 года – ред.). Есть такой великолепный шанс. Но шанс этот можно и бездарно упустить. Как поется в песне «Думайте сами, решайте сами»...

А журналу «Сварог» я бы пожелал, чтобы оказались верными некоторые мои предположения. Мне приходилось читать у старых историков, что русский народ живет в состоянии «двоеверия», что под христианством сохраняется пласт «пережитков язычества». Мне кажется, что на Украине этот пласт расположен гораздо ближе к поверхности, а следовательно, и шансы на возрождение «ридной веры» здесь гораздо больше, чем в любой другой из славянских стран. Поэтому я желаю журналу «Сварог» – пусть его идеология меня не устраивает, – с успехом эксплуатировать эту золотую жилу и расширить круг своих читателей.

Опубликовано на украинском языке с сокращениями под названием «Визначити своє місце в Європі» в журнале «СВАРОГ», №17-18 (Киев, 2004), с.48-52. Полный текст на русском публикуется впервые с небольшим добавлением.

**Доброслав. МАТЬ-ЗЕМЛЯ. Избранные труды. Книга вторая:
Издательский центр «СЛАВА!», Москва, 2005, 240 стр.**

Вышла в свет вторая книга патриарха русского язычества Доброслава (Алексея Александровича Добровольского, р. 1938). Она объединяет труды, посвященные Родной Природе, её божественной красоте, Богам, тайнам и неведомым силам. Этот том включает: большой очерк «Мать-Земля: Чудо-чудное, Диводивное» с подзаголовком «Введение в геобиологию»; исследование о магии запахов «Арома Йога»; очерк «Русалки: кто они»; натурфилософское эссе «НЛО как оккультная реальность», а также избранные статьи в разделе «Берегиням». Открывает книгу предисловие Буяна «В Раю Родной Природы», а завершает – приложение Зореславы «Культ Матери-Земли у славян». Издание рассчитано на широкий круг читателей, любящих Природу и Историю.

Для тех, кто по каким-либо причинам не смог купить первый сборник Доброслава «ЯЗЫЧЕСТВО КАК ВОЛШЕБСТВО» (М., 2005, «СЛАВА!», 304 стр.), указываем его содержание. В книге впервые собраны его ранние труды, прежде издававшиеся брошюрами малого тиража. Это «Дерево-целитель», «Славицы», «Светославие», «Волк – собака Лешего», «Закат и рассвет язычества», «Радость солнцепоклонника», «Язычество как Волшебство». Включённая в сборник «Памятка

Русскому Национал-Социалисту. Честь и Верность» – это манифест общественно-политических убеждений мыслителя. Книгу предваряют: биография Доброслава, интервью о его жизненном пути, а завершает послесловие составителя сборника.

Цена двух томов, включающая почтовые услуги, 280 рублей.

Цена одной книги – 150 рублей.

Заказы реализуются после получения предоплаты почтовым или электронным переводом по адресу:

Москва, 109462, а/я 11, Тулаеву Павлу Владимировичу

Оптовые заказы по адресу: slawa@msx.ru

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).